

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

3

Выпуск (860)

Год основания – 1940

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2025

1930

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY»

VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

SOCIAL SCIENCES

3

Issue (860)

The year of foundation – 1940

Moscow
FSBEI HE MSLU
2025

1930

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

выпуск 3(860)

Издается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор

В. К. Белозёров

доктор политических наук, профессор

Ответственный редактор

М. В. Пупышева

кандидат политических наук

Ответственный секретарь

А. А. Азаренкова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Брега А. В.	доктор политических наук, профессор (Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации)
Велес Ривера Ф.	доктор социологических наук, профессор (Латиноамериканский факультет социальных наук, Эквадор)
Гайденоко П. И.	доктор исторических наук, доцент (МГЛУ)
Джунушалиева Г. Д.	доктор исторических наук, доцент (Киргизско-Российский Славянский университет, Бишкек, Киргизия)
Киселев С. Г.	доктор философских наук, профессор (МГЛУ)
Колесников А. А.	доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет)
Косторниченко В. Н.	доктор экономических наук, доцент (МГЛУ)
Лапинс Вульф	Doctor honoris causa multiplex, доктор политических наук, профессор (WeltTrends Institut für Internationale Politik, Германия)
Новикова И. Н.	доктор исторических наук, доцент (Санкт-Петербургский государственный университет)
Образцов И. В.	доктор социологических наук, профессор (МГЛУ)
Передня Д. Г.	доктор социологических наук, доцент (МГЛУ)
Петров А. Ю.	доктор исторических наук (МГЛУ)
Примаков В. Л.	доктор социологических наук, профессор (МГЛУ)
Пророкович Душан	доктор политических наук, профессор (Институт международной политики и экономики, Белград, Сербия)
Радиков И. В.	доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет)
Саблуков А. В.	доктор социологических наук, профессор (МГЛУ)
Сидорова Г. М.	доктор политических наук, профессор (МГЛУ)
Смирнов А. И.	доктор социологических наук (Институт социологии РАН)
Филимонов О. В.	доктор социологических наук, профессор (Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации)
Харичкин И. К.	доктор философских наук, профессор (МГЛУ)
Ширинянц А. А.	доктор политических наук, профессор (Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова)

VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

Issue 3(860)

Published by the decision of the Academic Council
Moscow State Linguistic University

Editor-in-chief
V. K. Belozyorov

Editor-in-charge
M. V. Pupysheva

Responsible Secretary
A. A. Azarenkova

Doctor of Political Sciences (Dr. habil.), Professor

PhD (Political Sciences)

EDITORIAL BOARD

Brega Alexander	Doctor of Political Sciences (Dr. habil), Professor (Financial University under the Government of the Russian Federation)
Fredy Veléz Rivera	Doctor of Sociology (Dr. habil), Professor (Latin American Faculty of Social Sciences, Ecuador)
Gaidenko Pavel	Doctor of History (Dr. habil), Associate Professor (MSLU)
Dzhunushalieva Gulmira	Doctor of History (Dr. habil), Associate Professor (Kyrgyz-Russian Slavic University, Bishkek, Kyrgyzstan)
Kiselev Sergey	Doctor of Philosophy (Dr. habil), Professor (MSLU)
Kolesnikov Alexander	Doctor of History (Dr. habil), Professor (Saint Petersburg State University)
Kostornichenko Vladimir	Doctor of Economics (Dr. habil), Associate Professor (MSLU)
Lapins Wulf	Doctor Honoris Causa Multiplex, Doctor of Political Sciences (Dr. habil), Professor, Professor, Senior researcher in WeltTrends Institut für Internationale Politik (Germany)
Novikova Irina	Doctor of History (Dr. habil), Associate Professor (Saint Petersburg State University)
Obraztsov Igor	Doctor of Sociology (Dr. habil), Professor (MSLU)
Perednya Dmitry	Doctor of Sociology (Dr. Habil), Associate Professor (MSLU)
Petrov Alexander	Doctor of History (Dr. habil) (MSLU)
Primakov Viacheslav	Doctor of Sociology (Dr. habil), Professor (MSLU)
Proroković Dušan	Doctor of Political Sciences (Dr. habil), Professor, (Institute of International Politics and Economics, Belgrade, Serbia)
Radikov Ivan	Doctor of Political Sciences (Dr. habil), Professor, (Saint Petersburg State University)
Sablukov Alexander	Doctor of Sociology (Dr. habil), Professor (MSLU)
Sidorova Galina	Doctor of Political Sciences (Dr. habil), Professor (MSLU)
Smirnov Alexander	Doctor of Sociology (Dr. habil) (Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences)
Filimonov Oleg	Doctor of Sociology (Dr. habil), Professor (Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation named after Prince Alexander Nevsky)
Kharichkin Igor	Doctor of Philosophy (Dr. habil), Professor (MSLU)
Shirinyants Alexander	Doctor of Political Sciences, Professor (Lomonosov Moscow State University)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Влияние распада Югославии на формирование балканского направления внешней политики Турции (1991–1998) МОСКАЛЬЧУК Д. А.	9
Сотрудничество России и Китая в области молодежной политики в рамках стратегического партнерства: механизмы и практика ЛИ СЯВЭЙ	16
Современные китайско-германские отношения как отражение кризиса трансатлантического единства в противостоянии стран Запада и КНР РУКАВИЦЫН П. М.	24
Приоритеты сотрудничества ведущих международных акторов с государствами Восточной Африки на современном этапе (на примере Кении и Танзании) СТОЛЕТОВ О. В.	33
Тенденции развития неореспубликанизма в современной Турции УРПЕР М.	41

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Деятельность местных органов власти по обеспечению государственной и общественной безопасности на территории Северо-Западного края Российской империи (1900–1907) АНАНЬЕВ С. В.	47
Внешнеполитические интересы и ценности Исламской Республики Иран в национальных документах стратегического планирования: ретроспектива и современность БАСКАКОВ И. Д.	56
Матвей Казаков: архитектор и власть ГОРЛОВ В. Н.	65
Акт о гербовом сборе 1765 года: взгляд центральной власти Великобритании на американское сопротивление МАКАРОВ Е. П.	73
Взаимодействие войск Северо-Западного фронта Русской императорской армии в ходе ведения Варшавско-Ивангородской операции ПАНТЕЛЕЕВ П. В.	82

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Молодые ученые в современном российском наукограде: коммуникация,
вопросы инфраструктуры и научная карьера

ГАЛКИН К. А., РАССОЛОВА Е. Н. 91

К вопросу о социальных функциях иноязычного образовательного неравенства
в российских школах

ПРИМАКОВ В. Л. 101

Пространственная изменчивость субъективных самооценок состояния здоровья
населения Республики Башкортостан

ХАЗИПОВА С. Р. 109

POLITICAL SCIENCES

The Impact of the Breakup of Yugoslavia on the Formation of the Balkan Direction of Turkey's Foreign Policy (1991–1998)	
MOSKALCHUK D. A.	9
Cooperation Between Russia and China in the Field of Youth Policy Within the Framework of Strategic Partnership: Mechanisms and Practice	
LI XIAWEI	16
Modern Chinese-German Relations as a Reflection of the Crisis in Transatlantic Unity Amid the Western-Chinese Confrontation	
RUKAVITSYN P. M.	24
Priorities of Cooperation of Leading International Actors With East African States at the Present Stage (on the Example of Kenya and Tanzania)	
STOLETOV O. V.	33
Trends in the Development of Neo-Republicanism in Contemporary Turkey	
MEHMET URPER	41

HISTORICAL SCIENCES

Activities of Local Authorities to Ensure State and Public Security in the North-West Territory of the Russian Empire (1900–1907)	
ANANYEV S. V.	47
Foreign Policy Interests and Values in National Strategic Documents of the Islamic Republic of Iran: Retrospective Review and Current State	
BASKAKOV I. D.	56
Matvey Kazakov: Architect and Power	
GORLOV V. N.	65
The Stamp Act 1765: a British Government View of American Resistance	
MAKAROV E. P.	73
Interaction of Troops of the Northwestern Front of the Russian Imperial Army During the Warsaw-Ivangorod Operation	
PANTELEEV P. V.	82

SOCIOLOGICAL SCIENCES

Young Scientists in the Modern Russian Science City: Communication, Infrastructure
Issues and Scientific Career

GALKIN K. A., RASSOLOVA E. N. 91

On the Issue of the Social Functions of Foreign-Language Educational Inequality
in Russian Schools

PRIMAKOV V. L. 101

Spatial Variability of Subjective Self-Assessments of the Health Status
of the Population of the Republic of Bashkortostan

KHAZIPOVA S. R. 109

Влияние распада Югославии на формирование балканского направления внешней политики Турции (1991–1998)

Д. А. Москальчук

*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
danila_moskalchuk@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается внешняя политика Турции в отношении стран бывшей Югославии в 1990-е годы — период распада СФРЮ и обострения этнорелигиозных конфликтов на Балканах. Цель исследования — выявление факторов, определивших трансформацию турецкой внешней политики от осторожного нейтралитета к активному вовлечению в региональные процессы. Особое внимание в работе уделяется роли религиозной, этнической и культурной идентичности в формировании балканского вектора Анкары. В статье используется историко-сравнительный метод изучения первичных источников, а также анализируются работы ведущих турецких и зарубежных исследователей. Особое внимание уделено интерпретации идеологических сдвигов — от кемалистского гражданского национализма к озалистской концепции, сочетающей турецкую идентичность с исламским наследием Османской империи. Одним из перспективных направлений данного исследования является сопоставительный анализ позиции Турции в отношении к стремлению боснийских мусульман и косовских албанцев обрести национальное государство. Автор полагает, что подобная реализация разновекторного и адресного подходов к решению конфликтов на территории Западных Балкан в значительной степени оказала влияние на последующую стратегию выстраивания отношений между Турцией и странами бывшей Югославии, а также заложила базу для развития новых проектов в рамках инструментария «мягкой» и «умной» силы. Результаты исследования демонстрируют, что внешняя политика Турции в 1990-е годы была противоречивой и определялась балансом между стремлением к региональному лидерству, внутренними политическими рисками и давлением международных акторов, прежде всего США и НАТО. Анкара выработала гибкий внешнеполитический курс, который соответствовал постоянно меняющейся обстановке в регионе. Подобный подход претерпел изменения после прихода к власти Партии справедливости и развития в ноябре 2002 года, но вместе с тем сохранил свою актуальность и лег в основу современного внешнеполитического курса Анкары на Балканах.

Ключевые слова: Турецкая Республика, Федеративная Республика Югославия, Босния и Герцеговина, Республика Косово, публичная дипломатия, «умная сила», НАТО

Для цитирования: Москальчук Д. А. Влияние распада Югославии на формирование балканского направления внешней политики Турции (1991–1998) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2025. Вып. 3 (860). С. 9–15.

Original article

The Impact of The Breakup of Yugoslavia on the Formation of the Balkan Direction of Turkey's Foreign Policy (1991–1998)

Danila A. Moskalchuk

*St. Petersburg State University, St-Petersburg, Russia
danila_moskalchuk@mail.ru*

Abstract.

The article examines the evolution of Turkey's foreign policy strategy towards the countries of the former Yugoslavia in the 1990s, the period of the collapse of the SFRY and the intensification of ethno-religious conflicts in the Balkans. The aim of the study is to identify the factors that determined the transformation of Turkish foreign policy from cautious neutrality to active involvement in regional processes. In this work, special attention is paid to the role of religious, ethnic and cultural identity in shaping Ankara's Balkan vector. This article uses the historical and comparative method, the study of primary sources, as well as the involvement of works by leading Turkish and foreign researchers. Special attention is paid to the interpretation of ideological shifts – from Kemalist civic nationalism to the Ozalist concept combining Turkish identity with the Islamic heritage of the Ottoman Empire. One of the promising areas of this research is a comparative analysis of Turkey's position in relation to the aspirations of Bosnian Muslims and Kosovo Albanians to establish a national state. The author believes that such an implementation of multi-vector and targeted approaches to conflict resolution in the Western Balkans significantly influenced the subsequent strategy of building relations between Turkey and the countries of the former Yugoslavia, as well as laid the foundation for the development of new projects within the framework of the toolkit of "soft" and "smart" power. The results of the study demonstrate that Turkey's foreign policy in the 1990s was contradictory and determined by a balance between the desire for regional leadership, internal political risks and pressure from international actors, primarily the United States and NATO. Ankara has developed a flexible foreign policy course that is in line with the constantly changing situation in the region. This approach underwent changes after the Justice and Development Party came to power in November 2002, but at the same time it remained relevant and formed the basis of Ankara's modern foreign policy in the Balkans.

Keywords:

Republic of Turkey, Yugoslavia, Bosnia and Herzegovina, Kosovo, public diplomacy, smart power, NATO

For citation:

Moskalchuk, D. A. (2025). The impact of the breakup of Yugoslavia on the formation of the Balkan direction of Turkey's foreign policy (1991–1998). *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences*, 3(860), 9–15. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Развитие внешнеполитических связей Турции со странами бывшей Югославии приходится на рубеж 1980–1990-х годов – период стремительного политического, экономического и социального подъема Анкары, начало которого пришлось на конец холодной войны. Политика Тургута Озала¹, направленная на форсированное развитие страны, укрепление международного авторитета и переход к неолиберальной экономической модели, получила название «озализм». Во внешней политике Турции озализм выражался в форсированном развитии контактов с западными странами и решении возникших конфликтных ситуаций путем прямых переговоров. Т. Озал делал ставку на двусторонние отношения, предпочитая вести переговоры в первую очередь со странами, находящимися в непосредственной близости от Турции. Позитивные тенденции во внутренней повестке дня Турции и тектонические сдвиги в биполярной системе международных отношений создали

благоприятные условия для того, чтобы Анкара перешла к активизации внешней политики.

Стремление Озала вывести Турцию на европейскую политическую арену и желание укрепить национальный авторитет в регионе не могли обойти своим вниманием Югославию, которая в начале 1990-х годов испытывала колоссальный политический кризис. Балканское направление в 1990-е годы, наряду с центральноазиатским и европейским, стало одним из перспективных во внешней политике Турции. В результате распада СФРЮ² в 1991–1992 годах, кроме Союзной Республики Югославия, на карте появились три независимых республики (Словения, Хорватия, Македония) и ряд территорий, контроль над которыми взяли боснийские и косовские сепаратисты. Каждая из них с момента обретения суверенитета старалась найти как можно больше поддержки у мирового сообщества, тем самым доказывая право на свое существование.

Несмотря на то, что США и ряд европейских государств довольно быстро поддержали националистические правительства самопровозглашенных республик, Турция на начальном этапе

¹Тургут Озал – турецкий политический деятель; 1983–1989 годы – премьер-министр, 1989–1993 годы – президент Турецкой Республики.

²СФРЮ – Социалистическая Федеративная республика Югославия

отказывалась от признания независимости отколовшихся от СФРЮ субъектов. Одной из основных причин такой стратегии являлось то, что Югославия обеспечивала стабильную торговую связь Турции с Европой. Кроме того, Т. Озал не желал, чтобы Анкара, воспользовавшись слабостью регионального партнера, продвигала свое влияние среди мусульманского населения Югославии и была уличена в восстановлении османского наследия, попутно получив ярлык агрессора. Ахмет Давутоглу в своей книге «Стратегическая глубина» подробно описал формирование балканского вектора внешней политики Турции после окончания холодной войны. Согласно А. Давутоглу, в 1980–1990-е годы на первый план постепенно начала выходить этническая и религиозная принадлежность, поиск собственной социально-культурной и социально-политической идентичности. Примечательно, что этот процесс протекал одновременно как на Балканах, так и в самой Турции. Отход от политики гражданского национализма, являвшегося краеугольным камнем кемализма, стал следствием развития центробежных сил на юго-востоке страны. Нежелание провоцировать курдский национализм и сепаратизм стало одной из многочисленных причин, по которой Т. Озал не спешил с признанием и поддержкой новых республик, вышедших из состава Югославии. В этих условиях формировалась концепция, согласно которой османское наследие выступало фундаментом для построения крепких международных связей с новыми участниками постбиполярного мира. Вполне логично в такой ситуации является то, что Турция для укрепления собственной позиции на Балканах использовала именно мусульманский фактор, в частности в Боснии и Герцеговине и Косово [Davutoğlu, 2011].

В результате кризиса Словения и Хорватия попали в орбиту франко-немецкого влияния, а Сербия и Черногория (на тот момент находившиеся в составе СРЮ) подтвердили свою пророссийскую ориентацию, параллельно выстраивая отношения с православной Грецией. Албанцы и боснийские мусульмане видели в Турции единственную страну в регионе, которая готова отстаивать их права. Турецкая общественность, несмотря на позицию центральных властей, явно симпатизировала мусульманскому населению, выставляя последних жертвами политических амбиций Слободана Милошевича. В таких условиях произошло обоюдное сближение балканских мусульман и Анкары. Наблюдая этот процесс, администрация Озала предприняла ряд серьезных шагов на пути к укреплению как собственных позиций, так и положения мусульман в регионе. По мнению турецких исследователей, поток беженцев, следовавшая

финансовая нагрузка на Турцию и активизация сербского национализма стали причинами, по которым Анкара вынуждена была изменить свое отношение к ситуации в Югославии и ускорить процесс признания самопровозглашенных республик [Çalış, 2001].

В признании независимости Турцией Хорватии, Словении, Македонии и Боснии и Герцеговины просматривается не только сдвиг политической платформы Балкан, но и идеологическая эволюция внешней политики самой Турции. На протяжении долгого времени кемалистская Турция выстраивала диалог как с королевской, так и коммунистической Югославией. Такие отношения опирались на взаимное уважение суверенитета двух равноправных участников международных отношений. Анкара и Белград подчеркивали наднациональный и надрелигиозный характер взаимоотношений, стремясь к стабильным Балканам как залогому взаимного процветания. Однако поддержка Турцией независимости Боснии и Герцеговины вывела на политическую авансцену нового актора – религиозное меньшинство (боснийские мусульмане и албанцы), которые искали заступничества в лице сильной Турции.

Тему пересмотра внешнеполитической стратегии Турции в рассматриваемый период детально изучил турецкий исследователь Мухиттин Атаман. В своей статье М. Атаман предложил теорию, согласно которой Озал несколько модернизировал концепцию гражданского национализма, внедренную Ататюрком. Кемализм видел турками (Türkler) лишь тех, кто имел турецкое гражданство и проживал на территории Анатолии. Одновременно с этим остальные мусульманские группы нетурок и турки, исторически проживавших за пределами обозначенных границ, не подходили под критерий «турецкости». Т. Озал, в свою очередь, значительно расширил рамки понятия и включил в него балканских турок и мусульман. Национализм Озала представлял собой синтез ислама и турецкой идентичности и опирался на общее историческое, культурное и религиозное прошлое народов, проживавших на территории бывшей Османской империи [Ataman, 2003].

Между тем Анкара после признания независимости бывших республик СФРЮ стала более активно вмешиваться в дела региона, сочетая методы «твердой» и «мягкой» силы. Стремясь занять лидирующее положение в регионе, Турция выступила инициатором создания нескольких международных площадок, таких как ОЧЭС, Процесс сотрудничества в Юго-Восточной Европе и Пакт стабильности для Юго-Восточной Европы, которые, по выражению исследователя З. Тодоровича,

должны были создать «зонтик безопасности» над мусульманскими сообществами региона и поддержать боснийское и косовское движение за независимость. Немаловажным событием стало создание Турецкого агентства по сотрудничеству и координации (*Türk İşbirliği ve Koordinasyon Ajansı, TİKA*), главной целью которого являлось поддержание и развитие межкультурных связей с тюркскими народами и странами, имеющими общее османское наследие [Todorović, 2020].

ТУРЦИЯ И БОСНИЯ

Незадолго до смерти Т. Озала Турция усилила поддержку мусульманского населения в регионе, сосредоточив свое внимание на решении боснийского кризиса. Наряду с былыми усилиями привлечь международное сообщество к конфликту в Юго-Восточной Европе, Турция возглавила коалицию исламских государств, которая оказывала существенную поддержку движению за независимость Алии Изетбеговича. В августе 1992 года турецкий МИД выступил с планом действий, который был представлен в ООН. Согласно первой части плана, сербские военизированные организации должны были сложить оружие и передать его представителям ООН. Во второй части были предложены меры силового принуждения к миру, которые заключались в бомбардировке ряда сербских военных и гражданских объектов. Поскольку сербская сторона не показала готовность принять план, Турция поддержала международную военную интервенцию в Боснию, подчеркнув, что выступает против любых односторонних шагов, которые мешают завершению конфликта. Предложение плана действий и поддержка международной интервенции в Боснию и Герцеговину стало явным шагом на пути отказа от политики компромисса, которую преследовал Т. Озал в решении югославского кризиса.

С этого момента Турция стала активно поддерживать боснийских мусульман. Вместе с поддержкой оружейного эмбарго против сербов, Анкара присоединилась к странам Ближнего Востока, которые поставляли оружие и боеприпасы армии Боснии и Герцеговины, состоявшей преимущественно из бошняков. Несмотря на то, что официальные власти отвергали все обвинения в нарушении эмбарго, во время одного из интервью бывший начальник Генерального штаба ВС Турции Доган Гюреш подтвердил отправку грузовых самолетов «с секретным оружием» в Хорватию, откуда оно переправлялось в Боснию. Эту же информацию подтвердили спутниковые снимки ЦРУ в 1994 году, когда обнаружили в Загребе

иранский грузовой самолет, который был замечен на одном из военных аэродромах Турции.

Важным моментом в развитии балканского вектора турецкой внешней политики стала организация переговоров между боснийскими хорватами и мусульманами, между которыми в 1993 году вспыхнул конфликт. Крах хорватско-мусульманской конфедерации грозился провалить фронт, предоставив тем самым армии Республики Сербской серьезное стратегическое преимущество. Чтобы предотвратить это турецкий министр иностранных дел Хикмет Четин дважды посещал Сараево, в результате чего стороны сели за стол переговоров и смогли добиться консенсуса в феврале 1994 года. Визит в Боснию и Герцеговину и Хорватию премьер-министра Тансу Чиллер официально закрепил за Анкарой роль главного медиатора в отношениях между хорватами и боснийскими мусульманами, что в дальнейшем способствовало созданию общей федерации и дальнейшему укреплению Турции в регионе [Demirtaş-Coşkun, 2011].

Вашингтон внимательно следил за тем, как Анкара выстраивала отношения с новыми балканскими республиками, в частности, с Боснией и Герцеговиной. Будучи союзниками по НАТО и разделяя общую позицию по отношению к конфликту, США тем не менее наблюдали, как расширяется влияние Турции на балканских мусульман и стремились перехватить инициативу в переговорном процессе. После того, как в июле 1995 года сербские войска взяли анклав Сребреница, мировое сообщество назвало это военным преступлением, и через месяц по инициативе США была начата военная операция «Обдуманная сила». Натовское вторжение нанесло серьезный удар по позициям сербских войск, в результате чего правительство Республики Сербской было вынуждено сесть за стол переговоров. Несмотря на все усилия Турции занять центральное место в процессе урегулирования конфликта, Вашингтон забрал всю инициативу в свои руки. 14 декабря в Дейтоне были подписаны мирные соглашения между Милошевичем, Изетбеговичем и Туджманом – представителями сербского, боснийского и хорватского энтитетов. После подписания мирного договора президент Демирель ограничился поздравлениями всем троим участникам переговоров, а турецкие официальные лица заявили, что Дейтонские соглашения не были теми, на которые рассчитывала Анкара, однако это было лучшее из возможного [Demirtaş-Coşkun, 2011].

Куда более существенную поддержку от Турции Босния и Герцеговина стала получать от Турции после заключения Дейтонских соглашений, которые завершили гражданскую войну в Боснии.

В этот период Анкара стала последовательно развивать инструменты «мягкой» силы, делая из сотрудничества с Боснией и Герцеговиной пример обоюдовыгодного партнерства Турецкой Республики и бывших республик Югославии. Примечательно, что именно в Боснии было открыто первое представительство Турецкого агентства по сотрудничеству и координации (TİKA), ставшего проводником интересов Анкары в регионе.

ТУРЦИЯ И КОСОВО

Поддержка косовских сепаратистов требовала от Турции большей решительности в действиях в связи с юридическим статусом территории. Если Босния и Герцеговина входила в состав в качестве социалистической республики СФРЮ и имела формальную возможность для выхода из состава федерации, то Косово и Метохия была автономной единицей в составе СР Сербия, и поддержка косовских албанцев означала прямое вмешательство в дела суверенного государства. В феврале 1992 года лидер косовских албанцев Ибрагим Ругова посетил Турцию, где выразил надежду на скорейшее признание независимости со стороны Турецкой Республики. Однако турецкая сторона, несмотря на готовность оказать гуманитарную помощь косовским албанцам, отказалась, заявив, что такой шаг идет вразрез с международными нормами [Çarutlu, 2019]. Кроме того, внутри Турции также не было единого мнения по отношению к ситуации в Косово. Та часть населения, которая открыто поддерживала единомышленников, оказалась в меньшинстве, в то время как большинство политиков и официальных лиц страны боялось, что вовлечение страны в конфликт создаст подобный прецедент внутри самой Турции, где роль «борцов за независимость» будет отдана курдам. В этой связи Анкара выбрала стратегию выжидания, которая заключалась в вялотекущей поддержке контактов как с Приштиной, так и Белградом. В этой связи примечателен тот факт, что в ходе боснийского кризиса 1992–1995 годов Анкара открыто выступала за мусульман, апеллируя к религиозному, культурному и историческому родству, однако в случае с косовскими албанцами этого не наблюдалось. Более того, Анкара практически не оказывала поддержку турецкому меньшинству, проживающему на территории региона, которое активно поддерживало сербов. Причиной холодного отношения Анкары к ситуации в Косово и Метохии являлся не только «курдский фактор» внутри самой Турции, но и наличие у албанцев, проживающих в Косово, собственного родственного государства (kin-state)

– Албании, в то время как у боснийских мусульман такого государства не было. Официальные лица Турции неоднократно заявляли о своих опасениях по поводу косовского сепаратизма. После Косово одной из главных целей боевиков стала бы Македония, более трети населения которой составляли этнические албанцев. Расширение географии конфликта могло бы погрузить регион в еще более сложный и глубокий кризис, что нанесло бы серьезный удар по интересам Турции на Балканах [Gangloff, 2004].

Отношение Анкары к кризису в Косово и Метохии стало отражением процессов, которые в это время протекали внутри самой Турции. Активная борьба левых и правых партий и восхождение исламистского движения – всё это оказало влияние на позиции Турецкой Республики в решении косовского кризиса. Между тем, несмотря на активизацию различных радикальных движений, подавляющее большинство политического истеблишмента представляло себе последствия активного вторжения во внутренние дела иностранного государства, которое некоторое время назад являлось важным партнером в регионе. Иными словами, стратегия поддержки населения, имеющего общий социально-культурный базис, претерпела изменения, когда столкнулась с глубоким косовским кризисом, решение которого могло иметь самые неожиданные последствия.

Ситуация изменилась, когда международная коалиция во главе с США начали бомбардировку Югославии 24 марта 1999 года. Несмотря на отсутствие резолюции со стороны ООН, альянс разработал и провел операцию по принуждению правительства Сербии к заключению мира, выгодного для Запада. Турция, будучи членом НАТО, приняла активное участие в атаках на Сербию и Черногорию, выделив боевые самолеты и аэродромы для осуществления операции. Фактически главной причиной столь кардинальной смены отношения к косовскому кризису стали выборы в Турции в апреле 1999 года. В конце 1990-х годов на политической авансцене Турции оформилось несколько крупных партий, которые имели равную поддержку среди населения: Демократическая левая партия (DSP), Партия националистического движения (MHP), Партия добродетели (Fazilet Partisi), Партия Отечества (Anavatan Partisi). Несмотря на разницу в политических программах, практически все лидеры крупных партий обратились к религиозной идентичности и общему историческому прошлому с косовскими албанцами, чтобы привлечь голоса избирателей.

После завершения операции «Союзная сила» в июне 1999 года правительство Турции

вернулось на позиции пассивной поддержки косовских албанцев, стараясь возобновить контакт с Югославией. В 2001 году страны заключили ряд инвестиционных сделок, а также обменялись официальными визитами на уровне министерства иностранных дел, что стало первым политическим шагом на пути сближения после 1992 года.

Турция так и не смогла внести серьезный вклад ни в решение конфликта в Косово и Метохии, ни в поддержку косовских албанцев. Непоследовательная, порой противоречивая, внешняя политика по отношению к косовским албанцам, стала отражением внутривнутриполитических процессов в Турции. Актуальность курдского вопроса и восхождение исламистских партий и движений поставило Анкару в затруднительное положение. Кроме того, Турция стремилась к стабилизации на Балканах, поэтому видела в поддержке косовского сепаратизма большую угрозу продвижению собственных интересов в регионе. Между тем накануне выборов в 1999 году практически все турецкие политические партии и движения, невзирая на разную идеологическую платформу, использовали нарратив о культурной близости с косовскими албанцами, чтобы мобилизовать общество, сочувствующее балканским мусульманам. В этой связи Анкара приняла участие в бомбардировках Югославии, а после отправила около 1 тыс. военнослужащих в качестве миротворческого контингента в Косово, продемонстрировав готовность поддержать единомышленников, несмотря на существующие международные нормы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

При детальном рассмотрении действий Турции в решении боснийского и косовского кризисов, становится ясно, что внешнеполитический курс Анкары в 1990-е годы проявил достаточную гибкость, своевременно отвечая на вызовы, которые вставали перед интересами республики в регионе. После окончания холодной войны и во время распада Югославии Турция стала более активно расширять свое влияние в регионе, стремясь занять возникшую лакуну. Экономический подъем и стремление стать региональной державой стали причинами, по которым Турция стала выстраивать внешнеполитический вектор в соответствии со своими стратегическими интересами. Анкара придавала большое значение Балканам, где проходили важнейшие логистические маршруты, связывающие республику с Европой, вследствие чего Турция была заинтересована в скорейшем разрешении конфликта, возникшего в результате распада Югославии.

Кризис в СФРЮ в значительной степени оказал влияние на формирование балканской политики Турции. Клерикализация турецкого общества, растущая активность исламистов и поддержка населением мусульманских народов Югославии не могли оставить Турцию за рамками балканских конфликтов. В таких условиях политическое руководство Турции начало пересмотр внешнеполитической стратегии в сторону более активных действий, направленных на поддержку боснийцев и косовских албанцев с помощью сочетания инструментов «мягкой» и «жесткой» силы, привлекая внимание международных организаций.

Признавая Боснию и Герцеговину в качестве независимого государства, Анкара получила все необходимые полномочия, которые позволили ей более активно помогать боснийским мусульманам. Вместе с оказанием гуманитарной помощи Турция занималась техническим оснащением и подготовкой кадрового состава армии Боснии и Герцеговины. Апогеем вмешательства в боснийский конфликт стало непосредственное участие ВВС и ВМФ Турции в поддержке оружейного эмбарго против Республики Сербской и бомбардировок позиций боснийских сербов.

В конце 1990-х годов на фоне активной поддержки боснийских мусульман за Турцией в западном медиапространстве закрепился образ защитницы балканских мусульман. Однако такой стереотип в некотором смысле «вредил» имиджу Анкары, которая активно стремилась войти в европейское политическое пространство. В таких условиях турецкое правительство было вынуждено проводить более гибкую политику продвижения национальных интересов на Балканах. Косовский кризис, который начался через несколько лет после подписания Дейтонских соглашений, не нашел в турецких политических кругах такого же отклика, как, например, поддержка боснийских мусульман. Между тем политическая ситуация, сложившаяся в республике накануне выборов в Великое национальное собрание 1999 года, требовала большей мобилизации населения. Выступление той или иной партии в поддержку косовских албанцев должно было привлечь избирателей из числа граждан, которые сострадали единомышленникам, а готовящаяся операция НАТО по вторжению в Косово в некоторой степени снимала личную ответственность с Анкары.

В 1990-е годы внешняя политика Турции на Балканах во многом стала ответом на вызовы, которые стояли как перед страной, так и перед регионом. Лавирование между различными сторонами конфликта позволило Анкаре выработать гибкий внешнеполитический курс, который

соответствовал постоянно меняющейся обстановке. Адресный подход к каждому правосубъекту в регионе и сочетание «жесткой» и «мягкой» сил стали основополагающими элементами

балканского вектора внешней политики Турции. Подобный подход претерпел изменения после прихода в ноябре 2002 года к власти Партии справедливости и развития.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Davutoğlu A. Stratejik Derinlik. Türkiye'nin uluslararası konumu // Yetmişikinci basım. Küre yayınları. İstanbul, 2011.
2. Çaliş Ş. Turkey's Balkan Policy in the Early 1990s // Turkish Studies. 2001. Vol. 2 (1), P. 135–146.
3. Ataman M. Özalist Dış Politika: Aktif ve Rasyonel Bir Anlayış // Bilgi Sosyal Bilimler Dergisi. 2003. No. 2. P. 49–64.
4. Todorović Z. Balkan – Turska spoljna politika (Neoosmanizam) – Srpski Odgovori // Сварор. 2020. No 21. С 91–113.
5. Demirtaş-Coşkun B. Turkish Foreign Policy toward the Bosnian War (1992–1995): A Constructivist Analysis // Karadeniz Araştırmaları. 2011. Vol. 28. P. 1–18.
6. Çaputlu Ö. Karşılaştırmalı bir inceleme: Türkiye'nin 1990'lı yıllarda Bosna-Hersek ve Kosova krizlerine yönelik dış politikası // Barış Araştırmaları ve Çatışma Çözümleri Dergisi. 2019. Vol. 7(2). P. 49–78.
7. Gangloff S. Turkish policy towards the conflict in Kosovo: the preeminence of national political interests // Balkanologie. 2004. Vol. VIII. No 1. P. 105–122.

REFERENCES

1. Davutoğlu, A. (2011). Stratejik Derinlik. Türkiye'nin uluslararası konumu. Yetmişikinci basım. Küre yayınları. İstanbul.
2. Çaliş, Ş. (2001). Turkey's Balkan Policy in the Early 1990s. Turkish Studies, 2(1), 135–146. (In Turkish)
3. Ataman, M. (2003). Özalist Dış Politika: Aktif ve Rasyonel Bir Anlayış. Bilgi Sosyal Bilimler Dergisi, 2, 49–64.
4. Todorović, Z. (2020). Balkan – Turska spoljna politika (Neoosmanizam) – Srpski Odgovori. Сварор, 21, 91–113.
5. Demirtaş-Coşkun, B. (2011). Turkish Foreign Policy toward the Bosnian War (1992–1995): A Constructivist Analysis. Karadeniz Araştırmaları, 28, 1–18.
6. Çaputlu, Ö. (2019). Karşılaştırmalı bir inceleme: Türkiye'nin 1990'lı yıllarda Bosna-Hersek ve Kosova krizlerine yönelik dış politikası. Barış Araştırmaları ve Çatışma Çözümleri Dergisi, 7(2), 49–78.
7. Gangloff, S. (2004). Turkish policy towards the conflict in Kosovo: the preeminence of national political interests. Balkanologie, 7(1), 105–122.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Москальчук Данила Александрович

аспирант кафедры международных гуманитарных связей
факультета международных отношений
Санкт-Петербургского государственного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Moskalchuk Danila Alexandrovich

Postgraduate student of the Department of International Humanitarian Relations
School of International Relations
St. Petersburg State University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

02.04.2025
03.07.2025
08.10.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Сотрудничество России и Китая в области молодежной политики в рамках стратегического партнерства: механизмы и практика

Ли Сявэй

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
lixiawei@yandex.ru*

Аннотация. В 1992 году Россия и Китай выдвинули инициативу по расширению молодежного обмена, однако широкомасштабное взаимодействие началось лишь с проведения «Года молодежных обменов России и Китая» в 2014 / 2015 годах. С тех пор молодежное сотрудничество двух стран активно развивается в политической, экономической, научно-технической, культурной и спортивной сферах, а вопросы молодежной политики привлекают всё больше внимания. Целью настоящего исследования является анализ истории и текущего состояния сотрудничества России и Китая в области молодежной политики в рамках стратегического партнерства. Развитие молодежного взаимодействия между Россией и Китаем рассматривается в контексте углубляющегося стратегического партнерства. В работе применяется метод контент-анализа для изучения официальных документов, подписанных двумя странами, а также новостных материалов, связанных с молодежным обменом, с целью выявления приоритетных направлений сотрудничества. С помощью исторического метода прослеживаются этапы развития и уже сформированные устойчивые механизмы взаимодействия в сфере молодежной политики в рамках двусторонних отношений. В дополнение используется метод кейс-анализа для рассмотрения практических аспектов текущего сотрудничества. Результаты исследования показывают, что сотрудничество в области молодежной политики осуществляется в рамках механизмов регионального, двустороннего и многостороннего взаимодействия. По мере углубления российско-китайских отношений сферы молодежного сотрудничества продолжают расширяться в соответствии с потребностями стратегического развития двух стран.

Ключевые слова: молодежная политика, молодежный обмен, стратегическое партнерство, Россия, Китай

Для цитирования: Ли Сявэй. Сотрудничество России и Китая в области молодежной политики в рамках стратегического партнерства: механизмы и практика // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2025. Вып. 3 (860). С. 16–23.

Original article

Cooperation Between Russia and China in the Field of Youth Policy Within the Framework of Strategic Partnership: Mechanisms and Practice

Li Xiawei

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
lixiawei@yandex.ru*

Abstract. As early as 1992, Russia and China launched an initiative to expand youth exchanges. However, large-scale cooperation only began with the implementation of the “Year of Youth Exchanges between Russia and China” in 2014–2015. Since then, youth cooperation between the two countries has been actively developing in political, economic, scientific-technological, cultural, and sports spheres, and the issues of youth policy have attracted increasing attention. The objective of this study is to analyze the history

and current state of Russia–China cooperation in the field of youth policy within the framework of strategic partnership. The development of youth cooperation between Russia and China is viewed in the context of a deepening strategic partnership. The research applies content analysis to examine official documents signed by both countries, as well as news materials related to youth exchanges, in order to identify the priority areas of cooperation. The historical method makes it possible to trace the stages of development and the already established stable mechanisms of interaction in the field of youth policy within the framework of bilateral relations. In addition, a case study approach is applied to explore practical aspects of ongoing cooperation. The research results show that cooperation in the field of youth policy is carried out through regional, bilateral, and multilateral mechanisms. As the Russia–China relationship continues to deepen, areas of youth cooperation are also expanding in accordance with the strategic development needs of both countries.

Keywords: youth policy, youth exchange, strategic partnership, Russia, China

For citation: Li, Xiawei. (2025). Cooperation Between Russia and China in the Field of Youth Policy Within the Framework of Strategic Partnership: Mechanisms and Practice. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences*, 3(860), 16–23. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Вопрос формирования молодежной политики является очень важным для всех современных государств, поскольку молодежь активно вовлечена во всё без исключения социальные и политические процессы [Фомичева, Сопина, 2016]. Молодежная политика России и Китая имеет много общего, включая идейно-нравственное воспитание, сохранение и укрепление национальной традиционной культуры, стимулирование участия молодежи в общественной жизни, а также развитие ее инновационного и предпринимательского потенциала [Ма Жуйяо, 2024]. В связи с этим правительства двух стран создали ряд механизмов молодежного обмена, способствующих укреплению взаимопонимания среди молодых людей и развитию сотрудничества.

Несмотря на растущий практический интерес к теме, в научной литературе сохраняется относительный дефицит комплексных исследований, посвященных российско-китайскому сотрудничеству в области молодежной политики. Отдельные авторы затрагивают данную проблематику. Так, доцент Омского государственного педагогического университета С. Н. Широбоков провел сравнительный анализ образовательных систем России и Китая и оценил перспективы двустороннего молодежного взаимодействия [Широбоков, 2018]. Китайский исследователь Ма Жуйяо сравнил основные черты молодежной политики двух стран. Исследователь Чжао Шуфан проанализировала проблемы, возникающие в процессе молодежных обменов, и выделила ключевые направления развития сотрудничества [Чжао Шуфан, 2015].

Кроме того, ряд авторов изучают молодежное взаимодействие в рамках многосторонних международных структур. Например, А. А. Четвериков

исследует формирование молодежной научно-технологической дипломатии в формате БРИКС [Четвериков, 2020], А. О. Наумов, А. Ю. Наумова и М. В. Белоусова рассматривают культурную дипломатию в странах БРИКС, уделяя особое внимание проекту «Международная молодежная имитационная модель БРИКС», реализуемому на базе факультета государственного управления МГУ [Наумов, Наумова, Белоусова, 2023]. Политолог Р. Алимов анализирует развитие молодежного сотрудничества в рамках Шанхайской организации сотрудничества [Алимов, 2019].

Таким образом, рассмотрение российско-китайского молодежного взаимодействия приобретает особую значимость в контексте укрепляющегося стратегического партнерства и требует дальнейшего научного осмысления. В настоящей статье рассматриваются как институциональные механизмы молодежного сотрудничества, так и практические формы их реализации на двустороннем и многостороннем уровнях.

МЕХАНИЗМЫ И НАПРАВЛЕНИЯ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ

Развитие институциональных механизмов сотрудничества между Россией и Китаем в сфере молодежной политики заложило прочную основу для реализации конкретных инициатив.

Сотрудничество России и Китая в области молодежной политики осуществляется преимущественно в рамках механизма работы Межправительственной подкомиссии по сотрудничеству в области молодежной политики Российско-Китайской комиссии по гуманитарному сотрудничеству. В 2010 году

в Санкт-Петербурге состоялось 11-е заседание комиссии, на котором обе стороны приняли решение о создании данного органа. Координацию его деятельности осуществляют Федеральное агентство по делам молодежи РФ и Коммунистический союз молодежи КНР. Подкомиссия проводит ежегодные заседания поочередно в России и Китае, способствуя сотрудничеству в области молодежной политики и молодежных организаций [INTERMOL, 2024]. Она также организует и поддерживает различные мероприятия, такие как молодежные форумы, летние лагеря, инновационные конкурсы и другие подобные инициативы между двумя странами.

Существует также устойчивый механизм местного сотрудничества, направленный на содействие обмену молодежной политикой между Россией и Китаем. С 2014 года регулярно проводится российско-китайский молодежный форум «Волга — Янцзы», который поочередно организуют обе страны. Доцент факультета международных отношений Сычуаньского университета Шэнь Ин считает, что межрегиональное сотрудничество позволяет преодолеть географические ограничения, формируя более широкую сеть взаимодействия и обеспечивая интеграцию региональных ресурсов [Шэнь Ин, 2018].

Благодаря формированию устойчивых механизмов взаимодействия между Россией и Китаем, сотрудничество в сфере молодежной политики приобрело институциональную основу. Это создало благоприятные условия для расширения форматов и содержания молодежного обмена.

В 1992 году в «О Совместной декларации об основах взаимоотношений между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой» было закреплено соглашение о содействии и расширении обмена между молодежью двух стран¹. В 2012 году была выдвинута инициатива по регулярным взаимным визитам молодежных делегаций в течение пяти лет². В 2013 году было начато масштабное сотрудничество, и обе стороны заявили, что основой молодежного обмена России и Китая является «механизмность» и «долгосрочность». Было также принято решение о проведении Года молодежных обменов между Россией и Китаем в 2014–2015 годах³.

¹О Совместной декларации об основах взаимоотношений между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой // Президент России: сайт, 1992. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/2401> (дата обращения: 16.09.2025).

²Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о дальнейшем углублении российско-китайских отношений всеобъемлющего равноправного доверительного партнерства и стратегического взаимодействия // Экспертный портал РУДН по международным отношениям. 2012. URL: <https://ir.rudn.ru/books/b2/17.pdf> (дата обращения: 16.09.2025).

³Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о взаимовыгодном сотрудничестве и углублении

В 2019 году молодежный обмен между Россией и Китаем расширился, охватив сферы молодежного инновационного предпринимательства. Обе стороны предложили «способствовать претворению в жизнь положений Декларации о вековой дружбе между молодежью России и Китая, продолжать работу по поддержке и популяризации проекта российско-китайских молодежных бизнес-инкубаторов. Содействовать подготовке молодых кадров в целях внедрения инноваций и создания новых предприятий»⁴.

В совместных заявлениях, опубликованных Россией и Китаем в 2023 и 2024 годах, подчеркивается необходимость сотрудничества в укреплении идейно-нравственного воспитания молодежи, организации двусторонних мероприятий, направленных на формирование правильных ценностей, патриотическое воспитание, развитие инновационного предпринимательства и волонтерской деятельности. Кроме того, стороны договорились о координации действий на многосторонних молодежных платформах, таких как ООН, БРИКС, ШОС, G20, Всемирный фестиваль молодежи, с целью продвижения общих инициатив международного сотрудничества⁵.

2025 год ознаменован 80-й годовщиной Победы китайского народа в Войне сопротивления японским захватчикам, победы советского народа в Великой Отечественной войне и во Второй мировой войне. Во время визита в Россию Министр иностранных дел Китая Ван И подчеркнул, что китайский и российский народы внесли значительный исторический вклад в победу во Второй мировой войне. Китай и Россия решительно выступают против любых попыток отрицания, искажения или фальсификации истории Второй мировой войны и готовы совместными усилиями защищать послевоенный международный порядок⁶. Это не только

отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия // Президент России: сайт, 2013. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/1423> (дата обращения: 16.09.2025).

⁴Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о развитии отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в Новую эпоху // Президент России: сайт, 2019. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5413> (дата обращения: 16.09.2025).

⁵Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в Новую эпоху // Президент России: сайт, 2023. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5920> (дата обращения: 16.09.2025); Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в Новую эпоху, в контексте 75-летия установления дипломатических отношений между двумя странами // Президент России: сайт, 2024. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/6132> (дата обращения: 16.09.2025).

⁶王毅谈中俄对世界反法西斯战争胜利的贡献 = Ван И рассказал о вкладе Китая и России в победу в Второй мировой войне // МИД

отражает высокий уровень консенсуса между двумя странами по вопросам исторической памяти, но и укрепляет их общую позицию в деле патриотического воспитания. Россия и Китай придают большое значение патриотическому воспитанию, акцентируя внимание на уважении к историко-культурному наследию и общей перспективе будущего, что отражает их твердую приверженность защите государственного суверенитета и территориальной целостности.

ПРАКТИКА РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ

На практике российско-китайское сотрудничество в сфере молодежной политики реализуется через разнообразные инициативы и проекты, охватывающие такие ключевые области, как оборона, наука, предпринимательство и образование.

Важным событием в сотрудничестве России и Китая в сфере молодежной политики стало проведение «Годов молодежных обменов». В 2014–2015 годах Россия и Китай организовали масштабную программу, направленную на укрепление взаимопонимания и дружбы между молодыми поколениями двух стран. Президент Владимир Путин и Председатель КНР Си Цзиньпин в своем обращении по случаю Года молодежных обменов заявили, что молодежь – это будущее государства и будущее российско-китайских отношений. Проведение Года молодежных обменов будет способствовать дальнейшему высокоуровневому развитию всестороннего стратегического партнерства между Россией и Китаем и стимулированию практического сотрудничества в различных сферах¹. По завершении мероприятий обе стороны продолжили активно развивать различные программы молодежного сотрудничества.

Например, в рамках подготовки молодых лидеров в 2023 году Посольство Китая в России организовало первый китайско-российский семинар молодых дипломатов. В ходе мероприятия молодые дипломаты Китая и России обсудили концепцию сообщества с единой судьбой и сотрудничество двух

стран², что способствовало углублению взаимопонимания, повышению вовлеченности и влияния молодых специалистов, а также созданию молодежной основы для дальнейшего развития двустороннего международного сотрудничества.

В военной сфере с 1996 по 2017 год Китай направил в российские военные вузы более 2 тыс. военнослужащих среднего и высшего звена для обучения и повышения квалификации [Чан Латан, 2019]. Постоянный директор высокоуровневого аналитического центра по стратегическому сотрудничеству Китая и России Китайской академии социальных наук Ван Хайюнь считает, что прошедшие подготовку в российских военных академиях талантливые молодые офицеры сыграли важную роль в модернизации Вооруженных сил Китая [Ван Хайюнь, 2019].

В сфере экономики в 2022 году Всекитайский союз молодежи и Российский союз молодежи совместно организовали ежегодный форум обмена в рамках проекта «Российско-китайский молодежный бизнес-инкубатор». В мероприятии приняли участие более 100 представителей городов, а также молодежные предприниматели из обеих стран. Вице-президент Всекитайского союза Фу Чжэньбан отметил, что с момента запуска проекта в 2016 году Российско-китайский молодежный бизнес-инкубатор значительно способствовал подготовке кадров в области инновационного предпринимательства, стимулируя практическое сотрудничество молодых людей двух стран в этой сфере и поддерживая молодежные научно-технические компании [Су Шуай, Ван Тянью, 2023].

Кроме того, правительства и молодежные организации обеих стран проводят различные форумы, мероприятия, творческие выступления и конкурсы в таких областях, как литература, искусство, СМИ и спорт. В 2022 году в международном мультимедийном пресс-центре «Россия сегодня» состоялся видеомост Москва – Пекин на тему «Молодежный вектор российско-китайского информационного сотрудничества»³. В 2025 году в Российском культурном центре в Пекине прошел российско-китайский литературный салон «С книгой сквозь время»⁴, и в Пекине открылась выставка молодых художников из России и Китая «Многоцветный

КНР: сайт, 2024. URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/wjbzhd/202504/t20250401_11585719.shtml (дата обращения: 16.09.2025).

¹Участникам и гостям церемонии открытия Годов дружественных молодежных обменов между Россией и Китаем // Президент России: сайт, 2014. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/letters/20651/print> (дата обращения: 16.09.2025); Поздравление председателя КНР Си Цзиньпина в связи с торжественным открытием Годов дружественных молодежных обменов Китая и России и полный текст выступления вице-преьера Лю Яньдун на открытии мероприятия // МИД КНР: сайт, 2014. URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/wjdt/zjyh/201404/t20140408_857914.html (дата обращения: 16.09.2025).

²СИНХУА Новости: Молодые дипломаты Китая и России обсудили концепцию сообщества с единой судьбой и сотрудничество двух стран. URL: <https://russian.news.cn/20230826/4302d4cff5b14d7aaeca-d18e82e27d0b/c.html> (дата обращения: 16.09.2025).

³РИА Новости: Видеомост Москва – Пекин о молодежной политике. URL: <https://ria.ru/20220712/rossiya-kitay-1801966283.html> (дата обращения: 16.09.2025).

⁴Литературный салон «С книгой сквозь время» // Русский дом в Пекине: сайт, 2025. URL: <https://china.rs.gov.ru/news/literaturnyj-salon-s-knigoj-skvoz-vremya/> (дата обращения: 16.09.2025).

мир», приуроченная к 80-летию Победы во Второй мировой войне¹, а в Харбине состоялась Неделя российско-китайского спортивного обмена². Эти инициативы способствуют углублению культурного обмена, развитию взаимопонимания и укреплению связей между молодежью двух стран.

Сотрудничество России и Китая в сфере молодежной политики имеет глубокое значение для развития двусторонних отношений. Посредством институционализированных механизмов обмена и разнообразных форматов сотрудничества укрепляется осознание молодым поколением важности российско-китайского партнерства. Реализация молодежных проектов в области обороны, образования, науки и предпринимательства способствует подготовке высококвалифицированных кадров для обеих стран. Кроме того, молодежное сотрудничество играет важную роль в продвижении традиционной культуры и общих ценностей. Усиление воспитательной работы в духе патриотизма и культурной идентичности позволяет молодежи двух стран находить ценностное единство на основе общего исторического наследия и культурных основ.

Как отмечают Л. М. Фомичева и В. И. Сапина, молодежная политика союзных государств является продолжением государственной политики, направленной на развитие сотрудничества. Все мероприятия, включая их резонанс и состав участников, способствуют формированию политической культуры молодежи и, в итоге, ее политических взглядов [Фомичева, Сапина, 2016]. Аналогичный принцип действует и в сотрудничестве России и Китая в сфере молодежной политики в рамках стратегического партнерства. Сотрудничество молодежных организаций России и Китая способствует формированию общей молодежной политики, направленной на поддержку инноваций, образования и культурного обмена, что способствует созданию долговременных и взаимовыгодных отношений между государствами.

МНОГОСТОРОННИЙ АСПЕКТ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И КИТАЯ

Помимо двустороннего взаимодействия, Россия и Китай активно развивают сотрудничество в сфере молодежной политики в рамках многосторонних

механизмов, таких как Шанхайская организация сотрудничества и БРИКС. Эти форматы охватывают широкий спектр направлений — от культурного обмена и образования до молодежного предпринимательства и международной дипломатии. Особое внимание в таких инициативах уделяется роли молодежи в поддержании региональной стабильности, укреплении мира, продвижении традиционных культурных ценностей и формировании чувства ответственности за общее будущее. Молодежное сотрудничество в многосторонних форматах способствует не только укреплению двусторонних связей между Россией и Китаем, но и служит выражением их общей позиции в глобальном управлении, отказ от западнцентричных подходов и утверждение принципов многополярности и культурного плюрализма.

В 2015 году в Уфе был впервые проведен Молодежный саммит БРИКС³. В рамках БРИКС молодежные организации стран-участниц поочередно проводят молодежные саммиты: Молодежный совет БРИКС, встречи министров молодежной политики, обменные семинары и другие мероприятия, которые служат платформой для взаимодействия молодежи стран-участниц. Например, в 2024 году в Ульяновске (Россия) прошел Молодежный саммит БРИКС, в котором приняли участие более 200 молодых представителей из 10 стран БРИКС. Участники обсуждали такие темы, как «Образование, обучение и навыки», «Обслуживание сообществ и волонтерская работа», «Предпринимательство» и др. и приняли Декларацию Молодежного саммита БРИКС–2024 года⁴.

В 2009 году в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) был создан Молодежный совет, который стал первой платформой для обмена в рамках организации [Ли Цыго, 2021]. Совет отвечает за развитие взаимодействия и сотрудничества молодежи государств-членов, а также за организацию форумов. В 2024 году впервые был проведен обмен офицерами ШОС. В этом мероприятии приняло участие более 20 молодых офицеров оборонных ведомств стран ШОС. Участники посетили Пекин, Чанша и Шанхай, приняли участие в практических занятиях по научно-техническим инновациям в Национальном университете оборонных технологий КНР, а также

¹РИА Новости: В Пекине открылась выставка, посвященная 80-летию Победы. URL: <https://ria.ru/20250807/pekin-2033969865.html> (дата обращения: 16.09.2025).

²Неделя спортивных обменов Китая и России стартовала в Харбине // Китайский интернет-новостной центр: сайт, 2025. URL: http://russian.china.org.cn/china/txt/2025-05/17/content_117880610.htm (дата обращения: 16.09.2025).

³Новый мир: Уфимский саммит придаст мощный импульс сотрудничеству стран БРИКС. URL: http://www.xinhuanet.com/world/2015-07/10/c_1115886142.htm (дата обращения: 16.09.2025).

⁴Правда: Для продвижения сотрудничества молодежи в ШОС. URL: http://paper.people.com.cn/rmrb/html/2024-07/31/nw.D110000renmrb_20240731_4-03.htm (дата обращения: 16.09.2025).

провели экспертные дискуссии с представителями аналитических центров¹.

Как подчеркивает Сунь Чжуанчжи, директор Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук, сотрудничество между Россией и Китаем как глобальными державами оказывает влияние, выходящее за рамки двустороннего взаимодействия, и играет незаменимую роль в совершенствовании глобального управления, укреплении региональной стабильности и поддержке принципов многосторонности [Сунь Чжуанчжи, 2021].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сотрудничество России и Китая в сфере молодежной политики в современный период стало неотъемлемой частью их всестороннего стратегического партнерства. На протяжении нескольких

десятилетий оно развивалось от разрозненных обменов к формированию устойчивых механизмов взаимодействия, охватывающих образование, науку, политику, экономику и патриотическое воспитание. Молодежные проекты в военной, образовательной, научно-технической и экономической сферах способствуют подготовке высококвалифицированных кадров для обеих стран, в то время как совместные культурные, спортивные и образовательные мероприятия укрепляют взаимопонимание и общую историческую память.

Кроме того, сотрудничество в рамках многосторонних механизмов, таких как БРИКС и ШОС, позволяет российской и китайской молодежи участвовать в международном обмене и формировать общую позицию по глобальным вопросам. Реализация различных инициатив – от проведения годов молодежных обменов между Россией и Китаем до организации молодежных форумов в многосторонних форматах – демонстрирует наличие политической воли и институциональной базы для развития молодежного взаимодействия. Таким образом, сотрудничество в области молодежной политики не только поддерживает развитие текущих двусторонних отношений, но и закладывает прочную основу для долгосрочного стратегического партнерства, обеспечивая передачу ценностей, знаний и опыта между поколениями.

¹新华社: 2024上合组织青年发展论坛聚焦培育发展新动能和新技能 = СИНХУА Новости: Форум развития молодежи ШОС 2024 года сосредоточен на формировании новых двигателей роста и развитии новых навыков. URL: <http://www.xinhuanet.com/20241107/5644cbdbdb e247888c89240aaf657d68/c.html> (дата обращения: 16.09.2025);
国防部: 首次上海合作组织中青年军官交流活动在华举行 = МО КНР: Министерство обороны: Первая встреча молодых и средних офицеров стран ШОС прошла в Китае. URL: http://www.mod.gov.cn/gfbw/xwfy/lxjzht/2024njzh_247047/2024n10y/16348660.html (дата обращения: 16.09.2025).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Фомичева Л. М., Сопина В. И. Сотрудничество России и Белоруссии в реализации молодежной политики // Политика, экономика и инновации. 2016. Вып. 6 (8). С. 1–4.
2. Ма Жуйяо. Молодежная политика Китая и России в контексте социологических исследований // Этносоциум. 2024. Вып. 7 (193). С. 102–109.
3. Ширококов С. Н. Перспективы реализации российско-китайского молодежного сотрудничества // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2018. Вып. 1 (31). С. 74–77.
4. 赵淑芳. 中俄青年人文交流与合作探究[J]. 黑河学院学报. 2015. 6 (06) : 15-17 = Чжао Шуфан. Исследование гуманитарного обмена и сотрудничества между китайской и российской молодежью // Вестник Хэйхэского института. 2015. Вып. 6 (06). С. 15–17. (На кит.)
5. Четвериков А. А. Тенденции молодежного научного сотрудничества стран БРИКС // Архонт. 2020. Вып. 2 (17). С. 57–61.
6. Наумов А. О., Наумова А. Ю., Белоусова М. В. Культурная дипломатия группы БРИКС // Государственное управление. Электронный вестник. 2023. № 100. С. 7–18. Doi:10.24412/2070-1381-2023-100-7-18.
7. Алимов Рашид. Молодежь ШОС – настоящее и будущее процветающей Евразии // Обозреватель – Observer. 2019. Вып. 3 (350). С. 5–21.
8. Межправительственная подкомиссия по сотрудничеству в области молодежной политики Российско-китайской комиссии по гуманитарному сотрудничеству // INTERMOL. 23 января 2024. URL: <https://intermol.su/about/organizations/mezhpravitelstvennaya-podkomissiya-po-sotrudnichestvu-v-oblasti-molodyezhnoy-politiki-rossiysko-kit/> (дата обращения: 16.09.2025).
9. 沈影. “长江-伏尔加河”合作机制是实现中俄务实合作的新动力 // 段霞, 张晓慧. “一带一路”欧亚合作发展报告 (2018). 北京: 社会科学文献出版社. 2018. P. 255–266. = Шэнь Ин. Механизм сотрудничества «Янцзы – Волга» как новый импульс для практического взаимодействия между Китаем и Россией // Дуань Ся, Чжан Сяохуэй (ред.). Доклад о развитии евразийского сотрудничества в рамках инициативы «Один пояс – один путь» (2018). Пекин: Изд-во социально-научной литературы. 2018. С. 255–266. (На кит.)

10. 常拉堂. 改革开放40年中俄军事合作 历史回顾与思考[J]. 军事历史. 2019. 1: 24–29. = Чан Латан. Китайско-российское военное сотрудничество за 40 лет реформ и открытости: исторический обзор и размышления // Военная история. 2019. Вып. 1. С. 24–29. (На кит.)
11. 王海运. 中俄军事关系七十年: 回顾与思考[J]. 俄罗斯东欧中亚研究. 2019. 4: 37–48. = Ван Хайюнь. Семьдесят лет китайско-российских военных отношений: обзор и размышления // Исследования России, Восточной Европы и Центральной Азии. 2019. Вып. 4. С. 37–48. (На кит.)
12. 苏 Шуай, Ван Тянью. Особенности социального взаимодействия России и Китая в XXI веке // Этносоциум. 2023. Вып. 10 (184). С. 162–168.
13. 李自国. 中国与上合组织国家的人文合作 // 上海合作组织20年: 成就和经验. 北京: 世界知识出版社, 2021. P. 203–214 = Ли Цыго. Гуманитарное сотрудничество Китая со странами ШОС // Шанхайская организация сотрудничества: 20 лет достижений и опыта. Пекин: Шицзе чжиши, 2021. С. 203–214. (На кит.)
14. 孙壮志. 多边框架内的中俄战略协作: 问题与前景[J]. 东北亚论坛. 2021. 03: 33–45 = Сунь Чжуанчжи. Стратегическое взаимодействие Китая и России в многостороннем формате: проблемы и перспективы // Форум по вопросам Северо-Восточной Азии. 2021. Вып. 03. С. 33–45. (На кит.)

REFERENCES

1. Fomicheva, L. M., Sopina, V. I. (2016). Cooperation between Russia and Belarus in the implementation of youth policy. *Politics, Economics and Innovations*, 6(8), 1–4. (In Russ.)
2. Ma Zhu Yao. (2024). Youth policy of China and Russia in the context of sociological research. *Ethnosocium*, 7(193), 102–109. (In Russ.)
3. Shirobokov, S. N. (2018). Prospects for the implementation of Russian-Chinese youth cooperation. *Science of the Human Being: Humanitarian Studies*, 1(31), 74–77. (In Russ.)
4. 赵淑芳. 中俄青年人文交流与合作探究[J]. 黑河学院学报 = Zhao Shufang (2015). A study of cultural exchange and cooperation between Chinese and Russian youth. *Journal of Heihe University*, 6(06), 15–17. (In Chinese)
5. Chetverikov, A. A. (2020). Trends in youth scientific cooperation among BRICS countries. *Arkhont*, 2(17), 57–61. (In Russ.)
6. Naumov, A. O., Naumova, A. Yu., Belousova, M. V. (2023). Cultural diplomacy of the BRICS group. *Public Administration. E-Journal*, 100, 7–18. <https://doi.org/10.24412/2070-1381-2023-100-7-18> (In Russ.)
7. Alimov, R. (2019). Youth of the SCO: the present and future of prosperous Eurasia. *Scientific and Analytical Journal Observer*, 3(350), 5–21. (In Russ.)
8. Intergovernmental Subcommission on Cooperation in Youth Policy of the Russia-China Commission on Humanitarian Cooperation (2024, January 23) INTERMOL. <https://intermol.su/about/organizations/mezhpravitelstvennaya-podkomissiya-po-sotrudnichestvu-v-oblasti-molodyezhnoy-po-litiki-rossijsko-kit/> (In Russ.)
9. 沈影. “长江-伏尔加河”合作机制是实现中俄务实合作的新动力 // 段霞, 张晓慧. “一带一路”欧亚合作发展报告 (2018). 北京: 社会科学文献出版社 = Shen Ying. (2018). “Yangtze-Volga” Cooperation Mechanism as a New Driver for Practical China-Russia Cooperation. In Duan Xia, Zhang Xiaohui (Eds.), *Report on the Development of “Belt and Road” Eurasian Cooperation* (pp. 255–266). Beijing: Social Sciences Academic Press. (In Chinese)
10. 常拉堂. 改革开放40年中俄军事合作 历史回顾与思考[J]. 军事历史 = Chang Latan (2019). China-Russia Military Cooperation over 40 Years of Reform and Opening-Up: A Historical Review and Reflections. *Military History*, 1, 24–29. (In Chinese)
11. 王海运. 中俄军事关系七十年: 回顾与思考[J]. 俄罗斯东欧中亚研究. (2019) = Wang Haiyun (2019). Seventy Years of China-Russia Military Relations: Review and Reflections. *Studies on Russia, Eastern Europe, and Central Asia*, 4, 37–48. (In Chinese)
12. Su Shuai, Wang Tianyu. (2023). Features of Social Interaction Between Russia and China in the 21st Century. *Ethnosocium*, 10(184), 162–168. (In Russ.)
13. 李自国. 中国与上合组织国家的人文合作 // 上海合作组织20年: 成就和经验. 北京: 世界知识出版社 = Li Zigu. (2021). China and humanitarian cooperation with the SCO countries. *Shanghai Cooperation Organization: 20 years of achievements and experience* (pp. 203–214). Beijing: World Affairs Press. (In Chinese)
14. 孙壮志. 多边框架内的中俄战略协作: 问题与前景[J]. 东北亚论坛 = Sun Zhuangzhi. (2021). Strategic Interaction Between China and Russia Within a Multilateral Framework: Problems and Prospects. *Northeast Asia Forum*, 3, 33–45. (In Chinese)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ли Сявэй

аспирант кафедры политологии
Института международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Li Xiawei

Postgraduate Student
Department of Political Science
Institute of International Relations and Socio-Political Sciences
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	26.04.2025	The article was submitted
одобрена после рецензирования	12.05.2025	approved after reviewing
принята к публикации	08.10.2025	accepted for publication

Современные китайско-германские отношения как отражение кризиса трансатлантического единства в противостоянии стран Запада и КНР

П. М. Рукавицын

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
rpm66@mail.ru*

Аннотация. Одним из важнейших аспектов современного глобального геополитического противоборства является противостояние стран Запада и Китайской Народной Республики. Цель статьи – рассмотрение генезиса и основных современных особенностей китайско-германских отношений, а также в обосновании наиболее вероятных перспектив их развития в контексте вышеуказанного аспекта. Для достижения данной цели используются методы системного и геополитического анализа, позволяющие проанализировать отношения между КНР и ФРГ с учетом принадлежности обеих стран к противоположным геополитическим блокам. Применяя данные методы, автор рассматривает геополитические и экономические, а применительно к ФРГ – и внутривнутриполитические предпосылки формирования двусторонних отношений. При написании статьи использовались аналитические и статистические источники, монографии, а также публикации в отечественных и в германских академических изданиях. На основе проведенного анализа сформулированной в статье актуальной геополитической проблемы автор сделал выводы: страны Запада переживают период глубокого кризиса, их потенциал для осуществления глобального доминирования серьезно сократился, в частности за счет заметного ухудшения трансатлантических отношений; Китай и Германия стали одними из главных бенефициаров эпохи глобализации, но эта эпоха завершается. Принадлежность к противоположным геополитическим блокам, влияние США и союзников по Евросоюзу на содержание внешнеполитического курса ФРГ, а также жесткое отстаивание Китаем своих национальных интересов в отношениях с иностранными государствами не позволяют надеяться на позитивное развитие китайско-германских отношений в ближайшем будущем и делают их в целом малопредсказуемыми.

Ключевые слова: геополитическое противоборство, Германия, Китай, Социал-демократическая партия Германии, трансатлантическое единство, Христианско-демократический союз, Христианско-социальный союз

Для цитирования: Рукавицын П. М. Современные китайско-германские отношения как отражение кризиса трансатлантического единства в противостоянии стран Запада и КНР // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2025. Вып. 3 (860). С. 24–32.

Original article

Modern Chinese-German Relations as a Reflection of the Crisis in Transatlantic Unity Amid the Western-Chinese Confrontation

Pyotr M. Rukavitsyn

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
rpm66@mail.ru*

Abstract.

One of the most significant aspects of today's global geopolitical landscape is the ongoing rivalry between Western countries and the People's Republic of China. This article explores the origins and key contemporary features of Chinese-German relations and assesses their most likely future trajectories within this broader context. To this end, the study employs systemic and geopolitical analytical approaches, allowing for a comprehensive examination of bilateral relations between China and Germany, particularly in light of their membership in opposing geopolitical blocs. The analysis takes into account a range of geopolitical, economic, and – specifically for Germany – domestic political factors that shape these interactions. The study draws on a diverse set of sources, including analytical reports, statistical data, monographs, and scholarly articles from both domestic and German academic publications. The findings lead to several important conclusions. Western countries are undergoing a deep crisis, with their capacity for global leadership significantly weakened, in part due to the erosion of transatlantic unity. Although both China and Germany have been major beneficiaries of the globalization era, that era is now drawing to a close. Given Germany's alignment with the United States and its EU allies, as well as China's assertive defense of its national interests, the prospects for positive developments in Chinese-German relations in the near term appear limited. Consequently, the future trajectory of their relationship remains highly uncertain.

Keywords:

geopolitical confrontation, Germany, China, Social Democratic Party of Germany, transatlantic unity, the Christian Democratic Union, the Christian Social Union

For citation:

Rukavitsyn P.M. (2025). Modern Chinese-German Relations as a Reflection of the Crisis in Transatlantic Unity Amid the Western-Chinese Confrontation. *Vestnik of the Moscow State Linguistic University. Social Sciences*, 3(860), 24–32. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Мир переживает период турбулентности. Эпоха доминирования стран Запада завершилась, происходит трансформация глобальной геополитической архитектуры. Вопрос о том, как она будет выглядеть в ближайшей и среднесрочной перспективе, находится в стадии решения.

Важным признаком глубокого глобального кризиса стало разрушение всеобъемлющей системы международной безопасности, основы которой были сформированы во второй половине XX века. В результате произошедших перемен возникающие межгосударственные противоречия всё чаще разрешаются в форме вооруженных конфликтов. О глубине глобального кризиса свидетельствует и падение авторитета международных организаций: всесторонней критике подвергается деятельность ООН, совершенно неэффективна в урегулировании конфликтов ОБСЕ, не слышен голос ВТО в защиту правил и норм международной торговли на фоне произвольного установления таможенных пошлин для иностранных государств действующим президентом США.

Подошла к концу наступившая после окончания холодной войны эпоха однополярного мира. Одним из ее результатов стало заметное «перенапряжение сил» Соединенных Штатов Америки. Поэтому требования о необходимости для европейских членов НАТО в большей степени финансировать обеспечение своей безопасности были сформулированы американской стороной еще до

первой каденции Д. Трампа. Поспешный уход США из Афганистана в 2021 году, нежелание Д. Трампа с самого начала его второй каденции продолжать финансирование украинского конфликта – всё это звенья одной цепи. Сверхдержава столкнулась с осознанием того факта, что ее потенциала перестало хватать для одновременного решения сложных внутривнутриполитических проблем и дорогостоящего глобального доминирования.

Для западных стран сложилась ситуация идеального шторма: параллельно со снижением геополитического потенциала Соединенных Штатов так и не обрели политической субъектности европейские страны НАТО – их мнение, как правило, играет второстепенную роль при урегулировании международных кризисов. Таким образом, лозунг Д. Трампа о необходимости сделать Америку снова великой – всего лишь попытка затормозить процесс утраты лидерства и Соединенными Штатами, и Западом в целом.

Наряду с закатом привыкшего доминировать Запада растет потенциал государств Глобального Юга, требующих учета своих национальных интересов и желающих принимать более активное участие в глобальном управлении. И в данном случае речь идет в первую очередь о Китае. В отношении Поднебесной странами Запада после окончания холодной войны была допущена серьезная геополитическая ошибка: сторонники теории демократического транзита пребывали в уверенности, что в КНР по мере роста экономики и уровня жизни населения будут утверждаться нормы

либеральной демократии, т.е. также как это происходило в послевоенных Германии и Японии [Национальные и международные стратегии на индотихоокеанском пространстве: анализ и прогноз, 2020]. Но с Китаем это схематичное мышление дало сбой: воспользовавшись всеми преимуществами глобализации и сформировав колоссальный потенциал, он так и не трансформировался в классическую либеральную демократию. В итоге он превратился, по мнению западных стран, в их основного геополитического противника.

КИТАЙ И ГЕРМАНИЯ КАК ГЛАВНЫЕ БЕНЕФИЦИАРЫ ЭПОХИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

После окончания холодной войны преимуществами глобализации в значительной степени воспользовался не только Китай, но и Германия, экономика которой традиционно была в значительной степени ориентирована на экспорт. Основным торговым партнером ФРГ были страны расширяющегося Евросоюза, но среди стран Глобального Юга приоритет Китая в этом отношении был неоспорим – в 2016–2023 годах КНР была основным торговым партнером ФРГ¹.

Китай наводнил своими дешевыми товарами рынки западных стран, включая ФРГ. При этом Запад рассчитывал, что Поднебесная на долгое время сосредоточится на выпуске товаров с низкой добавленной стоимостью, не конкурируя с западными странами в выпуске высокомаржинальной продукции. Но здесь Запад допустил вторую стратегическую ошибку в оценке последствий влияния глобализации на страны Глобального Юга. В начале 2025 года эту ошибку признал и вице-президент США Джей Ди Вэнс. Он отметил: «У нашего правящего класса было два заблуждения, когда дело дошло до глобализации. Первое – это предположение, что мы можем отделить создание вещей от их конструирования, проектирования или дизайна. Идея заключалась в том, что богатые страны будут двигаться дальше по цепочке создания стоимости, в то время как бедные страны будут производить более простые вещи»². Но получилось иначе. В этом отношении характерна точка зрения директора германского Центра автомобильных исследований Ф. Дуденхёффера, который считает, что сегодня немецкие автопроизводители уже больше не учителя, а студенты Китая [Белов, 2023, с. 115].

¹USA überholen China als wichtigsten Handelspartner Deutschlands. URL: <https://www.zeit.de/wirtschaft/2024-05/handelspartner-deutschland-china-usa-konjunktur> (дата обращения: 20.08.2025).

²Суржанский А. Предостережение Вэнса: дешевый труд мигрантов – опиум промышленности. URL: <https://tass.ru/opinions/23473701> (дата обращения: 20.08.2025).

Осознание совершенной ошибки пришло не сразу, поэтому в первые два десятилетия XXI века взаимовыгодная торговля процветала. В частности, Китай с его огромным внутренним спросом стал важным рынком сбыта для стран Евросоюза в целом и для Германии, в частности: с 1995 по 2022 год экспорт стран Европейского союза (в его нынешнем составе) в Поднебесную увеличился в 13 раз. А вот европейский импорт из Китая вырос в эти годы в 23 раза. За этот же промежуток времени вся внешняя торговля стран ЕС увеличилась максимум в четыре раза [Буторина, 2023]. Таким образом, роль КНР в развитии внешнеторговых связей стран Евросоюза на протяжении последней четверти века трудно переоценить.

Из всех стран ЕС наиболее тесные экономические отношения у Китая сформировались с Германией – более трети от общего объема торговли 27 стран Евросоюза с КНР приходится на китайско-немецкий товарооборот³. И по такому важному показателю, как объем прямых германских инвестиций, Китай на сегодняшний день среди всех внешнеэкономических контрагентов ФРГ занимает 2-е место, уступая только США – немецкие компании, несмотря на имевшиеся сложности, в последние годы продолжали энергично осваивать китайский рынок [Белов, 2023].

Китайские же компании делали ставку в основном на наращивание товарного экспорта. Показательная ситуация сложилась в столь популярном в сегодняшней Германии промышленном секторе, как производство фотоэлектрических батарей (солнечных панелей). В начале XXI века правительство ФРГ начало субсидировать их выпуск, благодаря чему в стране было создано около 125 тыс. рабочих мест. Но затем субсидии были сокращены, и китайская продукция, имея преимущество в цене и, не уступая по качеству, фактически завоевала немецкий рынок [Quaschnig, 2022].

В силу разницы в масштабах двух экономик и специфики сложившихся межгосударственных внешнеторговых отношений в настоящее время взаимозависимость германской и китайской экономик носит асимметричный характер – Германия в большей степени зависит от рынков сбыта в Китае, нежели он от немецких [Белов, 2023]. Следовательно, возможное сокращение масштабов двусторонней торговли, а тем более полный разрыв экономических связей носил бы для ФРГ гораздо более болезненный характер, чем для Китая.

³Мельникова Ю. Отношения ЕС и КНР и будущее многополярности. Что выберет Германия? URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/otnosheniya-es-i-kr-i-budushchee-mnogopolymosti-chto-vyberet-germaniya/> (дата обращения: 20.08.2025).

ПРОТИВОСТОЯНИЕ СТРАН ЗАПАДА И КИТАЯ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА ТРАНСАТЛАНТИЧЕСКОГО ЕДИНСТВА

На сегодняшний день Китай действительно добился выдающихся результатов в области внешней торговли. Для 128 стран мира, т.е. для абсолютного их большинства, он является крупнейшим торговым партнером. Этот результат особенно впечатляет на фоне непродолжительного срока, в течение которого он был достигнут. Еще в 2000 году крупнейшей торговой державой в мире были США. Тогда больше 80 % стран мира имели с США больший товарооборот, чем с Китаем. На сегодняшний день их количество опустилось ниже 30 %¹.

Запад обеспокоен не только ростом экономического и геополитического потенциалов КНР, но и в не меньшей степени, стремлением Китая жестко отстаивать свои национальные интересы, не обращая внимания на оказываемое на него давление. Данная позиция была отражена в опубликованной в декабре 2017 года Стратегии национальной безопасности США. В этом документе Китай вместе с Россией были объявлены «ревизионистскими государствами», которые планируют создавать мир наперекор американским интересам и ценностям [Национальные и международные стратегии ... , 2020].

Положение, сформулированное в СНБ Соединенных Штатов, является продуктом межпартийного консенсуса. И республиканцы, и демократы считают Китай основным геополитическим противником США. Так, Д. Трамп во время своего первого президентского срока назвал Россию и Китай главными вызовами Америке и начал торговую войну с КНР [Шаклеина, 2024]. После прихода к власти Дж. Байдена никаких принципиальных изменений в американо-китайских отношениях не произошло. Более того, был ужесточен контроль над экспортом в Китай передовых американских компьютерных технологий. С началом второго президентского срока Д. Трампа торговая война между двумя странами приобрела еще большую остроту.

При этом Китай не заинтересован в полноценной торговой войне с одним из своих крупнейших внешнеторговых партнеров. Но принятые американским руководством меры уже привели к снижению объемов межгосударственной торговли [Потапов, 2025].

Следует отметить, что торговые противоречия между США и Китаем – это только верхушка айсберга. В основе противостояния этих стран – причины геополитического свойства. Речь идет о принципах будущего мироустройства. И главным препятствием на пути сохранения доминирования Запада во главе с США в глобальном масштабе стал Китай.

Понимая, что Китай не станет его союзником ни при каких обстоятельствах, американское руководство выбрало стратегию всестороннего сдерживания и ослабления своего основного геополитического противника. Для успешной реализации данной стратегии требуется максимальная сплоченность стран Запада, иными словами, безоговорочная поддержка европейскими союзниками действий США по сдерживанию Китая. А с этим возникают проблемы двоякого свойства. *Во-первых*, между странами ЕС и Китаем за несколько десятилетий, прошедших после окончания холодной войны, сложились прочные торгово-экономические связи, разрыв которых был бы очень болезненным для европейских экономик. Поэтому антикитайские экономические санкции не встречают поддержки у тех стран Евросоюза, которые опасаются ответных действий Пекина. В наиболее уязвимом положении в этом отношении оказывается ФРГ, что сильно ограничивает свободу действий немецкого правительства на китайском направлении. *Во-вторых*, и ранее далекому от идеала трансатлантическому единству преимущественно усилиями администрации Д. Трампа в последние годы был нанесен значительный ущерб. И речь идет не только об отставании Соединенными Штатами своих экономических интересов, в том числе за счет союзников. США и их европейские союзники всё больше расходятся идеологически. В Евросоюзе на сегодняшний день доминирует преимущественно леволиберальная идеологическая повестка, во многом близкая взглядам руководства Демократической партии США и категорически не воспринимаемая ни республиканцами, ни Д. Трампом.

Идейное американо-европейское противостояние особенно ярко проявилось в ходе Мюнхенской конференции по вопросам безопасности в феврале 2025 года. Выступая на открытии, президент ФРГ Ф.-В. Штайнмайер заявил, что у новой американской администрации совсем другое понимание мира по сравнению с европейцами: она не обращает внимания на установленные правила партнерства и доверие².

¹Braml J. Während Trump den Wirtschaftskrieg sucht, macht China die halbe Welt von sich abhängig. URL: https://www.focus.de/politik/ausland/waehrend-trump-wirtschaftskrieg-mit-china-sucht-bringt-sein-feind-die-halbe-welt-hinter-sich_5a3b9f02-6c5f-440a-87ca-cefc1f9a88.html (дата обращения: 20.08.2025).

²Ремчуков К. В. В Мюнхене разорвалась бомба «войны культур» между США и ЕС URL: https://www.ng.ru/politics/2025-02-16/1_9193_munich.html (дата обращения: 20.08.2025).

Идеологические разногласия являются важным препятствием и на пути развития европейско-китайских отношений. В принятом в 2019 году совместном коммюнике Еврокомиссии и Высокого представителя Евросоюза по иностранным делам и политике безопасности «ЕС – Китай: стратегические перспективы» о КНР одновременно говорится и как о партнере, и как об экономическом конкуренте, и как о системном сопернике, продвигающим альтернативные модели управления [Леушкин, Самойлов, 2024]. С одной стороны, ЕС, практикуя смешанный ценностно-геополитический подход в выстраивании своих отношений с Китаем, говорит о фактах нарушения прав человека в КНР, с другой – пользуется преимуществами экономического сотрудничества с Поднебесной.

Вашингтон в последнее время усиливает давление на Брюссель и другие европейские столицы с целью вынудить их оказать большую поддержку американской политике экономического давления на Пекин [Белов, 2024]. В немецком экспертном сообществе даже высказываются соображения о том, что «покинутая» США Европа может пойти по пути большего сближения с КНР¹. Но подобный сценарий развития события представляется сильным преувеличением в силу очевидных идеологических противоречий между сторонами.

Таким образом, в своих усилиях по сдерживанию Китая Запад выступает на фоне серьезного кризиса трансатлантических отношений, что объективно приводит к снижению эффективности этих усилий. А современные германо-китайские отношения складываются с учетом проанализированных выше реалий и тенденций.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ГЕРМАНО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ И ИЗМЕНЕНИЕ ИХ ХАРАКТЕРА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В качестве важнейших факторов, оказывающих влияние на формирование внешнеполитического курса ФРГ на китайском направлении, следует выделить:

- особенности отношений между странами Запада и Китаем в конкретный период времени в целом и отношения между ЕС и КНР, в частности. В связи с отсутствием у Германии полной политической субъектности ее правительство вынуждено выстраивать свою внешнюю политику с учетом общей

политической линии США и Евросоюза по отношению к Китаю;

- соотношение политических сил в рамках правящей коалиции, формирующей федеральное правительство. В данном случае речь идет не только о ее составе, но и о политическом весе каждого из его участников. Например, представители партии зеленых в рамках «красно-зеленой коалиции» 1998–2005 годов и «светофорной коалиции» 2021–2025 годов занимали пост министра иностранных дел, но сама партия при этом обладала разным политическим весом (обусловленным разным количеством голосов, полученных на выборах в бундестаг), что отражалось на масштабе ее влияния на формирование внешнеполитического курса ФРГ;
- взгляды федерального канцлера на проблематику германо-китайских отношений, который, в соответствии с Основным законом ФРГ, определяет основные направления внутренней и внешней политики страны. Помимо этого, в рамках анализа субъективного фактора, следует учитывать и то обстоятельство, каким образом складываются отношения между руководителями партий, входящих в состав правящей коалиции. Характер этих отношений влияет на степень последовательности внешнеполитического курса, проводимого федеральным правительством по отношению к КНР;
- характер и степень влияния промышленного лобби на политику правительства ФРГ на китайском направлении. Характерной особенностью политической культуры Германии, экономика которой в значительной степени ориентирована на экспорт, является значимое влияние крупных немецких компаний и отраслевых объединений на содержание решений, принимаемых во внешнеэкономической сфере.

Период конца XX – начала XXI веков был отмечен бурным ростом германо-китайской торговли, для которого не стали значимым препятствием даже события на площади Тяньаньмэнь в 1989 году. Правительства Г. Коля и сменившего его в 1998 года на посту канцлера Г. Шрёдера руководствовались, в первую очередь, геополитическими интересами объединенной Германии.

Но в первые годы правления А. Меркель, которая большое внимание уделяла проблематике защиты прав человека, возникло впечатление, что не меньшую роль во внешней политике стали играть и ценностные ориентиры. Встреча А. Меркель с Далай-ламой в 2007 году вызвала нервную

¹Daniels L. von, Mair St. Trumps Rückkehr und Europas außenpolitische Herausforderungen. Stiftung Wissenschaft und Politik. Deutsches Institut für Internationale Politik und Sicherheit. SWP-Studie. Berlin: 2025. 3. Februar.

реакцию со стороны китайских властей, но возникший конфликт в целом был исчерпан в октябре 2008 года в ходе визита главы германского правительства в Пекин [Зарицкий, 2021]. Высшей точки отношения между ФРГ и КНР достигли тоже при А. Меркель, в 2014 году между двумя странами было подписано Соглашение о всеобъемлющем стратегическом партнерстве¹. Но затем нацеленность Пекина на приобретение высокотехнологичных европейских, в том числе немецких, компаний вызвала настороженность и последовавшие за ней ограничения законодательства в области иностранных инвестиций [Басов, 2025].

Проблемы, которые начали накапливаться в германо-китайских отношениях в последние годы работы правительства А. Меркель, обострились в 2021 году с приходом к власти «светфорной коалиции». Один из лидеров партии зеленых, г-жа А. Бербок, занявшая пост министра иностранных дел, не упускала возможности поставить вопрос о соблюдении прав человека в КНР, чем вызвала крайнее неудовольствие китайской стороны. МИД ФРГ под ее руководством проводил явно выраженную ценностную политику. Иной точки зрения на отношения с Китаем придерживался федеральный канцлер О. Шольц, для которого гораздо большую роль играли интересы немецкого бизнеса в Поднебесной.

Но даже Шольц не мог противостоять общей тенденции на обострение отношений ЕС и стран Запада в целом с Китайской Народной Республикой. В результате начал сокращаться объем германо-китайской торговли – в 2024 году. Китай уступил США место крупнейшего торгового партнера Германии. После начала украинского кризиса в 2022 года, обернувшегося резким сокращением объемов торговли между ФРГ и Россией и, соответственно, большими убытками для немецкой промышленности, перед правительством Германии всерьез встал вопрос возможного повторения подобного варианта, но теперь уже с Китаем. Только в случае с КНР масштабы ущерба для немецкой экономики от разрыва торговых отношений были бы значительно выше.

Ярким свидетельством усилий германского правительства по возможной минимизации ущерба на китайском направлении стало сокращение в 2023 году более чем на порядок объема инвестиционных гарантий правительства ФРГ для компаний, инвестирующих в китайскую экономику².

¹Hasselbach Ch. Deutsche China-Strategie: kritischer Umgang statt Abkopplung URL: https://www.focus.de/politik/ausland/deutsche-china-strategie-kritischer-umgang-statt-abkopplung_id_199005839.html (дата обращения: 20.08.2025).

²Ринке А. Эксклюзив: немецкие гарантии для китайских инвестиций резко сокращаются. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/

СТРАТЕГИЯ ФРГ В ОТНОШЕНИЯХ С КИТАЕМ: ОПОРА НА ЦЕННОСТИ ИЛИ НА НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ?

В 2023 году впервые в истории ФРГ была принята Стратегия федерального правительства в отношении Китая. Разработчиком этого документа стратегического планирования было контролируемое в тот момент партией зеленых Министерство иностранных дел ФРГ, но, как и все правительственные документы, стратегия была согласована с Ведомством федерального канцлера. Порядок работы над документом отразился на его содержании – оно проникнуто противоборством двух подходов – ценностного и геополитического, т. е. в значительно большей степени учитывающего национальные интересы ФРГ.

Значительное внимание в принятом документе уделяется ценностному подходу: в частности, декларируется готовность введения санкций в случае ухудшения ситуации с правами человека в Китае [Басов, 2025, с. 23]. В рамках экономического раздела стратегии отмечается, что, во-первых, Германия не намерена препятствовать экономическому развитию Китая; во-вторых, речь в принципе не идет о разрыве экономических связей между двумя странами. Но в то же время для ФРГ необходимо минимизировать риски, связанные с высокой зависимостью от торговли с Китаем³.

Специальные разъяснения в этой связи были даны германским Министерством экономики и защиты окружающей среды. Оно заявило о намерении внимательно следить за деятельностью немецких компаний, находящихся в состоянии односторонней зависимости от китайского рынка, сокращать государственную поддержку этих компаний с тем, чтобы они брали на себя максимальную ответственность и не рассчитывали на помощь государства.

На сегодняшний день в наибольшей зависимости от китайского рынка находятся четыре немецкие компании с мировым именем: «Фольксваген», «Мерседес-Бенц», «БМВ» и «БАСФ». В 2021–2023 годах их инвестиции в китайскую экономику составили более половины капиталовложений всех стран ЕС⁴. В наибольшей степени зависит от китайского рынка «Фольксваген». Этим концерном

[en-ru.ru.c2f5f7c1-68a61763-0e8b42f6-74722d776562/https://www.reuters.com/business/german-guarantees-china-investments-plummet-document-2023-08-23](https://www.reuters.com/business/german-guarantees-china-investments-plummet-document-2023-08-23) (дата обращения: 20.08.2025).

³China-Strategie URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/blob/2608578/810fdade376b1467f20bdb697b2acd58/china-strategie-data.pdf> (дата обращения: 20.08.2025).

⁴Lee F. Ist Deutschland zu abhängig von China? URL: <https://www.bpb.de/themen/wirtschaft/freihandel/geopolitik-und-welthandel/544434/ist-deutschland-zu-abhaengig-von-china> (дата обращения: 20.08.2025).

совместно с китайскими фирмами создано более 40 предприятий; около 40 % его автомобилей в начале 2020-х годов продавалось на китайском рынке. Это позволяло Дису, занимавшему пост генерального директора концерна до 2022 года, говорить о том, что не более 10 % населения Земли живет в демократических странах, поэтому такой концерн с глобальными амбициями, как «Фольксваген», не может ими ограничиваться¹. С учетом поистине бедственного положения, в котором сегодня оказалось не только немецкое, но в значительной степени и всё европейское автомобилестроение, отказываться от рынка с почти полтора миллиардным населением вряд ли возможно.

Несмотря на постепенное сокращение объемов торговли между Германией и Китаем в последние годы, по экспертным оценкам, быстрое сокращение немецкого импорта в тех отраслях, где зависимость ФРГ от поставок из Поднебесной особенно велика, – например, по редкоземельным металлам, – пока остается иллюзией [Германия, 2025].

В 2025 году экономика Германии оказалась в состоянии идеального шторма. Отсутствие дешевых российских энергоносителей как следствие украинского кризиса, объявленные Д. Трампом высокие таможенные пошлины, наносящие значительный ущерб немецкому экспорту в США, необходимость увеличения военных расходов и оказания финансовой помощи Украине, сложные отношения с Китаем и попытки сократить экономическую зависимость от него и, как результат, длящаяся несколько лет рецессия и перспектива заметного роста государственного долга.

В этих условиях по итогам выборов 2025 года в ФРГ в очередной раз сформировалась так называемая большая коалиция в составе консервативного блока ХДС/ХСС и СДПГ. Все входящие в состав коалиции партии в выстраивании отношений с Китаем руководствуются, в первую очередь, немецкими экономическими интересами. Но они не могут не учитывать нарастающего в последние годы недоверия и настороженности по отношению к КНР в Евросоюзе в целом и в Германии, в частности. Эти настроения находят отражение в официальных партийных документах и в выступлениях представителей руководства этих партий. Так, в заявлении фракции ХДС / ХСС в бундестаге отмечается, что «подъем коммунистического Китая стал центральным, эпохальным вызовом XXI века» [Godehardt, 2024, с. 25].

¹Hage S., Hesse M., Schult Chr. Wie das Wirtschaftsministerium VW zu mehr China-Distanz zwingen will. URL: <https://www.spiegel.de/wirtschaft/china-politik-der-ampel-wie-das-wirtschaftsministerium-vw-zu-mehr-distanz-zwingen-will-a-d00ba045-c4d3-484a-bb46-ad0754addea8> (дата обращения: 20.08.2025).

Немаловажную роль в формировании будущего внешнеполитического курса ФРГ по отношению к Китаю должен сыграть и субъективный фактор. На должность министра иностранных дел ФРГ назначен представитель ХДС Й. Вадефуль. Первые месяцы его работы показали, что решение ключевых внешнеполитических вопросов федеральный канцлер Ф. Мерц зарезервировал лично за собой. Социал-демократы, партнеры консерваторов по коалиции, сосредоточились преимущественно на внутривнутриполитической повестке.

Таким образом, содержание внешней политики ФРГ на китайском направлении в течение всего срока работы правительства, сформированного в мае 2025 года, будет в значительной степени определяться лично Ф. Мерцем. В силу своего жизненного опыта он прекрасно разбирается в экономических вопросах, но ему недостает необходимого для канцлера управленческого опыта. В отличие, например, от его предшественника О. Шольца, он не прошел все уровни государственного управления. Помимо этого Ф. Мерц импульсивен и нередко позволяет себе достаточно резкие заявления. Так, в качестве председателя, еще находившегося в оппозиции ХДС он говорил, что «Китай представляет собой всё большую угрозу для нашей безопасности. Он практикует всё больше репрессий внутри страны и всё агрессивнее ведет себя на международной арене»².

И даже накануне последних выборов в бундестаг, успех которых был для Ф. Мерца фактически предрешен, он не удержался и причислил Китай к «оси автократий»³.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ключевым аспектом современной глобальной геополитической обстановки является нарастание противоборства между странами Запада и Китаем. Запад выступает в ослабленном состоянии не только в силу имеющегося у него комплекса сложных внутривнутриполитических проблем, но и вследствие кризиса трансатлантического единства.

Все эти тенденции непосредственно отражаются на германо-китайских отношениях, делая их запутанными и сложнопредсказуемыми. Несмотря на принятие в 2023 году Стратегии в отношении Китая, на сегодняшний день нет оснований говорить о

²Merz: China wird zunehmend zur Bedrohung der deutschen Sicherheit URL: https://www.focus.de/politik/der-china-versteher/merz-china-wird-zunehmend-zur-bedrohung-der-deutschen-sicherheit_id_259874318.html (дата обращения: 20.08.2025).

³Görlach A. Für China war Scholz ein Schwächling - mit Merz könnte es ganz anders laufen URL: https://www.focus.de/politik/ausland/china-sah-scholz-als-schwaechling-mit-merz-koennte-es-ganz-anders-laufen_d1cab942-9c1f-4fc0-baa7-07d84b5ecd69.html (дата обращения: 20.08.2025).

наличии у руководства ФРГ четко сформулированного стратегического видения перспектив развития германо-китайских отношений на годы вперед. Это объясняется как быстро и малопредсказуемо меняющейся обстановкой в мире, так и недостатком политической субъектности Германии на международной арене: выстраивая свои отношения с Китаем, немецкое правительство вынуждено учитывать нарастающее противоборство между странами Запада и КНР. Второй причиной сложностей с формулированием стратегического видения на столь важном направлении внешней политики ФРГ является периодическое изменение по итогам выборов в бундестаг состава правящих коалиций и наличие, как правило,

серьезных противоречий по данному вопросу между входящими в них парламентскими партиями.

В сложившихся условиях Германия с высокой долей вероятности будет придерживаться общего курса стран Запада на сдерживание Китая, пытаясь в то же время максимально сохранить достигнутый уровень экономического взаимодействия с ним. Что касается КНР, т. е. основания предполагать, что в отношениях с ФРГ Китай будет продолжать, с одной стороны, жестко отстаивать свои интересы, с другой – пытаться сохранить взаимовыгодное сотрудничество с ФРГ, будет пытаться использовать возможности, возникающие вследствие кризисных явлений в трансатлантических отношениях.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Национальные и международные стратегии на индо-тихоокеанском пространстве: анализ и прогноз: монография / Борох О. Н. и др. / отв. ред. В. В. Михеева, В. Г. Швыдко. М.: ИМЭМО РАН, 2020.
2. Белов В. Б. Германо-китайские экономические отношения в условиях актуальных геополитических вызовов // Современная Европа. 2023. № 7. С. 111–126.
3. Буторина О. В. Торговля Евросоюза с Китаем: проблема дефицита // Современная Европа. 2023. № 7. С. 5–20.
4. Quaschnig V. und C. Energirevolution jetzt! München: Hanser, 2022.
5. Шаклеина Т. А. Соединенные Штаты Америки в XXI веке: утопия и реальность // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2024. Вып. 4 (857). С. 55–64.
6. Потапов М. А. Обострение противоречий между КНР и США и перспективы двусторонних экономических отношений // Мировая экономика и международные отношения. 2025. Т. 69. № 6. С. 92–102.
7. Леушкин Д. В., Самойлов Н. Г. Подход к Китаю в стратегическом видении ЕС (2016–2023) // Современная Европа. 2024. № 5. С. 49–59.
8. Белов В. Б. Основные итоги апрельского визита канцлера ФРГ О. Шольца в Китай // Аналитические записки Института Европы РАН. 2024. Вып. II. № 9 (341). С. 12–19.
9. Зарицкий Б. Е. Германия–Китай: партнеры, конкуренты или системные соперники? // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65. № 2. С. 16–28.
10. Басов Ф. А. Политика Германии в отношении КНР // Современная Европа. 2025. № 2. С. 18–26.
11. Германия. 2024 = Germany. 2024 / отв. ред. В. Б. Белов. М.: Ин-т Европы РАН, 2025.
12. Godehardt N. Die Logik deutscher Chinapolitik in der Zeitenwende. Stiftung Wissenschaft und Politik. Deutsches Institut für Internationale Politik und Sicherheit. SWP-Studie. Berlin: 2024. 20. August.

REFERENCES

1. Mikheev, V. V., Shvydko V. G. (Eds) (2020). Nacional'nye i mezhdunarodnye strategii na indo-tihookeanskom prostranstve: analiz i prognoz = National and international strategies in the Indo-Pacific region: analysis and forecast. Moscow: IMEMO RAS. (In Russ.)
2. Belov, V. B. (2023). German-Chinese Economic Relations in the Context of Current Geopolitical Challenges. Contemporary Europe, 7, 111–126. (In Russ.)
3. Butorina, O. V. (2023). Trade between the European Union and China: the problem of deficit. Contemporary Europe, 7, 5–20. (In Russ.)
4. Quaschnig, V. und C. (2022). Energirevolution jetzt! München: Hanser. (In German).
5. Shakleina, T. A. (2024). The United States of America in the 21st Century: Utopia and Reality. Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 4(857), 55–64. (In Russ.).
6. Potapov, M. A. (2025). Exacerbation of Contradictions between China and the United States and Prospects for Bilateral Economic Relations. World Economy and International Relations, 69(6), 92–102. (In Russ.)

7. Leushkin, D. V., Samoilov, N. G. (2024). The EU's Strategic Vision of China (2016–2023). *Contemporary Europe*, 5, 49–59. (In Russ.)
8. Belov, V. B. (2024). Main Results of German Chancellor O. Scholz's April Visit to China. *Analytical Notes of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences*. II, 9(341), 12–19. (In Russ.)
9. Zaritsky, B. E. (2021). Germany–China: Partners, Competitors, or Systemic Rivals? *World Economy and International Relations*, 65 (2), 16–28. (In Russ.)
10. Basov, F. A. (2025). Germany's Policy Towards the PRC. *Contemporary Europe*, 2, 18–26. (In Russ.)
11. Belov, V. B. (Eds.) (2025). *Germaniya. 2024 = Germany. 2024*. Moscow: Institute of Europe RAS. (In Russ.)
12. Godehardt, N. (2024). *Die Logik deutscher Chinapolitik in der Zeitenwende*. Stiftung Wissenschaft und Politik. Deutsches Institut für Internationale Politik und Sicherheit. SWP-Studie. Berlin. (In German)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Рукавицын Петр Михайлович

доктор политических наук, доцент

профессор кафедры политологии

Института международных отношений и социально-политических наук

Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Pyotr Mihailovich Rukavitsyn

Doctor of Political Sciences (Dr. habil), Associate Professor

Professor of the Department of Political Science

Institute of International Relations and Socio-Political Sciences

Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

30.05.2025
30.06.2025
08.10.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Приоритеты сотрудничества ведущих международных акторов с государствами Восточной Африки на современном этапе (на примере Кении и Танзании)

О. В. Столетов

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия
oleg-stoletov1@yandex.ru*

Аннотация. В статье исследуются приоритеты сотрудничества ведущих международных акторов с Кенией и Танзанией на современном этапе. Кения и Танзания рассматриваются в качестве ключевых стран Восточной Африки. Внимание уделяется изучению особенностей взаимодействия ведущих международных акторов с Кенией в энергетической, транспортно-логистической и цифровой сферах, а также с Танзанией в транспортно-логистической, энергетической и ресурсной сферах. В результате проведенного исследования автор приходит к выводу о том, что на современном этапе происходит развитие многосторонней системы экономических отношений ведущих международных акторов с Кенией и Танзанией. Важную роль в этом играют западные страны. Вместе с тем ведущие незападные страны последовательно наращивают сотрудничество с исследуемыми восточноафриканскими государствами, в частности в формате «гибких» международных партнерств. В рамках международного сотрудничества Кения и Танзания стремятся к защите своих национальных экономических интересов, а также развитию региональной интеграции в Восточной Африке.

Ключевые слова: ведущие международные акторы, западные страны, ведущие незападные страны, Восточная Африка, Кения, Танзания, приоритеты сотрудничества, геоэкономическая конкуренция

Для цитирования: Столетов О. В. Приоритеты сотрудничества ведущих международных акторов с государствами Восточной Африки на современном этапе (на примере Кении и Танзании) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2025. Вып. 3 (860). С. 33–40.

Original article

Priorities of Cooperation of Leading International Actors With East African States at the Present Stage (on the Example of Kenya and Tanzania)

Oleg V. Stoletov

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
oleg-stoletov1@yandex.ru*

Abstract. The article examines the priorities of cooperation between leading international actors and Kenya and Tanzania at the present stage. Kenya and Tanzania are considered as key countries in East Africa. Attention is paid to studying the specifics of interaction between leading international actors and Kenya in the energy, transport and logistics and digital spheres, as well as with Tanzania in the transport and logistics, energy and resource spheres. As a result of the conducted research, the author comes to the conclusion that a multilateral system of economic partnerships between leading international actors and Kenya and Tanzania is developing at the present stage. Western countries play an important role in these partnerships. At the same time, leading non-Western countries are consistently increasing

cooperation with the East African states under study, including within the framework of «flexible» international partnerships. Through international cooperation, Kenya and Tanzania seek to protect their national economic interests and promote regional integration in East Africa.

Keywords: leading international actors, western countries, leading non-Western countries, East Africa, Kenya, Tanzania, cooperation priorities, geoeconomic competition

For citation: Stoletov, O. V. (2025). Priorities of cooperation of leading international actors with East African states at the present stage (on the example of Kenya and Tanzania). *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences*, 3(860), 33–40. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования приоритетов сотрудничества ведущих международных акторов с восточноафриканскими странами в контексте «пробуждения» Глобального Юга определяется значимостью Восточной Африки для современной мировой политики [Столетов, 2024]. Географическое положение региона обеспечивает ему одновременный доступ к рынкам многих стран Африки, Ближнего Востока, Южной и Восточной Азии, а также Европы и США. Среди других регионов континента государства Восточной Африки занимают лидирующие позиции по численности населения, в том числе молодого и трудоспособного. Превалирующее положение английского языка в восточноафриканских странах также создает для них определенные конкурентные преимущества. Кроме того, в настоящее время страны Восточной Африки демонстрируют наиболее высокие темпы экономического роста на Африканском континенте.

Вместе с тем в современных российских и зарубежных исследованиях сотрудничеству ведущих международных акторов с ключевыми восточноафриканскими странами уделяется всё большее внимание. В ряде научных работ международное взаимодействие в Восточной Африке рассматривается через призму геэкономического соперничества между странами Запада, прежде всего США, и Китаем¹. Ряд исследований посвящен анализу стратегий сотрудничества ведущих незападных государств со странами Восточной Африки, включая Кению и Танзанию² [Политика ведущих государств Незапада на Африканском континенте ..., 2025].

Выбор Кении и Танзании для данного исследования обусловлен рядом причин. Эти две

страны являются ведущими экономиками Восточной Африки. Участвуя в крупных африканских экономических объединениях, они находятся в зоне сопряжения нескольких проектов региональной экономической интеграции: Восточноафриканского сообщества (East African Community), Общего рынка стран Восточной и Южной Африки (Common Market for Eastern and Southern Africa), Сообщества развития Юга Африки (Southern African Development Community) [Nikolskaya, Nikulin, Ralafiarindaza, 2024].

Кения и Танзания являются участниками китайской инициативы «Один пояс – один путь», что делает их важными партнерами КНР. Вместе с тем исторически эти восточноафриканские страны были тесно связаны с Великобританией и входят в Содружество наций (Commonwealth). При этом Кении в 2024 году был предоставлен статус основного союзника США вне НАТО, что свидетельствует о росте внимания со стороны Соединенных Штатов Америки к Восточной Африке. Наличие у Кении и Танзании выхода к Индийскому океану также определяет стратегическую значимость этих государств.

Целью исследования стала попытка определить приоритеты и особенности сотрудничества ведущих международных акторов с Кенией и Танзанией в политико-экономической сфере.

В рамках данного исследования в качестве ведущих международных акторов рассматриваются государства, обладающие значительными политическими и финансовыми возможностями и технологическими компетенциями, а также осуществляющие экономическую политику в отношении рассматриваемых восточноафриканских государств как по линии двусторонней дипломатии, так и через коммерческие компании, национальные институты развития, международные организации.

К категории ведущих международных акторов отнесены Китай, США, Великобритания, Франция, Германия, Индия, Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ), Япония, Австралия, Канада, Египет, Саудовская Аравия, Республика Корея. Данные акторы являются участниками таких значимых многосторонних международных объединений, как «Группа двадцати», «Группа семи», БРИКС, Организация исламского

¹Барабанов О. Н. [и др.]. Линия разлома: конфликт в районе Великих африканских озер и его международный контекст: рабочая тетрадь № 88 / под ред. С. М. Гавриловой [и др.] / Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2024. URL: <https://russiancouncil.ru/papers/RIAC-IMI-African-Great-Lakes-Paper88.pdf> (дата обращения: 11.08.2025).

²Ardemagni E. One Port, One Node: The Emirati Geostrategic Road to Africa // Italian Institute for International Political Studies. 13.06.2023. URL: <https://www.ispionline.it/en/publication/one-port-one-node-the-emirati-geostrategic-road-to-africa-131893> (accessed: 16.08.2025).

сотрудничества, Лига арабских государств, Европейский союз. Многие из этих международных акторов, будучи внерегиональными членами Африканского банка развития (African Development Bank), оказывают значительное влияние на реализацию важных инвестиционных проектов в исследуемых странах Восточной Африки. Инициатива «Один пояс – один путь», продвигаемая Китаем, а также индо-тихоокеанские стратегии, реализуемые США и рядом других международных акторов, оказывают всё большее влияние на страны Восточной Африки. Кроме того, некоторые исследуемые международные акторы принадлежат к числу крупных торговых партнеров Кении и Танзании.

Методология исследования основана на геоэкономическом подходе, который интегрирует определенные методы теории международных отношений, мировой экономики, международной политэкономии, геополитики. Данный подход получил развитие в работах ряда российских и зарубежных ученых, в числе которых следует выделить Д. Г. Евстафьева, Д. А. Дегтерева, И. О. Абрамову, Л.Л. Фитуни, П. Гемавата, П. Ханну. В исследовании использовался системный подход, позволивший рассмотреть отношения Кении и Танзании с широким кругом международных акторов в рамках значимых для этих восточноафриканских государств направлений сотрудничества. Уровневый подход к анализу международных отношений применялся для определения специфики взаимодействия в регионе Восточной Африки. В исследовании использовались SWOT-анализ и институциональный подход для определения конкурентных преимуществ Кении и Танзании, а также применялся метод кейс-стади для анализа конкретных международных экономических проектов. Для установления приоритетов международного сотрудничества в рассматриваемом регионе использовался анализ стратегических документов исследуемых международных акторов.

ПРИОРИТЕТЫ СОТРУДНИЧЕСТВА ВЕДУЩИХ МЕЖДУНАРОДНЫХ АКТОРОВ С КЕНИЕЙ

В международном сотрудничестве Кении в области экономики важное место занимает сфера возобновляемой энергетики. Это обусловлено тем, что в кенийском энергетическом балансе доминируют геотермальная энергетика и гидроэнергетика [Rubanda, Senyonga, Ngoma, Adaramola, 2024]. В связи с этим страна выступает в поддержку развития возобновляемой энергетики в Африке. Данный подход Кении поддерживается ведущими международными акторами, которые заинтересованы в реализации проектов

в области возобновляемой энергетики на территории африканских государств. Так, Китай объявил о запуске программы «Африканский солнечный пояс» (Africa Solar Belt) на первом Африканском климатическом саммите, состоявшемся в Найроби (Кения) в сентябре 2023 года.

Местоположение Республики Кения вдоль Восточно-Африканской рифтовой системы делает геотермальную энергетику важным направлением международного сотрудничества в этой зоне. В создании инфраструктуры геотермальной энергетики Кении активное участие принимали такие компании, как Toyota Tsusho Corporation (Япония), PowerChina (Китай), Hyundai Engineering & Construction (Республика Корея), KEC International (Индия), Cyrg Energy (США). Финансово геотермальную энергетику в Кении поддерживают национальные институты содействия международному развитию Франции, Великобритании, Германии. Приобретение Кенией компетенций в области использования геотермальной энергии позволяет ей оказывать экспертную поддержку другим восточноафриканским государствам, граничащим с Восточно-Африканской рифтовой системой и заинтересованным в реализации собственных проектов в данной области Эфиопии и Джибути.

Для ведущих международных акторов, в особенности для Китая, Индии, Германии, Франции, важным является роль Кении в обеспечении международной электроэнергетической связанности в Восточной Африке. В 2023 году была открыта линия электропередачи между Кенией и Эфиопией. Реализация данного проекта на 80 % была профинансирована Всемирным банком (World Bank) и Африканским банком развития. В качестве исполнителей проекта выступили консорциум подрядчиков, включающий немецкую компанию Siemens Energy, индийские компании KEC International Limited, Larsen & Toubro и Kalpataru Power Transmission, а также китайская компания China Electric Power Equipment and Technology Company. В 2025 году была введена в эксплуатацию соединяющая Кению с Танзанией 510-километровая линия электропередачи напряжением 400 кВ. В числе исполнителей данного проекта выступили французская компания Bouygues Energy and Services, индийская компания Kalpataru Projects International Limited, китайская компания North China Power Engineering. В финансировании проекта принял участие Африканский банк развития.

В транспортно-логистической сфере ключевым приоритетом сотрудничества ведущих международных акторов с Кенией является развитие мультимодального транспортного Северного коридора (Northern Corridor). В использовании

данного маршрута, предусматривающего расширение возможностей основного кенийского порта Момбаса и создание транспортной связанности Кении с Угандой, Руандой, Бурунди, Демократической Республикой Конго (ДРК), Южным Суданом, Эфиопией, в особенности заинтересованы Япония, Китай и ОАЭ – крупные торговые партнеры Кении, чьи компании вовлечены в кенийские транспортно-логистические проекты.

Осуществляя сотрудничество, КНР и Кения значительное внимание уделяют созданию транспортного коридора «Порт Ламу (Кения) – Южный Судан – Эфиопия» (Lamu Port – South Sudan – Ethiopia Transport (LAPSSET) Corridor). В рамках формирования данного коридора в мае 2021 года начал работать морской порт Ламу, строительством которого занималась китайская компания China Communications Construction Company. Тем не менее реализация транспортного коридора LAPSSET сталкивается с определенными трудностями, вызванными, в частности, нестабильной внутривнутриполитической обстановкой в Южном Судане, а также попытками Эфиопии обеспечить для себя альтернативные выходы к морским маршрутам через территории государств Африканского Рога [Lesutis, 2025].

На взаимодействие ведущих международных акторов с Кенией влияет ее стремление к сохранению национального контроля над ключевыми сегментами своей транспортной инфраструктуры. Показательно, что портом Момбаса и другими морскими портами этой страны продолжает управлять Администрация портов Кении (Kenya Ports Authority). В сентябре 2023 года президент Кении У.Руто акцентировал внимание на том, что правительство не намерено приватизировать порт Момбаса.

Для ряда ведущих международных акторов Республика Кения, определившая цифровизацию своей экономики в качестве ключевого национального приоритета, является важным партнером в цифровой сфере. Кения, будучи подключена к Восточноафриканской подводной кабельной системе (Eastern Africa Submarine System), а также таким подводным кабелям, как SEACOM, TEAMS, EASSy, LION2, DARE1, PEACE, Africa-1, 2Africa, уже претендует на роль ключевого цифрового хаба Восточной Африки. В реализации проектов, обеспечивших интеграцию Кении в международное интернет-пространство, важную роль сыграли компании из Индии, ОАЭ, Саудовской Аравии, Франции, Китая, Египта. Американская корпорация Google, реализующая инициативу Africa Connect, планирует подключить Кению к подводному кабелю Umoja, чтобы обеспечить ее цифровую связанность с Угандой, Руандой, ДРК, Замбией, Зимбабве,

а также ЮАР и Австралией. Вместе с тем в развитии интернет-инфраструктуры на территории Кении важную роль играет китайская компания Huawei. Заинтересованность в развитии высокоскоростного интернета в Кении также демонстрируют британская компания Airtel Africa, а с 2023 года и американская компания SpaceX. Соединенные Штаты Америки участвуют в финансировании развития интернета в Кении по линии Агентства США по торговле и развитию (U.S. Trade and Development Agency).

В развитии сети центров обработки данных на территории Кении принимает участие широкий круг зарубежных компаний, среди которых компании западных стран – Digital Realty (США), Airtel Africa (Великобритания). В условиях растущего спроса в Восточной Африке на облачные вычисления и использование возможностей искусственного интеллекта на территории Республики Кения создается гиперскейлинговый кластер совокупной мощностью 22,5 МВт. В июле 2024 года в Кении был запущен гиперскейлинговый центр обработки данных NBOX1 мощностью 4,5 МВт. Реализация данного проекта была осуществлена французской компанией Schneider Electric совместно с кенийской компанией iXAfrica. Финансовую поддержку этому проекту оказала британская инвестиционная компания Helios Investment Partners. В настоящее время осуществляются работы по созданию гиперскейлинговых центров обработки данных NBOX1.2 мощностью 18 МВт и NBOX2 мощностью 53 МВт.

В рамках сотрудничества ведущих международных акторов с Кенией осуществляется сопряжение естественных конкурентных преимуществ, прежде всего связанных с выгодным географическим расположением и потенциалом возобновляемой энергетики, и экономических потребностей этой восточноафриканской страны с технологическими возможностями ее партнеров. Международное сотрудничество в цифровой сфере должно помочь Кении укрепить ее позиции в качестве важного звена, обеспечивающего функционирование трансконтинентальной цифровой связанности, и значимого африканского центра обработки данных, тем самым способствуя решению Кенией стратегических задач в области развития цифровой экономики и технологий искусственного интеллекта.

ПРИОРИТЕТЫ СОТРУДНИЧЕСТВА ВЕДУЩИХ МЕЖДУНАРОДНЫХ АКТОРОВ С ТАНЗАНИЕЙ

Ведущие международные акторы, прежде всего США и Китай, заинтересованы в получении доступа

к месторождениям полезных ископаемых восточноафриканских стран, а также Меденосному поясу Южной и Центральной Африки. В связи с этим они стремятся раскрыть транзитный потенциал Танзании в рамках Центрального коридора (Central Corridor), который должен обеспечить транспортную связь между ключевым танзанийским портом Дар-эс-Салам и такими странами, как Руанда, Бурунди, Уганда, ДРК, Малави и Замбия [Kakomile, Komba, 2024].

В условиях обострения международной конкуренции за контроль стратегических морских транспортно-логистических хабов, расположенных на восточноафриканском побережье, ОАЭ и Индия заинтересованы в расширении своего доступа к управлению инфраструктурой ключевого танзанийского порта Дар-эс-Салам. В октябре 2023 года Танзания подписала с компанией Dubai Port World (ОАЭ) соглашение об эксплуатации части порта Дар-эс-Салам в течение 30 лет, предусматривающее аренду четырех из двенадцати причалов данного порта. В 2024 году индийская компания Adani Ports and Special Economic Zone Ltd. подписала с Танзией 30-летнее концессионное соглашение на управление контейнерным терминалом № 2, включающим четыре причала, в порту Дар-эс-Салам. Для Индии сотрудничество с Танзией в транспортно-логистической сфере является ее вкладом в реализацию совместной с Японией инициативы «Азиатско-африканский коридор роста» (Asia-Africa Growth Corridor), призванной соединить Южную и Восточную Азию с Африканским континентом. В свою очередь, ОАЭ реализуют стратегию, предусматривающую расширение своего влияния на развитие «портов-конкуренентов»¹. Данная стратегия разработана для обеспечения благоприятных условий функционирования портов ОАЭ, а также для налаживания устойчивой морской логистики между Восточной Африкой, Персидским заливом и Средиземным морем².

США в рамках Партнерства по глобальной инфраструктуре и инвестициям (Partnership for Global Infrastructure and Investment) продвигают проект коридора «Лобито» (Lobito Corridor). Данный проект предусматривает развитие железнодорожного сообщения между Анголой, ДРК, Замбией и Танзией и в перспективе может обеспечить трансафриканскую связанность между

Атлантическим и Индийским океанами. В свою очередь, китайская компания China Civil Engineering Construction Corporation в 2025 году в рамках 30-летнего концессионного соглашения приняла решение о выделении 1,4 млрд долл. инвестиций в целях модернизации железной дороги TAZARA, обеспечивающей транспортное сообщение между танзанийским портом Дар-эс-Салам и Замбией, а также ДРК. Вместе с тем в 2025 году Танзания и Бурунди заключили с китайскими компаниями China Railway Engineering Group и China Railway Engineering Design and Consulting Group соглашение о строительстве железной дороги Увинза (Танзания) – Мусонгати (Бурунди). Финансирование данного проекта совместно осуществляют Африканский банк развития, Deutsche Bank (Германия) и Societe Generale (Франция). Реализация данных проектов представляет интерес для Танзании с точки зрения развития восточноафриканской интеграции в свете состоявшегося в 2022 году присоединения ДРК к Восточноафриканскому сообществу.

Танзания играет важную роль в создании системы электроэнергетической связанности между Восточноафриканским (Eastern Africa Power Pool) и Южноафриканским энергетическими пулами (Southern African Power Pool). Решение данной задачи сформирует крупнейший энергетический рынок в Африке, объединяющий пространство от Кейптауна (ЮАР) до Каира (Египет). Преодоление энергодефицитности государств Восточной Африки является основой для расширения экономического присутствия в данном регионе ведущих международных акторов.

Обладание Танзией значительными речными ресурсами делает перспективным международное сотрудничество в сфере гидроэнергетики. Египет, стремящийся играть важную роль в развитии возобновляемой энергетики в странах Восточной Африки, в частности в рамках его экономической конкуренции с Эфиопией, вносит значимый вклад в развитие танзанийского гидроэнергетического потенциала [Столетов, 2023]. Консорциум египетских компаний Arab Contractors и Elsewedy Electric с 2019 года реализует на территории Танзании проект строительства гидроэлектростанции Джулиуса Ньерере (Julius Nyerere Hydropower Plant) мощностью 2,1 ГВт на реке Руфиджи. Осуществление данного проекта создаст условия для экспорта Танзией электроэнергии в соседние с ней страны. Вкладом в развитие гидроэнергетики Танзании является строительство гидроэлектростанции «Каконо» (Kakono Hydropower Plant) на реке Кагера мощностью 88 МВт. Финансовую поддержку данному проекту оказали Евросоюз, Французское агентство развития (French Development Agency), а также Африканский

¹Шелковников А. И. Портово-логистическое измерение стратегии ОАЭ в Африке // Азия и Африка сегодня. 2024. № 11. С. 71–79. DOI: <https://doi.org/10.31857/S0321507524110093>.

²Rossi E. The Case for an IndoMed Quad: India, Italy, UAE, and US Cooperation // Foreign Policy Research Institute. 04.12.2024. URL: <https://www.fpri.org/article/2024/12/the-case-for-an-indomed-quad-india-italy-uae-and-us-cooperation/> (accessed: 30.05.2025).

банк развития [Pedersen, Poncian, 2024]. Реализация данного строительства способствует раскрытию экспортного электроэнергетического потенциала Танзании, а также принесет экономическую выгоду всем участникам этих проектов.

В условиях обострения международной конкуренции за контроль над стратегическими углеводородными ресурсами ключевые западные страны, являющиеся активными участниками международного рынка СПГ, стремятся закрепить свои позиции в области разработки месторождений природного газа на морском шельфе Танзании. В 2023 году энергетические компании Shell (Великобритания), ExxonMobil (США) и Equinor (Норвегия) достигли договоренности с правительством Танзании о строительстве СПГ-терминала в этой стране. В свою очередь, Танзания заинтересована в расширении использования добываемого в рамках этого проекта природного газа внутри страны, а также создании возможностей для экспорта газа прежде всего в Уганду, Кению, ДРК, Замбию.

Раскрытие транзитных возможностей Танзании применительно к энергетической сфере связано с реализацией проекта строительства Восточноафриканского нефтепровода (East African Crude Oil Pipeline), который должен позволить экспортировать нефть с угандийских месторождений Кингфишер (Kingfisher) и Тиленга (Tilenga) через танзанийский порт Танга на международные рынки. Контрольный пакет акций Восточноафриканского нефтепровода принадлежит французскому энергетическому гиганту TotalEnergies. В реализации данного проекта также принимает участие китайская компания CNOOC. В число кредиторов данного проекта входит Исламская корпорация по развитию частного сектора (Islamic Corporation for the Development of the Private Sector), важную роль в которой играет Саудовская Аравия.

Ресурсный приоритет сотрудничества имеет существенное значение во взаимодействии Австралии, Великобритании, Канады с Танзанией, обладающей промышленными запасами критически важных минералов. Разработкой графита и редкоземельных металлов в Танзании занимаются прежде всего такие австралийские компании, как Walkabout Resources, Black Rock Mining, Evolution Energy Minerals, Adavale Resources, Peak Rare Earths Limited, EcoGraf. Компании AngloGold Ashanti Plc (Великобритания, ЮАР) и Barrick Gold Corporation (Канада) играют ключевую роль в сфере добычи и производства золота. Проекты по добыче лития в Танзании реализуют компании: AustChina Holdings Limited (Австралия), Titan Lithium (ОАЭ, КНР) и CGrowth Capital (США). О стремлении Танзании, которую

относят к числу потенциальных крупных экспортеров литий-железофосфатных аккумуляторов, обеспечить привлечение инвестиций на переработку лития свидетельствует введенный с 2024 года запрет на экспорт необработанного лития¹.

Таким образом, Танзания, занимая выгодное положение в Восточной Африке и будучи альтернативными, по отношению к Кении, морскими воротами для внутриконтинентальных африканских государств, оказывается вовлечена в широкий спектр трансрегиональных инфраструктурных проектов, в реализации которых экономически заинтересованы как ведущие международные акторы, так и граничащие с Танзанией восточноафриканские государства. Китай и США стремятся к раскрытию транзитного потенциала Танзании с точки зрения реализации приоритетных для себя и своих торгово-экономических партнеров трансафриканских инфраструктурных проектов. Исторические связи Танзании с Великобританией проявляются в активном участии государств – членов Содружества наций, в первую очередь Канады и Австралии, в разработке танзанийских ресурсных месторождений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ показывает, что на сотрудничество ведущих международных акторов с Кенией и Танзанией оказывает влияние глобальная геоэкономическая конкуренция, проецирующаяся на Восточную Африку. Вместе с тем, развивая сотрудничество с Кенией и Танзанией, ведущие международные акторы демонстрируют готовность вступить в «гибкие» международные партнерства для обеспечения экономических проектов в этих восточноафриканских странах. Ключевая роль в взаимодействии отводится международным банкам, корпоративным структурам и национальным институтам развития.

Западные страны прежде всего стремятся обеспечить для себя ведущую роль в качестве технологических и инвестиционных партнеров исследуемых восточноафриканских государств. Китай, действуя через свои компании, демонстрирует способность выступать непосредственным исполнителем инфраструктурных проектов. В свою очередь, Кения и Танзания стремятся извлечь собственную пользу из межгосударственной конкуренции за встраивание

¹From Minerals to Manufacturing: Africa's Competitiveness in Global Battery Supply Chains. Final Report – Core Section // Manufacturing Africa. 2024, October. URL: https://manufacturingafrica.org/wp-content/uploads/2024/10/from-minerals-to-manufacturing_africa-competitiveness-in-global-battery-supply-chains_core-report-updated.pdf (accessed: 26.05.2025).

стран Восточной Африки в региональные и глобальные производственно-сбытовые цепочки, балансируя свое экономическое сотрудничество с ведущими западными и незападными международными акторами и сохраняя контроль над своей основной стратегической инфраструктурой.

Приоритеты сотрудничества ведущих международных акторов с Кенией и Танзанией в значительной степени определяются экономическими стратегиями развития этих восточноафриканских государств. Особое внимание эти международные акторы уделяют раскрытию транзитного потенциала Кении и Танзании как ключевых прибрежных восточноафриканских государств. Наличие выхода к Индийскому океану позволяет вовлекать эти африканские страны в перспективные проекты в области развития региональной и трансрегиональной транспортно-логистической (Китай, Япония, Индия, ОАЭ, США, Германия, Франция) и энергетической (Китай, Япония, Индия, Республика Корея, Германия, Франция, Великобритания, Египет, США, Саудовская Аравия) инфраструктуры. Вместе с тем Индия, ОАЭ, США, Китай, Франция, Великобритания, Саудовская Аравия,

Египет способствуют превращению Кении в международный цифровой хаб. Важными партнерами Танзании в сфере разработки ее минеральных ресурсов выступают Великобритания, Канада, Австралия, ОАЭ, КНР, США.

Развивая сотрудничество с Кенией и Танзанией в реализации крупных инфраструктурных проектов, исследуемые ведущие международные акторы опираются на финансирование со стороны крупнейших международных банков, прежде всего Всемирного банка и Африканского банка развития. Это обусловлено заинтересованностью как западных, так и незападных государств в развитии интеграции стран Восточной Африки в международные экономические процессы. Внутривнутриполитическая стабильность в Кении и Танзании является важным условием реализации экономических проектов ведущими международными акторами в этих государствах и в Восточной Африке в целом. В условиях военно-политической турбулентности в ряде восточноафриканских государств, в числе которых Южный Судан, ДРК, Сомали, геоэкономическое значение Кении и Танзании возрастает.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Столетов О. В. Геоэкономическая стратегия Китая в условиях «пробуждения» Глобального Юга // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24. № 3. С. 329–344.
2. Nikolskaya M. V., Nikulin M. A., Ralafiarindaza M. N. An integrated East Africa: a resilience perspective // Polis. Political Studies. 2024. № 4. P. 71–88.
3. Tekir G. The U.S.-China Digital Rivalry in Africa // Technology Rivalry Between the USA and China. Cham: Palgrave Macmillan / C.Y. Chow P. (Ed.), 2024. P. 391–418.
4. Политика ведущих государств Незапада на Африканском континенте: монография / под ред. И. Д. Лошкарёва. М.: Аспект Пресс, 2025.
5. Rubanda M. E., Senyonga L., Ngoma M., Adaramola M. S. Infrastructure adequacy for electricity trading in East Africa // iScience. 2024. Vol. 27. № 4. P. 1–19.
6. Lesutis G. Ambivalent temporalities of mega-infrastructure in Lamu, Kenya // Geoforum. 2025. Vol. 159. P. 1–10.
7. Kakomile A. H., Komba C. Contribution of the Central Corridor Transport on the Tanzanian Economic Growth // NG-Journal of Social Development. 2024. Vol. 13. № 1. P. 161–175.
8. Столетов О. В. Особенности международного взаимодействия в энергетической сфере в Африке южнее Сахары в условиях глобальной турбулентности // Перестройка мировой энергетики в условиях экономического и политического кризиса / под ред. С. В. Жукова. М.: ИМЭМО РАН, 2023. С. 74–82.
9. Pedersen R. H., Poncian J. The political economy of energy transitions in Africa: Coalitions, politics and power in Tanzania // Energy Research & Social Science. 2024. Vol. 117. P. 1–13.

REFERENCES

1. Stoletov, O. V. (2024). China's Geoeconomic Strategy in the Context of the "Awakening" of the Global South. Vestnik RUDN. International Relations, 24(3), 329–344. (In Russ.)
2. Nikolskaya, M. V., Nikulin, M. A., Ralafiarindaza, M. N. (2024). An integrated East Africa: a resilience perspective. Polis. Political Studies, 4, 71–88.

3. Tekir, G. (2024). The U.S.-China Digital Rivalry in Africa. In C. Y. Chow P. (Ed.), *Technology Rivalry Between the USA and China* (pp. 391–418). Cham: Palgrave Macmillan.
4. Loshkarev, I. D. (Ed.). (2025). *Politika vedushhih gosudarstv Nezapada na Afrikanskom kontinente* = The Policy of the Leading Non-Western States on the African Continent: Monograph. Moscow: Aspekt Press. (In Russ.)
5. Rubanda, M. E., Senyonga, L., Ngoma, M., Adaramola, M. S. (2024). Infrastructure adequacy for electricity trading in East Africa. *iScience*, 27(4), 1–19.
6. Lesutis, G. (2025). Ambivalent temporalities of mega-infrastructures in Lamu, Kenya. *Geoforum*, 159, 1–10.
7. Kakomile, A. H., Komba, C. (2024). Contribution of the Central Corridor Transport on the Tanzanian Economic Growth. *NG-Journal of Social Development*, 13(1), 161–175.
8. Stoletov, O. V. (2023). Osobennosti mezhdunarodnogo vzaimodejstviya v jenergeticheskoy sfere v Afrike juzhnee Sahary v usloviyah global'noj turbulentnosti = Peculiarities of international interaction in the energy sector in Sub-Saharan Africa under conditions of global turbulence. In S. V. Zhukov (Ed.), *Restructuring the world energy sector in the context of the economic and political crisis* (pp. 74–82). Moscow: IMEMO RAN publ. (In Russ.)
9. Pedersen, R. H., Poncian, J. (2024). The political economy of energy transitions in Africa: Coalitions, politics and power in Tanzania. *Energy Research & Social Science*, 117, 1–13.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Столетов Олег Владимирович

кандидат политических наук

доцент кафедры международных отношений и интеграционных процессов

факультета политологии

МГУ имени М. В. Ломоносова

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Stoletov Oleg Vladimirovich

PhD (Political Sciences)

Associate Professor of the Department of International Relations and Integration Processes

Faculty of Political Science

Lomonosov Moscow State University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

03.06.2025

23.06.2025

08.10.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Тенденции развития неореспубликанизма в современной Турции

М. Урпер

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
mehmeturper@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются политические изменения в Турции, возникшие на фоне капиталистического развития систем глобализации и регионализации. Особенно заметны эти тенденции во внешнеполитической стратегии Турции, которая в последнее время активно трансформируется в новую неореспубликанскую модель, которой присущи отход от традиционной формы, завещанной Ататюрком и элементы постимперской модификации. В работе анализируется процесс эволюции турецкого республиканизма через призму современной внешнеполитической практики, включая усиление регионального влияния Турции на Ближнем Востоке, в Африке и на Балканах. В исследовании используются методы сравнительного анализа, исторического институционализма и системного подхода для выявления особенностей новой модели внешней политики. Особое внимание уделяется концепции «Империализм 2.0», объединяющей традиционные и современные инструменты влияния, а также роли этноконфессиональных и культурно-исторических факторов в формировании стратегических приоритетов страны. В результате исследования выявлено, что современная Турция стремится занять позицию регионального центра силы, сочетая реализацию собственных интересов с интеграцией в глобальные процессы.

Ключевые слова: неореспубликанизм, Турция, внешняя политика, Империализм 2.0, регионализация, Партия справедливости и развития

Для цитирования: Урпер М. Тенденции развития неореспубликанизма в современной Турции // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2025. Вып. 3 (860). С. 41–46.

Original article

Trends in the Development of Neo-Republicanism in Contemporary Turkey

Mehmet Urper

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia
mehmeturper@mail.ru

Abstract. The article examines political changes in Turkey that have emerged against the backdrop of the capitalist development of globalization and regionalization systems. These trends are especially noticeable in Turkey's foreign policy strategy, which has recently been actively transforming into a new neo-republican model characterized by a departure from the traditional form bequeathed by Ataturk and elements of post-imperial modification. The work analyzes the evolution of Turkish republicanism through the lens of contemporary foreign policy practice, including the strengthening of Turkey's regional influence in the Middle East, Africa, and the Balkans. The study employs methods of comparative analysis, historical institutionalism, and a systemic approach to identify the features of the new foreign policy model. Special attention is paid to the concept of "Imperialism 2.0," which integrates traditional and modern instruments of influence, as well as the role of ethnoconfessional and cultural-historical factors in shaping the country's strategic priorities. As a result of the research, it is revealed that modern Turkey seeks to position itself as a regional center of power, combining the realization of its own interests with integration into global processes.

Keywords: neo-republicanism, Turkey, foreign policy, Imperialism 2.0, regionalization, Justice and Development Party

For citation: Urper, M. (2025). Trends in the Development of Neo-Republicanism in Contemporary Turkey. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social sciences*, 3(860), 41–46. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

С приходом к власти в 2002 году Партии справедливости и развития (ПСР) Турция начала активно реализовывать внешнеполитическую стратегию, направленную на развитие внешнеэкономических связей с различными регионами, включая Ближний Восток¹. Это позволило стране постепенно укреплять отношения с государствами, обладающими статусом «полупериферии» и «центра»². Ранее, примерно до конца XX века, если следовать концепции развития государственного капитала через призму теории мир-системного анализа Иммануила Валлерстайна³, то можно отметить, что Турция, находясь на периферии международной системы, была зависима от западных стран как в экономическом, так и в политическом, и военно-политическом аспектах.

Последние два десятилетия Турция как субъект международных отношений в контексте регионализации, особенно в рамках своей ближневосточной внешнеполитической программы, начинает всё больше демонстрировать признаки «государства центра». Такая позиция не всегда встречается с одобрением со стороны других международных акторов, особенно представителей западных стран, что порождает определенные напряженные моменты в их отношениях. С начала 2010-х годов руководство Турции активно продвигает не только торгово-экономические, но и политические и военные интересы в таких регионах, как Ближний Восток, Африка и Балканы, несмотря на продолжающийся глобальный экономический кризис.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИМПЕРИАЛИЗМА В РЕСПУБЛИКАНСКОЙ ТУРЦИИ

Несмотря на то что с момента распада Османской империи прошло уже более ста лет, ее модель управления продолжает быть объектом изучения через призму исторического институционализма. Используя османское наследие в своей

политической доктрине на уровне неоинституционализма Турция, смогла укрепить положение как полупериферийного государства, которое сохраняет относительную независимость в отношениях с государствами «центра» [Урпер, 2021].

Проведение такого рода политической линии, на наш взгляд, можно охарактеризовать как проявление «Имперализма», что одновременно формирует основы для концепции «Имперализма 2.0». Следует отметить, что в современных международных отношениях, включая внешнюю политику Турции, активно используется инструментарий «Имперализма 2.0». Данная концепция основательно проработана в трудах таких авторов, как Ю. А. Веселов и Э. Макулито [Веселов, 2022; Makulilo, 2019]. Как следует из работ этих авторов, в современной политической науке понятие «Имперализм» претерпело изменения: оно утратило связь с аннексией и прямой эксплуатацией территорий, характерных для исторических интерпретаций, и приобрело более сложные формы. Современное толкование понятия «Имперализм» отличается разнообразием своих проявлений, объединяющих методы «жесткой» и «мягкой» сил. «Жесткая» сила включает традиционные военно-политические инструменты, такие как гибридные войны, перевороты и прокси-конфликты, которые формально соответствуют международному праву. «Мягкая» сила, напротив, основывается на культурных, этнических, экономических и идеологических влияниях. Эти два подхода взаимодополняют друг друга, формируя, как нам представляется, основу концепции «Имперализм 2.0».

Особенность данной концепции заключается в том, что «Имперализм 2.0» позиционирует военно-политическую активность как менее значимую для конкурентов. Это снижает риск прямого противодействия со стороны других акторов, хотя они могут использовать аналогичные методы через прокси-структуры. В рамках неореалистической парадигмы такие методы позволяют государствам размещать свои вооруженные силы за границей с согласия местных режимов – как официальных, так и квазигосударственных. Эти режимы выполняют функцию защиты интересов империалистических центров силы. Таким образом, традиционные военные меры становятся малоэффективными, а прямые обвинения во вмешательстве со стороны других государств весьма затруднены.

¹Davutoglu A. Zero Problems in a New Era. Republic of Türkiye, Ministry of Foreign affairs. URL: <https://www.mfa.gov.tr/zero-problems-in-a-new-era.en.mfa> (дата обращения: 08.09.2024).

²Самюэль Хантингтон, Питирим Сорокин. Геокультурный подход западной школы: Иммануил Валлерстайн. URL: <http://freebooks.site/uchebnik-mejdunarodnie-otnosheniya/geokulturniy-podhod-zapadnoy-shkolyi-immanuil-22139.html> (дата обращения: 22.04.2024).

³Там же.

В настоящее время в своих отношениях с крупными державами на глобальном уровне Турция, сохраняя позицию «государства-периферии», как мы полагаем, параллельно выступает в качестве регионального центра политической силы в отношениях с многими странами Ближнего Востока, которые можно называть не иначе как «государства третьего мира». В соответствии с реализацией концептуальных установок внешнеполитической модели «Империализма 2.0» руководство Турции эффективно развивает фундаментальные связи в военной, политической и экономической сферах в ареалах Ближнего Востока, Африки и Балкан.

В качестве наглядного примера усиления позиций Турции можно рассмотреть ее активность в оборонной сфере. Надо признать, за последние два десятилетия Анкара добилась значительных успехов в развитии оборонной промышленности. Как заявил Р.Т. Эрдоган, «сегодня Турция экспортирует технологическую продукцию оборонной промышленности в страны, которые еще вчера за плату отказывались эту продукцию предоставлять»¹. Если в начале 2000-х годов вооруженные силы Турции были вынуждены закупать за рубежом порядка 80 % необходимой им продукции военного назначения, то теперь эти же объемы удовлетворяются уже за счет собственного производства. 15 лет назад турецкий военный экспорт составлял всего 70 млн долл. США, в 2025 году турецкой стороной было объявлено, что только по итогам мая этот показатель достиг рекордных 876 млн долл. США. Кроме того, Турция превратилась в крупного экспортера программного обеспечения (ПО). Как заявил министр торговли страны О. Болат в ходе посещения «ТЕХНОФЕСТ-2024», годовой объем продаж продукции компаний-разработчиков ПО достиг 3,5 млрд долл. США, а число технопарков в Турции за последние 20 лет выросло с 3 до 102². Географический охват экспорта продукции военного назначения столь же значителен, сколь и диапазон турецких внешнеполитических интересов: Европа (Румыния, Польша, Венгрия, Албания, Косово, Украина и др.), Центральная Азия (Казахстан, Туркменистан, Киргизия), Кавказ (Азербайджан, Грузия), Ближний Восток (Катар, Саудовская Аравия, Оман, ОАЭ и др.), Азиатско-Тихоокеанский регион (Индонезия, Малайзия, Филиппины, Пакистан и др.), Африка (Марокко, Танзания, Судан, Уганда, Бенин, Кот-д'Ивуар, Ливия, Эфиопия, Алжир, Буркина-Фасо и т. д.).

¹Tosun M., Mehdiyev N. Президент Эрдоган: Мы не допустим разделения региона по принципу нового плана Сайкса-Пико. ИА «Анадолу», 04 октября 2024.

²Колесникова М. А. ВПК Турции. Современный контекст. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/48241> (дата обращения: 14.10.2024).

РЕАЛИЗАЦИЯ ПОЛОЖЕНИЙ НЕОРЕСПУБЛИКАНИЗМА ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ СОВРЕМЕННОЙ ТУРЦИИ

Основной вопрос нашего исследования заключается в том, как Турция, будучи периферийным капиталистическим государством в XX веке, к началу XXI века стала способной проводить политику территориального расширения в отношении соседних стран Ближнего Востока.

Важно отметить, что в период холодной войны Турция являлась периферийным государством и зависела экономически и военно-политически от импорта ключевых товарных ресурсов, в первую очередь из стран Запада. Во второй половине XX века в отношениях с западными странами Турция демонстрировала статус абсолютно зависимого государства. В этом контексте она выполняла свои финансовые, военные и политические обязательства в рамках таких международных организаций как НАТО и выступала в роли союзника Запада [Киреев, 2007].

В противоположность традиционному политическому курсу турецкого руководства, сформированному еще со времен премьер-министра Тургута Озала в конце XX века, Партия справедливости и развития (ПСР) во главе с Р. Т. Эрдоганом, пользуясь своим статусом в НАТО и партнерскими отношениями с государствами Запада, начала постепенно расширять рамки внешнеэкономических и военно-политических инициатив в различных регионах мира, с особым акцентом на территорию Ближнего Востока. Эта геополитическая и военная экспансия, осуществляемая, в частности, на основе военных операций НАТО и с учетом историко-культурных и этноконфессиональных установок, способствовала укреплению и углублению экономических, политических и военных связей Турции с акторами внутри региона и за его пределами, которые имели статус полупериферийных субъектов или выступали в качестве «центра» на международной арене, будучи относительно независимыми от влияния западных государств. В качестве подтверждения данного тезиса достаточно привести слова турецкого вице-президента Ф. Окта об активной роли Национальной разведывательной организации (МИТ) в зарубежных операциях: «Во многих регионах, таких как Сирия, Ливия, Карабах организация провела важную работу, нацеленную на защиту наших национальных интересов и формирование баланса в пользу нашей страны в соответствии с нашей государственной политикой. Мы не только провели самые успешные операции в нашей истории против террористических организаций на наших

границах и за их пределами, но и добились многих успехов»¹.

В начале XXI века руководство правящей ПСР, опираясь на концептуальные положения, разработанные еще в период руководства страной такими лидерами, как премьер-министры Аднан Мендерес и Тургут Озал, стремилось к дальнейшему расширению политического и экономического влияния Турции в разных уголках мира, особенно на Ближнем и Среднем Востоке². В этом направлении была разработана программа по расширению государственных торговых представительств и торговых площадей для турецких предпринимателей за пределами страны.

В рамках реализации программы, направленной на выполнение внешнеполитических задач и достижение стратегических целей, руководство Турции значительно увеличило свое участие в заключении международных торгово-экономических соглашений и новых сделок, касающихся свободной внешней торговли и расширения свободного торгового обмена. Кроме того, турецкие государственные и коммерческие компании, работающие в отраслях с высокой трудоемкостью, сосредоточились на деятельности в периферийных регионах мира, расположенных в Центральной Азии, Африке и на Балканах [Ayten, 2020].

Особо обращает на себя внимание активизация турецкой деятельности в Африке. Так, в последнее время Турция при поддержке США разворачивает строительство космодрома в Сомали, создавая таким образом, как отмечают некоторые эксперты, плацдарм для будущей военной базы. Этот проект стоимостью 350 млн долл. США и площадью 900 кв² км официально позиционируется как центр гражданских космических запусков, но его технические возможности могут быть использованы и для испытаний баллистических ракет. По оценкам ряда аналитиков, планы выходят далеко за рамки космоса: запуск разведывательных спутников МІТ усилит Турцию и одновременно обеспечит Пентагон независимым каналом глобального наблюдения и целеуказания. При этом с 2017 года в Сомали уже действует турецкая военная база, на территории которой ведется подготовка национальных вооруженных и полицейских сил этой африканской страны. Учитывая, что субрегион Африканского Рога признан самой милитаризованной зоной в мире,

такое усиление турецких позиций представляет собой серьезный прецедент в контексте региональной архитектуры международных отношений.

После распада Советского Союза в 1991 году в связи с ослаблением позиций России в Центральной Азии и на Кавказе в экономическом и политическом плане сложилась новая обстановка, в рамках которой перед Турцией открылись благоприятные перспективы для создания концептуальных установок второй гетерогенной дифференциации парадигмы империалистической направленности, которые могли укрепить позицию Турции, в качестве государства-центра. Если на протяжении холодной войны, Турция, официально позиционировалась в роли государства-периферии, которое имело абсолютную зависимость от западного центра, то после распада Советского Союза Турция начала действовать в качестве субъекта, в роли государства-центра, расширяя зоны своего влияния и активно сотрудничая с новыми государствами, некогда входящими в состав бывшей Османской империи. Тот факт, что многие из этих стран имели с Турцией некогда общую историю и этноконфессиональную принадлежность, стал важной основой для формирования позиции Турции, в качестве государства-центра. В этой связи можно отметить, что в качестве установок второй гетерогенной дифференциации концепции империализма этноконфессиональные, культурно-исторические, социально-экономические факторы постепенно, начали играть заметную роль во внешнеполитической деятельности турецкого руководства.

Подытоживая наши рассуждения о происходящих концептуальных изменениях во внешнеполитической линии Турции последнего времени, можно заметить появление явных признаков отхода от завещанного Ататюрком постулата «республиканизма» и вхождение современной Турции под руководством президента Р. Т. Эрдогана в стадию «неореспубликанизма», которому, как было уже нами отмечено, присущи все атрибуты концепции «Империализм 2.0». Весомым аргументом в поддержку данного тезиса являются положения проекта новой конституции страны. В частности, согласно сведениям, опубликованным авторитетной турецкой организацией ТЮСИАД, речь идет о том, что в проекте нового основного закона страны исчезает такое положение, как «турецкость», исключается также положение «национализм». Меняется и трактовка постулата «суверенитет». Его понимание будет включать в себе своего рода кооперацию с некоторыми наднациональными структурами, например организациями, действующими в интересах государств

¹Щегловинин Ю. Б. О роли национальной разведывательной организации Турции в Карабахской войне 2020 года // Институт Ближнего Востока. 2021. URL: <http://www.iimes.ru/?p=81812> (дата обращения: 18.10.2024).

²Стародубцев И. И. Турция: 4-й Конгресс правящей партии справедливости и развития / Институт Ближнего Востока. URL: <http://www.iimes.ru/?p=15750> (дата обращения: 02.08.2024).

исламского и тюркского мира. Предусматривается также создание нормативно-правовой базы для закрепления прав народов на самоопределение¹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование, на наш взгляд, позволяет утверждать, что на текущем этапе турецкое руководство довольно успешно сочетает неореалистические и неолиберальные подходы во внешней политике. С одной стороны, в рамках своего членства в НАТО Турция активно развивает сотрудничество в области военной промышленности в контексте национальной безопасности, с другой – с помощью неолиберального подхода и концепции «мягкой силы», основанной на этноконфессиональной и историко-культурной общности, Турция стремится укрепить политические и экономические отношения с различными региональными игроками.

В качестве основных тенденций развития неореспубликанизма в современной Турции можно выделить следующие:

- отход от традиционной внешнеполитической линии, завещанной Ататюрком;
- стремление Турции стать региональным центром силы;
- позиционирование Турции как государства-центра в постимперской манере с опорой на усиление использования этноконфессиональных, культурно-исторических и социально-экономических факторов во внешнеполитической деятельности.

¹Türk time (2011) "İşte TÜSIAD'ın Anayasa taslağı: Devlet değil birey herşeyin üstünde, ideoloji yok, değiştirilemez madde yok". URL: <https://www.turktime.com/haber/iste-tusiad-in-anayasa-taslagi-131525> (дата обращения: 25.03.2025).

Таким образом, несмотря на существующие противоречия и вызовы, Турция настойчиво реализует положения модели «Империализм 2.0». Эта стратегия способствует углублению геополитической региональной и глобальной конкуренции между Турцией и другими акторами мировой политики. В отношении с последними проявляется концепт «взаимозависимости», что в некотором плане укрепляет позицию Турции в роли доминирующего государства-центра.

Несмотря на стратегические амбиции руководства ПСР, официально Турция не может пока полностью выступать в качестве абсолютного государства-центра. Западные державы на сегодня способны оказать значительное давление, которое может проявиться в виде создания потенциального масштабного экономического или военно-политического кризиса. Это может подвергнуть внешнеэкономическое положение Турции серьезным испытаниям и привести к ослаблению ее доминирующего состояния в условиях «регионализации» и «глобализации».

Ключевая особенность современного империалистического капитализма заключается в стремлении к максимизации экономических прибылей на международных торговых площадках. Турция, выступая в роли «хаба» для импорта и экспорта и товарообмена между различными регионами мира, стремится извлечь максимальную выгоду из глобального товарооборота. В этом контексте Турция активно реализует внешнеполитическую и внешнеэкономическую модель «Империализм 2.0» с целью повышения своей экономической и стратегической значимости на международной арене.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Урпер М. Перспективы развития российско-турецких отношений // Вопросы политологии. 2021. Т. 11. № 2 (66). С. 482–493.
2. Веселов Ю. А. Интерпретации понятия «Империализма» в современной теории международных отношений // Международные отношения. 2022. № 2. С. 31–56.
3. Makulilo Ernest B. Imperialism 2.0.: Why Africa? 31 March 2019. P. 127–183 (на англ.)
4. Киреев Н. Г. История Турции XX век. М.: Наука, 2007.
5. Ayten M. Türkiye-Birleşik Arap emirlikleri ilişkileri // Uluslararası İlişkiler ve Diplomasi Dergisi = Journal of International Relations and Diplomacy. 2020. Vol. 3 (1). P. 76–99.

REFERENCES

1. Urper, M. (2021). Prospects for the development of Russian-Turkish relations. Voprosy politologii, 11(2), 482–493. (In Russ.)
2. Makulilo E. B. (2019, March 31). Imperialism 2.0.: Why Africa? 127–183.

3. Veselov, Yu. A. (2022). Interpretations of the concept of “Imperialism” in the modern theory of international relations. *Mezhdunarodnye otnosheniya*, Moscow, 31–56. (In Russ.)
4. Kireev, N. G. (2007). *Istoriya Turtsii XX vek* = History of Turkey in the 20th century. Moscow: Nauka. (In Russ.)
5. Ayten, M. (2020). Türkiye-Birleşik Arap emirlikleri İlişkileri = Turkey-United Arab Emirates relations. *Uluslararası İlişkiler ve Diplomasi Dergisi*. *Journal of International Relations and Diplomacy*, 3(1), 76–99. (In Turkish)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Урпер Мехмет

кандидат политических наук
старший преподаватель
кафедры международных гуманитарных связей
Санкт-Петербургского государственного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mehmet Urper

PhD (Political Sciences)
Senior Lecturer
Department of International Humanitarian Relations
Saint-Petersburg State University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

17.05.2025
20.06.2025
08.10.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Деятельность местных органов власти по обеспечению государственной и общественной безопасности на территории Северо-Западного края Российской империи (1900–1907)

С. В. Ананьев

Главный центр научных исследований Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации,
Москва, Россия
sergey_ananyev1982@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается деятельность местных органов власти Северо-Западного края Российской империи по решению проблем в сфере государственной и общественной безопасности в регионе в 1900–1907 годах. Целью статьи является анализ правительственной политики с учетом местных социально-политических, экономических и конфессиональных особенностей и условий, а также личного вклада генерал-губернаторов, руководивших краем в указанный период, в борьбе с революционным и националистическим движениями. Исследуются основные направления деятельности проводимой политики и показаны ее результаты. Сделан вывод о том, что деятельность местных органов власти в западных районах Российской империи по обеспечению государственной и общественной безопасности имела не только цель по восстановлению правопорядка в преддверии и в период Первой русской революции, но также носила социальную и конфессиональную направленность, отличалась непостоянством и зависела от меняющегося курса государственной политики и политической конъюнктуры того времени. Политика русификации, бюрократизации и унификации, сопровождаемая административно-полицейскими мерами не способствовала окончательной стабилизации общественного порядка и внутренней безопасности в регионе. В работе использованы ретроспективный, проблемно-хронологический, историко-сравнительный методы исследования.

Ключевые слова: русификация, национальная политика, интеграция, унификация, безопасность, рабочее движение, революционное движение

Для цитирования: Ананьев С. В. Деятельность местных органов власти по обеспечению государственной и общественной безопасности на территории Северо-Западного края Российской империи (1900–1907) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2025. Вып. 3 (860). С. 47–55.

Original article

Activities of Local Authorities to Ensure State and Public Security in the North-West Territory of the Russian Empire (1900–1907)

Sergey V. Ananyev

Main Center for Scientific Research of the Federal Service of the National Guard of the Russian Federation, Moscow, Russia
sergey_ananyev1982@mail.ru

Abstract. The article examines the activities of local authorities of the North-Western Territory of the Russian Empire to solve problems in the field of state and public security in the region from 1900 to 1907. The purpose of the article is to analyze the peculiarities of organizing government policy, taking into

account local socio-political, economic and confessional characteristics and conditions, as well as the personal contribution of the governors-general who led the region during the specified period, in the fight against revolutionary and nationalist movements. The main directions of the policy are noted and its results are shown. It was concluded that the activities of local authorities in the western outskirts of the Russian Empire to ensure state and public security had not only the goal of restoring law and order in the run-up to and during the First Russian Revolution, but also had a social and confessional orientation, was unstable and depended on the changing course of state policy and political conjuncture of that time. The policy of Russification, bureaucratization and unification, accompanied by administrative and police measures, did not contribute to the final stabilization of public order and internal security in the region. The work uses retrospective, problem-chronological, historical-comparative, as well as general scientific research methods. This study deepens the information available in Russian historiography on the issue under study.

Keywords: russification, national policy, integration, unification, security, labor movement, revolutionary movement

For citation: Ananyev, S.V. (2025). Activities of local authorities to ensure state and public security in the North-West Territory of the Russian Empire (1900-1907). *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences*, 3(860), 47–55. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В статье анализируется деятельность местных органов власти по обеспечению государственной и общественной безопасности на территории Северо-Западного края Российской империи в 1900–1907 годах. Актуальность темы состоит в необходимости изучения внутренней политики многоконфессионального, многонационального государства на примере одного из регионов Российской империи в предреволюционный и революционный периоды, в особенности в тех его западных окраинах, которые потенциально являются объектом междоцивилизационной борьбы.

В преддверии и в период Первой русской революции 1905–1907 годов перед органами местной власти Северо-Западного края Российской империи встали задачи не только по восстановлению нарушенного революционными событиями правопорядка, но и по продолжению курса русификации, унификации и дальнейшей интеграции данных территорий в государственную структуру, которые должны были стать залогом внутренней безопасности и общественного порядка в регионе.

В Северо-Западном крае Российской империи наблюдалась тенденция к централизации местной власти, укреплению положения и расширения полномочий генерал-губернатора и губернаторов. Генерал-губернатором осуществлялся прямой и косвенный надзор над местной администрацией и другими органами власти, сам он подчинялся непосредственно только императору. Политика по обеспечению государственной и общественной

безопасности в западных губерниях государства, тем самым строилась на консервативных началах с применением военно-полицейских мер.

ОБОСТРЕНИЕ ОБСТАНОВКИ В РОССИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В Северо-Западном крае Российской империи после смерти в 1901 году генерала от инфантерии В. Н. Троцкого, должность Виленского генерал-губернатора вплоть до сентября 1902 года оставалась вакантной, а управление краем перешло под непосредственное управление МВД. В среде высших правительственных чиновников существовало мнение, что генерал-губернаторство в данном крае уже выполнило свою роль по его интегрированию в имперскую структуру, а термины «Западный край» и «Северо-Западный край» в служебном лексиконе упоминались всё реже¹. С 1901 года в Минской, Могилевской и Витебской губерниях началось постепенное введение элементов земского самоуправления, по примеру остальных территорий государства.

Вместе с тем ситуация в национальной, конфессиональной и социальной сферах в Северо-Западном крае была всё ещё далека от стабильной. Об обострении национального вопроса, грозившего эскалацией внутренней обстановки, писал ковровский губернатор А. П. Рогович, отметивший только за период 1900–1901 годы значительное усиление сплоченности литовского населения губернии, формальность подчиненности властям

¹Российский государственный исторический архив (далее РГИА). РГИА. Ф. 1284. Оп. 185. Д. 36.

польского населения и отсутствия перспектив его сближения с русским национальным элементом¹.

Начиная с 1900 года руководители губерний Северо-Западного края, светская печать и представители православной церкви также отмечали рост религиозной нетерпимости местных католиков к православному населению. В частности, гродненским губернатором Н. П. Урусовым в докладе министру внутренних дел о положении губернии были отмечены активизация деятельности тайных польских школ, агитация ксендзами католической веры против посещения их детьми церковно-приходских школ, а также приводились случаи насильственных действий со стороны римско-католического духовенства и отмечалось резкое неприятие православия со стороны местных крестьян [Ганчар, 2008]. Министр внутренних дел В. К. Плеве признал ошибочность конфессиональной политики, проводимой местными властями, распространявшими православие среди католиков [Линкевич, 2008].

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

П. Д. СВЯТОПОЛК-МИРСКОГО В КРАЕ

Новый генерал-губернатор Северо-Западного края П. Д. Святополк-Мирский (1902–1904) свою деятельность строил на политике компромиссов местной власти с польской общественностью и католической церковью, от конфронтации с которыми он предлагал отказаться, из-за усиления антирусских и антиправославных настроений среди католиков, более острого осознания своей национальности. Он считал ошибочным прежнее отождествление религии с национальностью и полагал необходимым признание многоконфессионального характера края. Генерал-губернатор также предлагал снизить размер штрафов за деятельность тайных католических школ [Ганчар, 2008]. Тем самым П. Д. Святополк-Мирский провозглашал курс на смягчение религиозно-этнической политики в крае и изложил его в циркуляре от 2 июля 1903 года². По его мнению, эта перемена должна была привести к стабилизации внутренней ситуации в регионе. Подобной точки зрения придерживался минский губернатор П. Г. Курлов, написавший в своих воспоминаниях, что «правительство исходило из неправильного положения, что все лица римско-католического вероисповедания – поляки, тогда как среди католиков была масса белорусов, ничего общего с поляками не имевших» [Курлов, 1992, с. 65–66], недопущение полонизации которых, должно было стать главной задачей местных властей.

¹РГИА. Ф. 1282. Оп.3. Д. 545.

²РГИА. Ф. 1284. Оп. 190. Д. 846.

Нельзя сказать, что генерал-губернатор П. Д. Святополк-Мирский при этом не ратовал за укрепление позиций русского землевладения, народного образования и православной церкви, хотя и скептически относился к их просветительским возможностям в среде местного населения, в отличие от положения гражданской школы, позиции которой, по его мнению, должны быть усилены. Введение данных мер, как он полагал, должно было способствовать общественному спокойствию и укреплению внутренней безопасности в крае³.

Еще одним из числа наиболее последовательных проводников расширения русского землевладения и сторонников укрепления позиций местной власти в западных губерниях следует отметить гродненского губернатора (1902–1903) и будущего председателя Совета министров П. А. Столыпина. На местном уровне он предлагал расширить права земств, при этом увеличив имущественный ценз для избираемых в них лиц⁴. П. А. Столыпин уже тогда показал себя волевым администратором, проводя гибкую политику с учетом местных условий и пресекая попытки польского сепаратизма в масштабе управляемой им губернии [Гайда, 2020]. Именно «белорусская» административная практика, знавшая феномен хуторского хозяйства, привнесенного из Прибалтики остзейскими переселенцами [Липинский, 1978], заложила первый теоретический камень под фундамент будущей аграрной реформы.

К числу русских администраторов, укреплявших авторитет и позиции русской власти в западных губерниях в первые годы XX века, обеспечивавших государственную и общественную безопасность на их территориях, следует отнести:

- виленских губернаторов В. В. Валя (1901–1902), ужесточившего административно-полицейский режим в губернии и внесшего большой вклад в восстановление там безопасности, и К. К. Палена (1902–1905), пересмотревшего законодательство о еврейском населении;
- гродненского губернатора П. А. Столыпина (1902–1903), начавшего воплощать свои реформаторские аграрные и земские проекты на местном уровне;
- могилевского губернатора Н. М. Клингенберга (1902–1905), укреплявшего правопорядок в управляемой им губернии [Альманах, 1897].

³РГИА. Ф. 560. Оп. 26. Д. 352.

⁴Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). ГАРФ. Ф. 586. Оп.1. Д.261.

РОСТ РАБОЧЕГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ В КРАЕ

В начале XX века в губерниях Северо-Западного края наблюдался рост рабочего революционного движения в связи с численным увеличением рабочей среды и активизацией пропагандистской деятельности со стороны революционеров социал-демократического лагеря. Там действовал целый ряд революционно настроенных националистических и откровенно террористических организаций. Появление революционных организаций связывалось с количественным ростом пролетариата в западных губерниях империи. Только в белорусских губерниях Северо-Западного края к 1900 году насчитывалось до 180 тыс. рабочих, занятых в сферах текстильного, деревообрабатывающего и пищевого производств. Так, за 1870–1894 годы белорусский пролетариат принял участие в 12 стачках, а в 1901–1904 – уже в 52 [Бич, 1983].

Кроме действовавших в крае филиалов РСДРП и Социал-демократии Королевства Польского и Литвы, популярность получили еврейские революционные организации. В 1900–1901 годы в польских и белорусско-литовских губерниях были организованы кружки сионистов-социалистов, а также еврейская социал-демократическая рабочая партия «Поалей-Цион» («Рабочие Сиона»). К другим еврейским революционным партиям, активно действовавшим на территории западных губерний, следует отнести «Рабочую партию политического освобождения России», объединявшую своих сторонников в российских, польских и украинских городах и просуществовавшую до 1903 года. Однако наибольшую популярность среди еврейских революционных организаций получил «Бунд» (идиш – союз), до 1903 года входивший в состав РСДРП и стоявший на политической платформе организации классовой борьбы, еврейского сепаратизма, стачечного движения, вооруженного восстания и осуждавший террористические методы революционной борьбы. Расцвет этой партии пришелся на период Первой русской революции 1905–1907 годы [Бунд, 2010].

ОТВЕТНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ ОХРАНИТЕЛЬНОГО ХАРАКТЕРА

На фоне либерализации правительственной политики в Северо-Западном крае в период генерал-губернаторства П. Д. Святополк-Мирского, отдельные администраторы выступили апологетами проведения непримиримой и принципиальной политики против сепаратистских поползновений и растущего революционного движения. К их

числу, помимо уже упомянутого П. А. Столыпина, следует отнести виленского губернатора В. В. Валя. В 1901 году сторонниками политики «полицейского социализма» в Минске была основана «Еврейская независимая рабочая партия», а к антиреволюционной пропаганде были привлечены школы и православная церковь. В. В. Валь, к тому времени уже получивший большой административный опыт управления западными губерниями, был назначен на пост виленского губернатора в 1901–1902 годы и сразу же начал репрессии в отношении инакомыслящих. Так, в сентябре 1901 года в г. Сморгонь Гродненской губернии были направлены две сотни казаков для подавления общественных протестов и арестовано 70 человек [Бич, 1983].

Общественный резонанс получили события 1 мая 1902 года, когда после организации местными социал-демократами уличной демонстрации, по приказу губернатора начались массовые аресты в городском театре и на улицах Вильно, в результате которых 26 человек (18 евреев и 8 поляков) были подвергнуты порке розгами в здании виленской тюрьмы в присутствии самого В. В. Валя. Подобные наказания демонстрантов были исполнены в Минске и Витебске. В отместку за эти действия властей 5 мая 1902 года сапожник Г. Леккерт совершил покушение на жизнь губернатора, в результате которого тот получил ранения. Покушавшийся был задержан и уже 28 мая казнен через повешение [Крот, 2021]. В. В. Валь своими действиями показал приверженность старым способам борьбы с политической оппозицией на пути к восстановлению внутренней безопасности и общественного порядка в вверенной ему губернии.

МЕСТНАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ И СОБЫТИЯ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В 1905 ГОДУ

Как известно, поражения русской армии в Русско-японской войне 1904–1905 годов, рост социально-экономической напряженности, усиление агитации и пропаганды со стороны революционного лагеря и нерешенность национального, аграрного, конфессионального и ряда других вопросов вызвали в стране Первую русскую революцию 1905–1907 годов. Находившийся на посту председателя Комитета министров С. Ю. Витте, главные причины развернувшихся революционных событий на территории западных окраин государства видел в факторах «польско-национального патриотизма» и «произвола русского бюрократизма», которые объединили различные группы местного населения в стремлении «освободиться от русского влияния» [Витте, 1924, с. 129].

Революционные настроения 1905–1907 годов в Северо-Западном крае стали проявляться уже в январе 1905 года. Социальная дифференциация в сельских поселениях, тяжелые условия работы местного пролетариата, пропагандистская деятельность католических священников, активизация деятельности революционных партий, нерешенность ряда внутриполитических вопросов усугубляли накал общественного недовольства. Нельзя недооценивать и национальный фактор, выразившийся во влиянии пусть и немногочисленной, но пассионарной и мотивированной польской среды, что признавалось отдельными руководителями западных губерний в первые годы XX века [Сталюнас, 2005]. Как и в период польского восстания 1863–1864 годов, с началом январских событий 1905 года в Петербурге, многие революционные эмиссары стали прибывать в белорусско-литовские губернии из польских губерний и непосредственно самой столицы. Помимо стачек фабрично-заводских рабочих, которые приводили к закрытию местных предприятий, начались забастовки мелких чиновников и служащих.

Одной из местных особенностей в годы Первой русской революции стали вооруженные столкновения отрядов еврейской самообороны, организованные «Бундом», с праворадикальными общественными группами – исполнителями еврейских погромов. Так, первая погромная волна в самом начале 1905 года прошла в Гомеле, Белостоке, Могилеве [Бунд, 2010]. Кроме того, представителей местных органов власти и состоятельных жителей города терроризировали гомельские эсеры [Кошель, 1996].

Для восстановления порядка, местные власти были вынуждены прибегнуть к помощи дислоцировавшихся в западных губерниях воинских частей. Начались кадровые чистки среди служащих. Например, только из числа служащих Полесских железных дорог было уволено свыше 100 человек [Обнинский, 1906]. В то же время местные власти пошли на некоторые уступки. Так, закон от 22 декабря 1865 года, ограничивавший права польских помещиков, 14 мая 1905 года был отменен под влиянием революционных событий.

Летом – осенью 1905 года забастовки на предприятиях, аграрные волнения, демонстрации в городах, кровопролитные столкновения протестующих с полицией и войсками не только не прекратились, а даже значительно усилились. К примеру, 18 августа 1905 года было совершено покушение на жизнь могилевского губернатора Н. М. Клингенберга, но брошенная террористами в его экипаж бомба – не разорвалась. В дальнейшем, 29 октября 1905 года «двумя выстрелами в живот и в руку» он был

«тяжело ранен в своей приемной» [Киселев, 2008, с. 50]. Наиболее кровопролитные события происходили во второй половине октября 1905 года. Доклады губернаторов Виленской, Витебской, Могилевской, Гродненской губерний подтверждали факты многочисленных аграрных волнений, забастовок и демонстраций, наиболее крупной среди которых стала забастовка почтово-телеграфных служащих. В период возникших в октябре – декабре 1905 года беспорядков рабочих действовали боевые организации «Бунда», пытавшиеся сорвать работу промышленных предприятий и совершавшие вооруженные нападения на правительственные войска [Гейфман, 1997].

Интересные воспоминания об октябрьских событиях 1905 года принадлежали минскому губернатору П. Г. Курлову, более известному по занимаемым в дальнейшем должностям на постах товарища министра внутренних дел и командира Отдельного корпуса жандармов. В Минске забастовали железнодорожные всех линий, служащие городского водопровода и электростанций. Городские магазины и лавки закрывались, на улицах собирались большие группы манифестантов, требовавших вывода войск из города, освобождения всех политических и административных арестантов. В целях эффективной организации административно-полицейского противодействия усилившемуся беспорядкам П. Г. Курлов начал кадровые перестановки, сняв со своих должностей правителя губернской канцелярии и полицмейстера. Частично удовлетворив требования демонстрантов, он усилил внутренние городские караулы и перешел к наведению порядка на улицах городов с помощью полиции и казачьих частей. Бастовавшие на предприятиях рабочие заменялись солдатами из состава дислоцировавшихся в губернии воинских частей. В итоге, в Минской губернии не было разгромлено ни одного помещичьего имения и не был допущен готовящийся еврейский погром [Курлов, 1992] на фоне уже организованных правыми радикалами погромов в ряде других белорусских городов [Дрезен, 1936].

Помимо политических выступлений осенью 1905 года усилились и волнения на религиозно-этнической почве со стороны католического населения края, проявившего довольно высокую организованность под руководством католических священников. Под их непосредственным влиянием и в условиях нарастающего революционного кризиса всё чаще возникали попытки насильственного захвата православных церквей и монастырей, также отмечались и случаи прозелитизма. Уступки правительства в отношении католической церкви и снятие ряда ранее введенных запретов, укрепили местный

католический клир в мысли, что именно они являются хозяевами положения в духовной жизни края¹. В конце года увеличилось количество бывших униатов, перешедших из православия в католичество. Так, в течение 1905–1907 годов на территории Минской, Виленской и Гродненской губерний в католицизм перешло около 38 тыс. человек. В результате уже в 1906 году конфессиональное напряжение в крае стало успокаиваться [Чихачев, 1913].

Местные полицейские чиновники, как правило, ограничивались лишь докладами вышестоящему начальству о сложившейся ситуации². Со стороны вышестоящих органов не поощрялась инициатива по привлечению городских и охранных дружин, содействующих полиции. Всё это, безусловно, отражалось на состоянии общественной безопасности в регионе.

Кроме роста межконфессиональной напряженности в крае, в конце 1905 года усилилось социальное брожение со стороны крестьян, о чем в своих отчетах докладывали местные губернаторы³. Это проявление недовольства выразилось в вооруженных нападениях на помещичьи имения, забастовках, самовольных порубках леса и ловле рыбы в помещичьих угодьях. В начале декабря 1905 года в городах Северо-Западного края прошли забастовки рабочих. Общая ситуация грозила выйти из-под контроля властей, следовательно, поставила их перед необходимостью принятия новых мер по восстановлению внутреннего порядка и общественного спокойствия. Виленский губернатор С.С. Татищев обнародовал объявление, которое гласило о немедленном введении чрезвычайного положения в губернии в случае продолжения забастовок.

Руководство Виленского военного округа предписывало местным военным органам провести мероприятия в условиях революционного брожения и усиления пропаганды среди местных воинских частей и подразделений: «установить охрану на путях сообщения портов с городами; прекратить шатания матросов; удалить всех рабочих из района расположения казарм; ускорить следствие; выявить зачинщиков»⁴. В связи с заметной активизацией католического населения края началось привлечение полиции к охране церковных служб и процессий, признавалась необходимость выселения всех подстрекателей с территории западных губерний.

¹ИИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 45847

²Там же.

³Российский государственный военно-исторический архив (далее РГВИА). РГВИА. Ф. 1956. Оп.1. Д. 547.

⁴РГВИА. Ф. 1956. Оп.1. Д. 540.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ РЕВОЛЮЦИОННОМУ ТЕРРОРУ В 1906 ГОДУ

Введение военного положения спровоцировало новые террористические акции в отношении царских чиновников и администраторов. В частности, 14 января 1906 года в Минске партией эсеров было совершено покушение на жизнь губернатора П. Г. Курлова. Однако агентом охранного отделения З. Ф. Жученко орудие готовящегося покушения – бомба – было заблаговременно обезврежено и не сработало, а покушавшиеся преступники были задержаны. П. Г. Курлов обнародовал запрет выхода на улицу позже 20 часов для жителей города, а затем в губернии снова было объявлено военное положение [Агурский, 1928].

Принятые местными органами власти меры уже в начале 1906 года способствовали деэскалации революционной борьбы, но не свели на нет отдельные проявления протестов в виде забастовок и особенно террористических акций со стороны эсеров, анархистов и бундовцев. Последние прибегали к террору, осуществляя вооруженные нападения на местные избирательные участки, уничтожая списки избирателей, с целью срыва выборов в Первую Государственную Думу. Боевики «Бунд» совершали вооруженные нападения на представителей местных органов власти и их сторонников. Террористы-экспроприаторы действовали как в составе местных эсеровских, так и среди анархистских и бундовских групп [Бунд, 2010].

Наряду с революционной и политической борьбой в Северо-Западном крае, другой угрозой государственной и общественной безопасности стало активизировавшееся движение политических активистов польского, белорусского, еврейского и литовского населения за свои национальные права. В 1906 году в Вильно была образована Конституционно-католическая партия Литвы и Белоруссии, впоследствии запрещенная правительством, а также Литовская демократическая партия, выступившая за выход Литвы из состава Ковенской, Виленской, Гродненской, Курляндской и Сувальской губерний [Западные окраины Российской империи, 2006]. Литовский язык, наряду с польским попал в категорию признанных национальных языков края, на котором разрешалось преподавание в местных школах. Постепенно восстанавливалась деятельность римско-католических братств, но борьба с нелегальными польскими тайными школами еще продолжалась [Ганчар, 2008].

В связи с активизацией профсоюзного движения и укреплением его взаимодействия с революционными организациями, 4 марта 1906 года был издан закон об обществах и союзах, позволявший

контролировать деятельность профсоюзных групп. Только в одной Виленской губернии властями были зарегистрированы около 20 профсоюзов из состава рабочих и служащих, 4 из которых впоследствии были закрыты. Не допускались антиправительственные проявления в деятельности этих организаций, они сами вставали на учет¹.

В период Первой русской революции свою лепту в обеспечение общественной и государственной безопасности в крае в пределах своих губерний внесли царские администраторы, среди которых необходимо отметить: гродненского губернатора Ф. А. Зейна (1906–1907); минских губернаторов П. Г. Курлова (1905–1906) и Я. Е. Эрдели (1906–1912). В конце 1905 – в начале 1906 года управление губерниями Северо-Западного края стало осуществляться по законам военного времени, с наделением генерал-губернаторской власти чрезвычайными полномочиями. Начальник края получал право единоличного решения всех следственных дел без суда, в том числе с конечным вынесением смертного приговора. Правительство не остановилось перед дальнейшими преобразованиями на пути укрепления правоохранительной системы Российской империи в 1906–1907 годах.

Принятые царским правительством в 1906–1907 годах административно-полицейские меры, сопровождаемые массовыми обысками и арестами, способствовали постепенному восстановлению общественного порядка и внутреннего спокойствия на территории Северо-Западного края. Местные тюрьмы были переполнены арестованными лицами. Например, только в Могилевской каторжной тюрьме вместо допустимых по санитарной норме 170 арестантов содержалось свыше 500 человек, а через 9 имевшихся в Минской губернии тюрем прошло свыше 21 тыс. человек. Общее число лиц, находящихся в местах заключения увеличилось на 15–20 %. [Солодков, 1967]. Земские учреждения в губерниях края в этот период так и не были введены из-за опасения властей усилить в них позиции польского представительства.

¹ГАРФ. Ф. 102. Оп.116. Д. 949 (МКФ).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Местные органы власти западных губерний Российской империи в период с 1900 года вплоть до завершения Первой русской революции получили широкие полномочия, позволившие на том этапе остановить рост революционного движения и на время стабилизировать государственный порядок и обеспечить общественную безопасность. Несмотря на нерешенность ряда болезненных для региона внутриполитических вопросов (национального, конфессионального, земельного, кадрового, рабочего и др.), подбор чиновников руководящего звена на местах дал возможность внедрить в практику принятые органами центральной власти решения, необходимые для общественного спокойствия.

Революционное движение в Северо-Западном крае после 1907 года испытывало кризис, несмотря на сохранившиеся проявления политического терроризма и бандитизма. Социал-демократические организации были разгромлены полицией и жандармскими органами [Солодков, 1967]. В отдельных городах края военное и чрезвычайное положения были сохранены вплоть до 1909–1910 годов, как и полномочия местных губернаторов по объявлению там чрезвычайного положения². Однако положение пролетариата и крестьянского населения в западных губерниях империи оставалось тяжелым.

Таким образом, в сложившихся условиях были необходимы продолжение борьбы с революционными организациями и пресечение их деятельности, а также принятие комплекса административных и социальных мер в отношении той общественной среды, откуда шло регулярное пополнение новых революционных элементов. Отдельные представители центральной власти хорошо осознавали эти обстоятельства, как например председатель Совета министров Российской империи П. А. Столыпин, произнесший в 1909 году фразу, ставшую афоризмом: «Дайте государству 20 лет покоя, внутреннего и внешнего, и вы не узнаете нынешней России!» Но столько времени дальнейшая история Российской империи, как известно, не предоставила.

²РГИА. Ф. 1276. Оп.10. Д. 125.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ганчар А. И. Римско-католический костел в Беларуси (1864–1905). Гродно: Гродненский государственный аграрный университет, 2008.
2. Линкевич В. Н. Межконфессиональные отношения в Беларуси (1861–1914). Гродно: Гродненский государственный университет, 2008.
3. Курлов П. Г. Гибель императорской России. М.: Современник, 1992.

4. Гайда Ф. А. Белоруссизм в контексте столыпинского национализма // Тетради по консерватизму: Альманах. 2020. № 2. С. 337–340.
5. Липинский Л. П. Столыпинская аграрная реформа в Белоруссии. Минск: Белорусский государственный университет, 1978.
6. Альманах современных русских государственных деятелей. СПб.: Тип. Исидора Гольдберга, 1897.
7. Бич М. О. Рабочее движение в Белоруссии в 1861–1904 гг. Минск: Наука и техника, 1983.
8. Бунд. Документы и материалы. 1894–1921. М.: РОССПЭН, 2010.
9. Крот М. Н. Деятельность фон В. В. Валя на посту главы Виленской губернии в 1901–1902 годах // Научный диалог. 2021. № 10. С. 396–411.
10. Витте С. Ю. Воспоминания: в 3 т. 2-е изд. Л.: Гос. изд-во, 1924. Т. 2.
11. Сталюнас Д. Может ли католик быть русским? О введении русского языка в католическое богослужение в 60-х годах XIX века // Русская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. М.: МГУ, 2005. С. 570–582.
12. Кошель П. История сыска в России: в 2 кн. Минск: Литература, 1996.
13. Обнинский В. П. Полгода русской революции: сборник материалов к истории русской революции (октябрь 1905 – апрель 1906 гг.). Вып. 1. М.: типография И. Н. Холчев и К°, 1906.
14. Киселев А. А. Бомба для генерал-губернатора. Революционный террор и чиновники МВД белорусских губерний в 1905–1907 годах // Беларуская думка. 2008. № 6. С. 48–53.
15. Гейфман А. А. Революционный террор в России, 1894–1917. М.: КРОН-ПРЕСС, 1997.
16. Дрезен А. К. Царизм в борьбе с революцией 1905–1907 гг. / Сборник документов. М.: Соцэкгиз, 1936.
17. Чихачев Д. Н. Вопрос о располнении костела. СПб.: издание Н. Н. Ольшанского, 1913.
18. Агурский С. Х. Революционное движение в Белоруссии (1863–1917). Минск: Белгосиздат, 1928.
19. Западные окраины Российской империи / Л. А. Бережная, О. В. Будницкий, М. Д. Долбилов и др. М.: Новое литературное обозрение, 2006.
20. Солодков Т. Е. Борьба трудящихся Белоруссии против царизма (1907–1914). Минск: Наука и техника, 1967.

REFERENCES

1. Ganchar, A. I. (2008). Rimsko-katolicheskiy kostel v Belarusi (1864–1905) = Roman Catholic Church in Belarus (1864–1905). Grodno: Grodnenskiy gosudarstvennyy agrarny universitet. (In Russ.)
2. Linkevich, V. N. (2008). Mezshkonfessional'nie otnosheniya v Belarusi (1861–1914) = Interfaith relations in Belarus (1861–1914). Grodno: Grodnenskiy gosudarstvennyy universitet. (In Russ.)
3. Kurlov, P. G. (1992). Gibel' Imperatorskoy Rossii = Death of Imperial Russia. Moscow: Contemporary. (In Russ.)
4. Gaida, F. A. (2020). Belarusism in the context of Stolypin nationalism. Notebooks on conservatism: Almanach, 2, 337–340. (In Russ.)
5. Lipinsky, L. P. (1978). Stolypinskaya agrarnaya reforma v Belorussii = Stolypin agrarian reform in Belarus. Minsk: Belorusskiy gosudarstvennyy universitet. (In Russ.)
6. Al'manach sovremennich russkich gosudarstvennich deyatelei (1897) = Almanac of Contemporary Russian Statesmen. St. Petersburg: Type. Isidore Goldberg. (In Russ.)
7. Beach, M. O. (1983). Rabochee dvigenye v Belorussii v 1861–1904 gg. = Labor movement in Belarus in 1861–1904. Minsk: Science and technology. (In Russ.)
8. Bund. Dokumenty i materialy. 1894–1921. (2010) = Bund. Documents and materials. 1894–1921. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
9. Krot, M. N. (2021). Deyatel'nost' fon V.V.Valya na postu glavi Vilenskoi gubernii v 1901–1902 godach = Activity von V. V. Valya as head of the Vilnius province in 1901–1902. Scientific dialogue, 10, 396–411. (In Russ.)
10. Vitte, S. Yu. (1924). Vospominaniya = Memories. (Vol. 2). 2nd ed. Leningrad: State publishing house. (In Russ.)
11. Stalyunas, D. (2005). Mozschet li katolik bit' russkim? O vvedenii russkogo yasika v katolicheskoe ogosluzhchenie v 60-h godach 19 veka = Can a Catholic be Russian? On the introduction of the Russian language into Catholic worship in the 60s of the 19th century. Russian Empire in foreign historiography. Works of recent years (pp. 570–582). Moscow: MGU. (In Russ.)
12. Koschel, P. (1996). Istoriya syska v Rossii = The history of investigation in Russia: in 2 books. Minsk: Literature. (In Russ.)

13. Obninskiy, V. (1906). Polgoda russkoy revolyucii. Sbornik materialov k istorii russkoy revolyucii (oktyabr' 1905 – aprel' 1906) = Six months of the Russian Revolution. Collection of materials on the history of the Russian revolution (October 1905 – April 1906), 1. Moscow: tipografija I. N. Holchev i K°. (In Russ.)
14. Kiselev, A. A. (2008). Bomba dlya general-gubernatora. Revolyucionniy terror i chinovniki MVD belorusskih guberniy v 1905–1907 godah = Bombshell for the Governor General. Revolutionary terror and officials of the Ministry of Internal Affairs of the Belarusian provinces in 1905–1907. Belarusian Duma, 6, 48–53. (In Russ.)
15. Geyfman, A. A. (1997). Revolyucionniy terror v Rossii, 1894–1917 = Revolutionary terror in Russia, 1894–1917. Moscow: CROWN PRESS. (In Russ.)
16. Drezen, A. K. (1936). Zarism v bor'be s revolyuziei 1905–1907 gg. Sbornik dokumentov = Tsarism in the fight against the revolution of 1905–1907. Collection of documents. Moscow: Sotsekgiz. (In Russ.)
17. Chihachev, D. N. (1913). Vopros o raspolyachenii kostela = The question of the spread of the church. St. Petersburg: edition of N. N. Olshanskago. (In Russ.)
18. Agursky, S. Kh. (1928). Revolyucionnoe dvizhenie v Belorussii (1863–1917) = Essays on the history of the revolutionary movement in Belarus (1863–1917). Minsk: Belarusian State Publishing House. (In Russ.)
19. Zapadnie okraini Rossiyskoi imperii (2006) = Western outskirts of the Russian Empire. Moscow: New Literary Review (In Russ.)
20. Solodkov, T. E. (1967). Bor'ba trudyazschihysya Belorussii protiv zarizma (1907–1914) = The struggle of the working people of Belarus against tsarism (1907–1914). Minsk: Science and Technology (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ананьев Сергей Валерьевич

кандидат исторических наук, доцент

старший офицер отдела Главного центра научных исследований

Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ananyev Sergey Valerievich

PhD (History), Associate Prof.

Senior officer of the Department of the Main Center for Scientific Research

Federal Service National Guard of the Russian Federation

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

10.03.2025
10.04.2025
08.10.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Внешнеполитические интересы и ценности Исламской Республики Иран в национальных документах стратегического планирования: ретроспектива и современность

И. Д. Баскаков

*Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, Москва, Россия
ilya_baskakov00@mail.ru*

Аннотация. В статье анализируются основные документы долго- и среднесрочного стратегического планирования, принятые в Исламской Республике Иран, определяющие общие направления и задачи внешней политики данного государства на современном этапе. Цели внешнеполитического курса Ирана и взгляд на мировую политику, излагаемые в документах, изучаются в контексте конкретно-исторических условий разработки и принятия документов. Определяются ключевые внешнеполитические интересы и ценности, постулируемые в документах стратегического планирования Ирана. Выявляется триада документов стратегического планирования Исламской Республики Иран, существовавшая в 2019–2025 годах, включавшая Стратегию 20-летнего развития страны, программное заявление «Второй шаг революции» и план пятилетнего развития. Проводится сравнительный анализ документов триады по вопросам их характера, устанавливаемых задач, региональных приоритетов, ценностных оснований внешнеполитического курса и т. п. Ориентиры, обозначенные в документах, имеют критическое значение как для трактовки внешней политики Ирана в предшествовавшие годы, так и на текущем этапе и в перспективе.

Ключевые слова: Иран, внешняя политика, стратегическое планирование, интересы, ценности, Юго-Западная Азия, экономика, цивилизация

Для цитирования: Баскаков И. Д. Внешнеполитические интересы и ценности Исламской Республики Иран в национальных документах стратегического планирования: ретроспектива и современность // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2025. Вып. 3 (860). С. 56–64.

Original article

Foreign Policy Interests and Values in National Strategic Documents of the Islamic Republic of Iran: Retrospective Review and Current State

Ilya D. Baskakov

*Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ilya_baskakov00@mail.ru*

Abstract. The research is aimed at analyzing the main documents of long- and medium-term strategic planning adopted in the Islamic Republic of Iran and setting the general directions and objectives of the foreign policy of this state at the present stage. The goals of Iran's foreign policy course and its view of world politics, as set forth in the documents, are studied in the context of specific historical conditions of the documents' formulation and adoption. The key foreign policy interests and values denoted in Iran's strategic planning documents are identified. The triad of strategic planning documents of the Islamic Republic of Iran that existed in 2019–2025 is identified, which

included the Twenty-Year Development Strategy of the country, the “Second Step of the Revolution” policy statement, and the Five-Year Development Plan. A comparative analysis of the documents of the triad is carried out in terms of their nature, tasks set, regional priorities, value foundations of the foreign policy course, etc. The benchmarks outlined in the documents play a role both for the interpretation of Iran’s foreign policy in the previous years and at the current stage and in the future.

Keywords: Iran, foreign policy, strategic planning, interests, values, Southwest Asia, economy, civilization

For citation: Baskakov, I. D. (2025). Foreign Policy Interests and Values in National Strategic Documents of the Islamic Republic of Iran: Retrospective Review and Current State. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences*, 3(860), 56–64. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Внешнеполитический процесс любого государства реализуется в условиях перманентных изменений как внутри политической системы данного субъекта, так и в окружающей его международной среде. Происходит смена лиц, занимающих руководящие посты, а вместе с ними и постулируемых образов желаемого будущего и путей его достижения, меняется законодательная база, ожидания электората. Вместе с тем происходит изменение международной обстановки на региональном и глобальном уровнях, устанавливаются новые политико-экономические константы развития. Для того чтобы государство могло успешно выдерживать испытания внутренних и внешних перманентных изменений, государственный аппарат должен быть способен фокусировать внимание на определенных целях развития, одновременно обеспечивая адаптивность всей системы государственных институтов. Стратегическое планирование является тем инструментом, с помощью которого государство способно вырабатывать общую картину собственного восприятия, образа желаемого будущего и путей его достижения.

Современная система внешнеполитического планирования Исламской Республики Иран (ИРИ) была оформлена в 1989 году после прихода к власти нового духовного лидера страны Али Хаменеи и принятия поправок к конституции [Краснов, 2012]. Эти процессы подвели черту под ранним постреволюционным этапом иранской внешней политики, связанным с «исламским интернационализмом» и активной исламизацией [Юртаев, 2018]. Несмотря на то, что внешнеполитический процесс в Иране во многом цементируется формальным верховенством духовного лидера при принятии решений, на выработку образа желаемого будущего значительное влияние оказывают самые разнообразные игроки. После транзита власти от Р. Хомейни к А. Хаменеи более заметную роль в выражении предпочтительных путей развития государства стал играть президент. После 1989 года лиц, занимавших пост президента

Ирана, можно условно отнести к представителям реформаторского, а также умеренного толка, с одной стороны, А. А. Хашеми-Рафсанджани, М. Хатами, Х. Роухани, М. Пезешкиан, или принципалистского, с другой – М. Ахмадинежад, Э. Раиси. Даже в условиях разделения всеми системными политиками общей идеологии и фундаментального направления курса Исламской Республики можно отметить определенные дрейфы во внешней политике Тегерана, что возвращает нас к важности фактора стратегического планирования.

Сравнительный анализ документов стратегического планирования в их историческом развитии позволяет выявить коренные черты, присущие стратегической культуре различных государств. Так, например, отмечается, что Стратегии национальной безопасности США, претерпевая эволюцию по отдельным направлениям, сохраняют фундаментальную приверженность духу *Rex Americana* [Каширина, 2023]. Кроме того, документы стратегического планирования, подлежащие официальной публикации, важны с точки зрения репрезентации внешнеполитического образа страны для мировой общественности. В случае КНР, например, этому образу свойственны стремление к глобальному лидерству, а процветание Китая в документах связывается с благополучием всего мира [Кожухова, 2023]. Таким образом, анализ документов стратегического планирования Ирана важен с точки зрения выявления различных аспектов внешнеполитического целеполагания и позиционирования ИРИ.

СТРАТЕГИЯ ДВАДЦАТИЛЕТНЕГО РАЗВИТИЯ ИРАНА ДО 2025 ГОДА

Первым многоотраслевым документом долгосрочного стратегического планирования, принятым в Иране в XXI веке, стала Стратегия 20-летнего развития Ирана до 2025 года¹ (далее Стратегия; *перс.*

¹Санад-е чешмандаз-е Джомхури-йе Эслами-йе Иран дар офог-е 1404 = Видение Исламской Республики Иран на перспективу 2025 года. URL: <https://farsi.khamenei.ir/message-content?id=9034> (дата обращения: 07.06.2025).

санад-э чешмандаз-э Джомхури-йе Эслами-йе Иран дар офог-э 1404). Документ принят в ноябре 2003 года. Стратегия принималась в условиях краха политики относительной либерализации страны, проводимой на рубеже веков при президенте М. Хатами. Либерализация была направлена на полноценную интеграцию Ирана в глобальные финансово-экономические процессы и на снижение военно-политической напряженности в отношениях между Ираном и западными странами во главе с США.

В то время как экономическая сторона проекта М. Хатами возымела успех, что выражалось в интенсивном притоке иностранных инвестиций в Иран [Мамедова, 2016, с. 202], на политическом фронте обозначилось усугубление обстановки вокруг государства. В октябре 2001 года США и их союзники начали военную операцию в Афганистане. В январе 2002 года президент США Дж. Буш-мл. наряду с Ираком и КНДР причислил Иран к так называемой оси зла¹. В марте 2003 года США и их союзники вторглись в Ирак с целью свержения режима С. Хусейна. Несмотря на непростые отношения с талибами и с Хусейном, расширение военного присутствия внерегиональных сил в двух пограничных с Ираном странах оказало влияние на стратегическое мышление иранских элит. Рост присутствия недружественных западных акторов по периметру обозначал потребность в более развитой системе сложенной защиты государства.

Кардинально меняющаяся региональная и международная ситуация послужила фоном для разработки и принятия Стратегии – документа, который часто именуется в официальных выступлениях руководства страны и в СМИ как «Чешмандаз» [Полищук, 2007]. Данный документ принимался в период второго срока президента М. Хатами, однако датой отсчета начала его реализации стал 2005 год. Поэтому он скорее отразил задачи, стоящие перед последующими президентскими администрациями. Важнейшая задача, поставленная перед руководством Ирана, – достижение статуса развитой страны, занимающей первое место в сферах экономики, науки и технологий в регионе. Другими словами, приоритетом для национального развития определялся именно научно-технический прогресс. Регионом, в котором должен лидировать Иран в данных областях, указана Юго-Западная Азия (включающая Центральную Азию, Закавказье, Ближний Восток и пограничные страны), т. е. данный макрорегион мыслился для иранского руководства как целостный

конструкт, где должны быть сосредоточены иранские интересы.

Безопасность страны, согласно Стратегии, должна была обеспечивать «защитная система, основанная на всеобъемлющем сдерживании, и единство народа и правительства». В международных отношениях Иран должен ориентироваться на «конструктивное и эффективное взаимодействие с миром на основе принципов чести, мудрости и целесообразности». Отдельно отмечается панисламское измерение внешней политики Ирана, констатируется, что ИРИ должна быть «вдохновляющей, активной и успешной в исламском мире», играть роль в «общеисламском и региональном сближении».

Ценностной основой для развития Ирана в течение следующих 20 лет выступали моральные принципы и синтез «исламских, национальных и революционных ценностей». Достаточно важным представляется обратить внимание на упоминание ценностей «религиозной демократии, социальной справедливости, дозволенных шариатом свобод, защиты чести и прав человека». В тексте дважды упоминается идеологема «религиозной демократии», являющаяся одной из центральных в концептуальном осмыслении политического развития Исламской Республики Иран; данную концепцию активно развивает духовный лидер страны А. Хаме-неи², особый акцент на нее в период своего президентства делал и М. Хатами³. Упомянув вклад Ирана в дело консолидации исламского мира, ценностной основой роли ИРИ в этом процессе, согласно Стратегии, должны быть «исламские учения и взгляды имама Хомейни».

Стоит отметить, что, несмотря на эскалацию военно-политической напряженности на Ближнем Востоке (в частности, в Афганистане и Ираке), которая предшествовала принятию Стратегии, в документе не акцентировалось внимание на каком-либо «конституирующем другом», будь то США или Израиль.

ВТОРОЙ ШАГ РЕВОЛЮЦИИ

Следующий долгосрочный документ стратегического планирования датируется 2019 годом. В период между 2003 и 2019 годами значительно изменилась международная и региональная обстановка, а также статус самого Ирана. Военно-политическое присутствие враждебных Ирану внерегиональных сил сохранялось и набирало обороты, к театрам

¹Text of President Bush's 2002 State of the Union Address. URL: <https://www.washingtonpost.com/wp-srv/onpolitics/transcripts/sou012902.htm> (дата обращения: 07.06.2025).

²Religious Democracy: An Introduction.

URL: <https://english.khamenei.ir/news/7930/Religious-Democracy-An-Introduction> (дата обращения: 07.06.2025).

³Khatami: The Reformist (1997–2005). URL: <https://iranwire.com/en/features/64584/> (дата обращения: 07.06.2025).

военных действий в Ираке и Афганистане добавились события в Сирии. Одновременно с этим Ирану удалось укрепить собственный потенциал посредством расширения числа его прокси-сил, в частности Ирану удалось извлечь значимые дивиденды на иракском направлении. Политический ландшафт Ближнего Востока подвергся трансформации в результате «арабской весны», истолкованной в период ее разворачивания руководством ИРИ через оригинальную концепцию «исламского пробуждения» в рамках общей идейно-ценностной парадигмы государства [Баранов, 2014]. Надежды Ирана на благоприятный ход процессов «арабской весны» в регионе наиболее сильно были подорваны после событий в Сирии, где угроза падения союзного правительства требовала от Тегерана концентрации значительных усилий. В это же время усугублялась конфронтация Ирана с Израилем, включавшая все новые сферы противоборства.

Непосредственно перед принятием нового документа иранские элиты оказались под давлением как внутренних, так и внешних факторов. Основной внешний фактор, ударивший по стабильности Ирана, был связан с приходом к власти в США Д. Трампа, который перешел к политике «максимального давления» на Тегеран, вышел в 2018 году из «ядерной сделки», фактически развязал экономическую войну против Ирана. Надежды руководства Ирана на то, что другая составляющая Запада – Европа – сможет предложить новые эффективные форматы взаимодействия в изменившихся условиях, не оправдались, и элита ИРИ увидела в этом зависимость европейских стран как игроков на мировой арене [Мамедова, 2021]. Это обозначало обновления в стратегическом мышлении властей Ирана в виде необходимости концентрации внешнеполитических усилий Ирана на западном треке.

Изнутри исламский режим в 2018–2019 годах «подтачивали» протестные акции и выступления, вызванные ухудшением социально-экономической ситуации в стране и ошибками в управлении. В глазах общественности ослабили позиции либеральных сил, зато окрепла консервативная часть истеблишмента. В условиях нарастания внешних вызовов «консервативный лагерь открыто призывал к выходу из СВПД, даже поднимал вопрос о возможном прекращении участия ИРИ в ДНЯО, призывал к расширению атомной и ракетной программ, к укреплению позиций Ирана в регионе» [Дунаева, Сажин, 2020, с. 16–17].

На фоне кризисной атмосферы в стране в феврале 2019 года, к сорокалетию юбилею Исламской революции 1979 года, духовный лидер Ирана А. Хаменеи выступил с программным заявлением

«Второй шаг революции» (*перс.* Гам-э довом-э энге-лаб)¹. А. Хаменеи определил 2019 год как поворотный в развитии государства, которое должно было перейти ко второму этапу осуществления идей революции. «Второй шаг революции» определяет ориентиры для политики Ирана на ближайшие 40 лет. Основным адресатом программного заявления стала иранская молодежь, которой в перспективе суждено реализовывать курс страны.

В отличие от Стратегии 20-летнего развития Ирана до 2025 года, «Второй шаг революции» уделяет основное внимание ценностям, фактически не освещая интересы Ирана. Второй этап развития Ирана включает три комплексные задачи – «само-совершенствование, общественный прогресс и цивилизационное строительство». Самосовершенствование и курс на обеспечение общественного прогресса являются логичным следствием революционной природы иранской государственности. Под задачей цивилизационного строительства понимается движение к созданию «новой исламской цивилизации». При этом с учетом того, что руководство Ирана рассматривает научные, культурные, политические и другие достижения ИРИ как базис для формирования «новой исламской цивилизации» [Хоррамшад, 2013], Иран одновременно реализует два взаимосвязанных цивилизационных проекта. Первый подразумевает укрепление основ ирано-исламской цивилизации, второй – курс на сплочение исламской уммы под эгидой Ирана на пути к созданию «новой исламской цивилизации». Иран, являясь, как полагают российские исследователи, государством-цивилизацией [Наумкин, 2020], одновременно акцентирует внимание на своем богатом культурно-историческом наследии и обозначает значимость своего политического курса для будущего в мировом масштабе. Происходит увязка курса на национальное развитие и амбиций Ирана, на обладание глобальной ролью на международной арене.

Говоря о документах стратегического планирования Ирана и траекториях национального развития, следует отметить документ под названием «Ирано-исламская модель прогресса». Проект данного документа в 2018 году был представлен духовным лидером ИРИ руководящим лицам и научным подразделениям для ознакомления, доработки и его принятия в течение двух лет. Однако судьба документа остается неопределенной: процесс принятия последней редакции значительно

¹Байанийе-йе «Гам-е довом-е энге-лаб» хетаб бе мелат-е Иран = Программное заявление «Второй шаг революции», обращенное к народу Ирана. URL: <https://farsi.khamenei.ir/message-content?id=41673> (дата обращения: 07.06.2025).

затянулся¹, разработка его окончательной версии заморожена либо засекречена².

Возвращаясь к тексту заявления «Второй шаг революции», следует отметить, что в нем также упоминается «новая бинарная оппозиция “ислама и империализма”» как ключевое явление современного мира. Традиционно присутствует обращение к ценностям революции, духовности, нравственности, справедливости и борьбы с пороками. Основой для достижения амбициозных задач, согласно «Второму шагу революции», должны стать успешное развитие демократии в Иране, прогресс в науке и экономике. Касаясь экономики, отметим, что в тексте упоминаются принципы «мы можем» и реализация проекта «экономики сопротивления». К особенностям желательной экономики можно также отнести такие характеристики, как независимость от экспорта нефти и опора на экономику знаний.

В тексте вновь присутствует обращение к принципу «чести, мудрости и целесообразности». Из них в преломлении к международным отношениям вытекает идея акцентирования на защите чести нации, развитии международных связей, установлении «красных линий» в отношениях с врагом. Указывается, что на современном этапе на мировой арене наблюдается ряд важных явлений: «новая волна движения “исламского пробуждения” на основе модели сопротивления гегемонии» США и Израиля, крах политики США в регионе Западной Азии, поражение американских союзников в регионе, расширение политического присутствия Исламской Республики Иран в Западной Азии и его отражение «на всей мировой гегемонии».

Апеллирование к образам США и Израиля как «конституирующих других» традиционно для современной иранской внешней политики. Как отмечает В. И. Сажин, «после создания ИРИ на основе учения Хомейни была разработана военно-политическая доктрина Ирана, которая отвечает конституционно закреплённой главной цели политики клерикального руководства страны – объединению исламского мира по иранскому образцу, созданию под эгидой Ирана “мировой исламской общины – уммы”. В ней враги определены четко: США и Израиль» [Сажин, 2023, с. 153]. В документе руководство Ирана термин «Ближний Восток» заменяет термином «Западная Азия». Политическая элита Ирана подчеркивает,

что понятие «Ближний Восток» имеет европоцентричный подтекст, которого нет в понятии «Западная Азия», поэтому последнее и является предпочтительным [Баранов, 2014].

СЕДЬМОЙ ПЯТИЛЕТНИЙ ПЛАН НАЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Седьмой пятилетний план национального развития (*перс.* Барнамэ-йе панджсалэ-йе хафтом-э пишрафт)³ – еще один документ стратегического планирования, своим характером отличается от Стратегии 20-летнего развития Ирана до 2025 года и программного заявления «Второй шаг революции». Во-первых, что следует из названия, пятилетний план развития – документ среднесрочного стратегического планирования, имеющий регулярный характер. Наиболее актуальный Седьмой пятилетний план датируется 2023 годом, до этого пятилетние планы выпускались в 2017 (шестой), 2011 (пятый), 2005 (четвертый), 2000 (третий), 1995 (второй), 1989 (первый) годах. Во-вторых, пятилетний план развития имеет куда больший объем, чем Стратегия 20-летнего развития и «Второй шаг революции», освещает более значительный объем конкретных аспектов иранской внешней политики.

Ключевыми задачами внешней политики ИРИ, согласно Седьмому пятилетнему плану, являются реализация экономикоцентричного подхода к внешней политике и развитие отношений с дружественными региональными и глобальными странами (ст. 245). В документе постулируется готовность Ирана продолжать борьбу с империализмом и Израилем, защищать обездоленных и Палестину. Отмечается курс Ирана на усиление «оси сопротивления», поддержку панисламских процессов в мире.

Во внешней политике акцентируется внимание на развитие отношений со странами региона, соседними государствами и «новыми державами» (*перс.* годратха-йе ноузохур). Вероятно речь идет о комплексной Юго-Западной Азии (с учетом ст. 72). В тексте подчеркивается важность экономического фактора во внешней политике, отмечается направленность на укрепление потенциала национальной экономической дипломатии, на развитие экономики знаний. Обращается внимание на региональный аспект экономической активности Тегерана, который сосредоточен на странах-соседах, азиатских, африканских, латиноамериканских государствах, а также на «новых державах»

¹Сарневешт-э нама'лум-э Олгу-йе ислами-ирани-йе пишрафт = Неопределенная судьба Ирано-исламской модели прогресса. URL: <https://www.sharghdaily.com/يادداشت-65/888429-معلوم-سر-نوشت-پيشرفت-ایرانی-اسلامی-الگوی-نا> (дата обращения: 07.06.2025).

²В этой связи автор полагает, что данный документ было бы некорректно рассматривать наравне с прочими документами стратегического планирования, представленными в исследовании, и чьи финальные версии опубликованы. Автор считает, что данный документ может быть рассмотрен отдельно в рамках другой статьи.

³Ганун-е барнамэ-йе панджчалэ-йе хафтом-э пишрафт-е Джомхури-йе Эслами-йе Иран (1403–1407) = Закон о Седьмом пятилетнем плане прогресса Исламской Республики Иран (2023–2028). URL: <https://rc.majlis.ir/fa/law/show/1809128> (дата обращения: 07.06.2025).

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ В ДОКУМЕНТАХ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ИРАН¹

Название документа	Стратегия 20-летнего развития Ирана до 2025 года (2003)	Программное заявление «Второй шаг революции» (2019)	Седьмой пятилетний план национального развития (2023)
Характер документа	Долгосрочный (20 лет), нерегулярный	Долгосрочный (40 лет), нерегулярный	Среднесрочный (5 лет), регулярный
Основная задача	Достижение статуса развитой страны, занимающей первое место в сферах экономики, науки и технологий в регионе	Самосовершенствование, общественный прогресс, цивилизационное строительство	Комплексное развитие страны по ряду направлений, включая социально-экономическую, культурную, информационную, научную сферы, области национальной безопасности и внешней политики
Основная внешнеполитическая задача	Конструктивное и эффективное взаимодействие с миром	[Отстаивание] чести нации, [развитие] международных связей, [защита] красных линий в отношениях с врагом (перс. эззат-э мелли, равабет-е хареджи, марзбанди ба дошман)	Экономикоцентричный подход к внешней политике. Развитие отношений с дружественными странами на региональном и глобальном уровнях.
Трактовка приоритетного региона	Юго-Западная Азия	Западная Азия	Юго-Западная Азия
Соотношение интересов и ценностей (в тексте)	Относительное превалирование ценностей над интересами	Абсолютное превалирование ценностей над интересами	Превалирование интересов над ценностями
Упоминание триединого принципа – честь, мудрость – и целесообразность»	Присутствует	Присутствует	Отсутствует
«Конституирующий Другой» среди государств в тексте	Отсутствует	США Израиль	Израиль

¹Источник: составлено автором на основе обозначенных документов.

и международных организациях, включая ШОС. Такая расстановка региональных приоритетов логична, учитывая сделанную кабинетом Э. Раиси ставку на отношения с соседями и основными центрами силы в Азии в многополярном мире.

Ирану также отводится задача участия в решении глобальных проблем, включая проблематику прав человека, разоружения, защиты окружающей среды, поддержку развития мирных ядерных программ, снятия «незаконных санкций», урегулирования региональных кризисов и конфликтов, борьбы с экстремизмом, терроризмом. Отмечается необходимость популяризации Исламской революции среди угнетенных мира.

В тексте Седьмого пятилетнего плана развития также указана потребность в защите прав и идентичности иранцев за рубежом, привлечение их к участию в развитии государства. Отдельный

пункт рассматривает необходимость использования традиционных и новых инструментов дипломатии, а также СМИ для осведомления мирового сообщества о взглядах и достижениях Ирана. Текст документа апеллирует к ценностям панисламизма, указывает на поддержку процессов сближения конфессий и мазхабов, противостояние заговорам врагов исламского мира.

Статьи 246–250 посвящены более частным аспектам внешнеполитической деятельности Ирана, включая использование экономической дипломатии, развитие логистических связей, научно-технического, энергетического сотрудничества и т. д., а также роли различных государственных учреждений в данных вопросах.

Сравнительный анализ внешнеполитических аспектов в документах стратегического

планирования Исламской Республики Иран приводится в таблице.

В Иране стратегии общей политики¹ создаются и принимаются по решению духовного лидера. Содержание стратегий разрабатывает Ассамблея по определению государственной целесообразности, которая затем передает документ духовному лидеру для утверждения, перед которым он также может внести в стратегию доработки. Как указывает С.Е. Вылцан, «нормы принятых стратегий в целом носят неконкретный характер», документы могут быть содержать в себе как абстрактные цели, так и конкретные задачи [Вылцан, 2024, с. 47]. Во внешней политике речь обычно идет об абстрактных целях. По иерархии правовых документов в Иране стратегии находятся выше законов, принимаемых парламентом. За реализацией стратегий ведется надзор, однако юридическая ответственность за неисполнение отсутствует, и, как полагается, ее заменяет политическая ответственность (к примеру, смена лица, занимающего определенный высший должностной пост). Говоря отдельно о пятилетних планах развития, первые два из них были директивными, однако последующие уже «имели полудирективный и / или индикативный характер и не были реализованы полностью» [Богачева, 2024, с. 41].

Можно констатировать, что три рассмотренные документа стратегического планирования образуют каркас иранской внешней политики. Стратегия 20-летнего развития Ирана до 2025 года указывает долгосрочные интересы Тегерана, программное заявление «Второй шаг революции» дополняет его ценностной оболочкой. Седьмой пятилетний план национального развития, в свою очередь, основываясь на первых двух долгосрочных документах, описывает более обозримые среднесрочные ориентиры Ирана во внешней политике. При этом в силу общей направленности внешнеполитического процесса в Иране идеологизированность свойственна всем трем документам.

«Второй шаг революции» и Седьмой пятилетний план национального развития используют образы США и Израиля как «конституирующих других», вокруг противостояния с которыми происходит развитие иранской внешней политики. При этом для Ирана Израиль есть производное американской внешней политики на Ближнем Востоке, ее инструмент, что увязывает оба государства в единый образ.

Важным вопросом является связка между понятиями социально-экономического развития и обеспечения безопасности страны в документах

стратегического планирования. В России, к примеру, эта взаимосвязь постулируется в Стратегии национальной безопасности 2021 года, однако отмечается потребность в разработке отдельного документа, увязывающего оба концепта [Белозёров, 2021]. Следует отметить, что два наиболее долгосрочных документа стратегического планирования внешней политики Ирана в своих оригинальных наименованиях отходят от деления на концепты «развития» и «безопасности». «Видение Исламской Республики Иран на перспективу 2025 года»² и «Второй шаг революции» в своих названиях делают акцент на картине отдаленного будущего, места Ирана и идеалов Исламской революции в ней.

В своем предисловии Седьмой пятилетний план, вышедший в 2023 году, ссылается на Стратегию 20-летнего развития до 2025 года и на «Второй шаг революции» – три документа образовали своеобразную «триаду», определяющую контуры стратегического планирования иранской внешней политики. Эта триада полноценно действовала с 2019 по 2025 год, от момента объявления «Второго шага революции» и вплоть до окончания сроков планирования 20-летней Стратегии, т. е. до 2028 года.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С учетом взаимодополняющего характера документов и их связанности, можно говорить о новом рубеже стратегического планирования внешней политики в Иране. Вместе с тем окончание сроков действия Стратегии 20-летнего развития указывает на вероятную реконфигурацию системы стратегического планирования внешней политики.

Важным представляется и присутствующий в документах акцент на двух международных регионах – Западной и Юго-Западной Азии. Западная Азия выступает как синоним для региона Ближнего Востока. В свою очередь, Юго-Западная Азия, чьи границы обозначены в Стратегии 20-летнего развития Ирана до 2025 года, можно рассматривать как мегарегион, включающий и Ближний Восток (Западную Азию). Таким образом, Западная и Юго-Западная Азия – двухуровневая конструкция в иранском внешнеполитическом целеполагании, где сосредоточены основные стратегические интересы государства. Из наименования данных регионов иранским руководством следует, что ИРИ рассматривается в первую очередь как государство «широкой» Азии, с подъемом которой связывают будущее политики и экономики в XXI веке.

¹К их числу относятся рассмотренные выше «Стратегия 20-летнего развития» и «Седьмой пятилетний план».

²Дословный перевод Стратегии 20-летнего развития.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Краснов К. Процесс принятия внешнеполитических решений в Исламской Республике Иран // Россия и мусульманский мир. 2012. № 5. С. 146–152.
2. Юртаев В. И. Исламизация как фактор внешней политики Ирана. М.: Аспект Пресс, 2018.
3. Каширина Т. В. Стратегии национальной безопасности США об отношениях с Россией (1994–2022) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2023. № 4 (853). С. 71–79.
4. Кожухова К. Е. Репрезентация внешнеполитического образа страны в доктринальных документах Китайской Народной Республики (на примере Белых книг) // Власть. 2023. Т. 31. № 4. С. 185–196.
5. Мамедова Н. М. Экономическое развитие Ирана во втором десятилетии XXI века: основные тенденции и перспективы // Иран во втором десятилетии XXI века: вызовы и перспективы. М.: Институт востоковедения РАН, 2016. С. 201–215.
6. Полищук А. И. О «Перспективах развития ИРИ до 2025 г.» и «Общих направлениях политики 4-го пятилетнего плана социально-экономического и культурного развития ИРИ» // Роль и место Ирана в регионе. М.: Институт востоковедения РАН, 2007. С. 178–189.
7. Баранов А. В. Концепция «исламского пробуждения» аятоллы Али Хаменеи // История и историческая память. 2014. Вып. 9. С. 190–204.
8. Мамедова Н. М. Иран в условиях американских санкций и коронавируса // Свободная мысль. 2021. № 2 (1686). С. 185–198.
9. Дунаева Е. В., Сажин В. И. Исламская республика Иран в условиях новых вызовов // Азия и Африка сегодня. 2020. № 5. С. 12–20.
10. Хоррамшад М. Б. Исламская революция, исламское пробуждение и новая исламская цивилизация // Культурная стратегия. 2013. Т. 6. № 23. С. 127–154. (Перс.)
11. Наумкин В. В. Модель не-Запада: существует ли государство-цивилизация? // Полис. Политические исследования. 2020. № 4. С. 78–93.
12. Сажин В. И. Теория, политика и практика иранского антисионизма // Восточная аналитика. 2023. Т. 14. № 3. С. 147–158.
13. Вылцан С. Е. Правовое регулирование стратегического планирования в Исламской Республике Иран // Государственная власть и местное самоуправление. 2024. № 2. С. 46–49.
14. Богачева А. С. Иранская модель развития: концепция государства и общества, кризисы и проблемы // Мировая экономика и международные отношения. 2024. № 2. С. 39–50.
15. Белозёров В. К. Новая Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: от обретения смысла к реализации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2021. № 2 (843). С. 20–35.

REFERENCES

1. Krasnov, K. (2012). The process of making foreign policy decisions in the Islamic Republic of Iran. Russia and the Muslim World, 5, 146–152. (In Russ.)
2. Yurtaev, V. I. (2018). Islamizaciia kak faktor vneshnej politiki Irana = Islamization as a factor in Iran's foreign policy. Moscow: Aspect Press. (In Russ.)
3. Kashirina, T. V. (2023) US National Security Strategies on Relations with Russia (1994–2022). Vestnik of the Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 4(853), 71–79.
4. Kozhukhova, K. E. (2023). Representation of the country's foreign policy image in the doctrinal documents of the People's Republic of China (using the example of the White books). Power, 4, 185–196. (In Russ.)
5. Mamedova, N. M. (2016). Economicheskoe razvitie Irana vo vtorom desyatiletii XXI veka: osnovnye tendentsii i perspektivy = Economic development of Iran in the second decade of the 21st century: Main trends and prospects. In Iran vo vtorom desyatiletii XXI veka: vyzovy i perspektivy = Iran in the second decade of the 21st century: Challenges and prospects, 201–215. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.)
6. Polishchuk, A. I. (2007). O "Perspektivah razvitiya IRI do 2025 g." i "Obshchih napravleniyah politiki 4-go pyatiletnego plana social'no-ekonomicheskogo i kul'turnogo razvitiya IRI" = About "Prospects for the development of Iran until 2025" and "General policy directions of the 4th five-year plan for socio-economic and cultural development

- of Iran". In Rol' i mesto Irana v regione = Role and place of Iran in the region, 178–189. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.)
7. Baranov, A. V. (2014). The concept of "Islamic awakening" of Ayatollah Ali Khamenei. History and Historical Memory, 9, 190–204. (In Russ.)
 8. Mamedova, N. M. (2021). Iran under American sanctions and coronavirus. Free Thought, 2, 185–198. (In Russ.)
 9. Dunayeva, E. V., Sazhin, V. I. (2020). The Islamic Republic of Iran in the face of new challenges. Asia and Africa Today, 5, 12–20. (In Russ.)
 10. Khorramshad, M. B. (2013). Islamic Revolution, Islamic Awakening and Modern Islamic Civilization. Culture Strategy, 6(23), 127–154. (Persian)
 11. Naumkin, V. V. (2020). The non-West model: Does a civilization-state exist? Polis. Political Studies, 4, 78–93. (In Russ.)
 12. Sazhin, V. I. (2023). Theory, policy, and practice of Iranian anti-Zionism. Eastern Analytics, 14(3), 147–158. (In Russ.)
 13. Vyltsan, S. E. (2024). The legal regulation of Strategic planning in the Islamic Republic of Iran. State power and local self-government, 2, 46–49. (In Russ.)
 14. Bogacheva, A. S. (2024). Iranian development model: state and society concept, crises and problems. World economy and international relations, 2, 39–50. (In Russ.)
 15. Belozero, V. K. (2021). The new National Security Strategy of the Russian Federation: from gaining meanings to implementation. Vestnik of the Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 2(843), 20–35. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Баскаков Илья Дмитриевич

младший научный сотрудник

отдела Ближнего и Постсоветского Востока

Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Baskakov Ilya Dmitrievich

Junior research fellow

Department of the Middle and Post-Soviet East

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

05.07.2025
26.07.2025
08.10.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Матвей Казаков: архитектор и власть

В. Н. Горлов

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
gorlov812@mail.ru

Аннотация. Целью публикации является анализ политических событий, повлиявших на творческие замыслы выдающегося архитектора Матвея Федоровича Казакова, а также причин вмешательства государственных деятелей в архитектурный процесс. Анализируется значимость реального вклада М. Ф. Казакова в развитие русского зодчества. Методологической основой исследования является комплекс общенаучных и специальных исторических методов. Исследование выполнено на основе проблемно-исторического анализа с учетом социальных условий того времени. Творчество М. Ф. Казакова явилось одним из самых ранних и самых ярких образцов соединения лучших черт европейской и русской архитектуры. Оно непосредственно связано с социально-историческими процессами, происходившими в России XVIII столетия, и рассматривается в переломный период отечественной истории. Исследуются сложные жизненные перипетии его судьбы, результаты его творчества, в которых отражены ключевые проблемы русской культуры XVIII столетия. Рассматриваются взаимоотношения М. Ф. Казакова с другим выдающимся русским архитектором Василием Ивановичем Баженовым.

Ключевые слова: русская архитектура, экспедиция Кремлевского строения, Петровский замок, Царицыно, Екатерина II, Сенат

Для цитирования: Горлов В.Н. Матвей Казаков: архитектор и власть // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2025. Вып. 3 (860). С. 65–72.

Original article

Matvey Kazakov: Architect and Power

Vladimir N. Gorlov

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
gorlov812@mail.ru

Abstract. The purpose of the publication is to analyze the political events that influenced the architectural plans of the outstanding architect Matvey Fedorovich Kazakov, the reasons for the intervention of statesmen in the architectural process. The significance of the real contribution of M. F. Kazakov to the development of Russian architecture is analyzed. The methodological basis of the study is a set of general scientific and special historical methods. The study is based on a problem-historical analysis, taking into account the social conditions of that time. The work of M. F. Kazakov was one of the earliest and most striking examples of combining the best features of European and Russian architecture, is directly related to the socio-historical processes that took place in Russia in the 18th century, and is considered a turning point in Russian history. The complex vicissitudes of his life, the results of his work, which reflect the key problems of Russian culture of the 18th century, are studied. The relationship with another outstanding Russian architect Vasily Ivanovich Bazhenov is considered.

Keywords: Russian architecture, Kremlin building expedition, Petrovsky Castle, Tsaritsyno, Catherine II, Senate

For citation: Gorlov, V. N. (2025). Matvey Kazakov: architect and power. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 3(860), 65–72. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Начало XVIII века представляло собой яркую границу в развитии русской культуры и архитектуры. Русское средневековое строительство было основано на следовании древним византийским традициям, согласно которым застройка возникала из независимо располагавшихся сооружений, свободных по композиции и планировке помещений.

Развитие русской культуры к началу XVIII века предопределило активизацию стремления к урегулированию архитектурно-строительных конгломератов, приданию им более репрезентативного облика и увеличению их сознательной роли в организации и оформлении заселенных территорий. Несмотря на резкое сокращение строительства в Москве в первой половине XVIII века после переноса столицы в Петербург, эта тенденция получила воплощение в развитии архитектурного облика древней столицы. Правительство придавало облику Москвы важное значение: здесь проводились празднования в честь важнейших событий в жизни страны, коронационные торжества, триумфы в честь военных побед и т. п. Проявлением этого внимания стало учреждение Петром I при Московской городской полицмейстерской канцелярии должности городского архитектора и его команды, которым были предоставлены широкие полномочия по контролю над ведением застройки древней столицы.

В середине XVIII века во время царствования Елизаветы Петровны архитектурный облик Москвы определял получивший в 1745 году должность архитектора городской полицмейстерской канцелярии князь Д. В. Ухтомский. Он одним из первых в русской культуре обратился к созданию крупных градостроительных комплексов, построение которых меняло бы облик значительных районов города и пластико-пространственное развитие их застройки. Основной деятельностью Д. В. Ухтомского стало руководство ведением рядовой застройки Москвы и подготовка архитектурно-строительных кадров в созданной им при архитектурной команде школе [Мурзин-Гундоров, 2012].

КАЗАКОВ И ЗАСТРОЙКА ТВЕРИ

В 1751 году в школу Д. В. Ухтомского поступил 13-летний сын недавно умершего чертежника Главного комиссариата Федора Казакова Матвей. Мальчик уже, по-видимому, знал основы грамоты и счета и, может быть, проявил художественные способности, иначе он вряд ли попал бы в это высококвалифицированное заведение. В конце 1750-х годов Матвей Казаков выдвинулся в число

ближайших помощников Д. В. Ухтомского в команде и стал его ассистентом в архитектурной школе – ему было поручено преподавание рисунка младшим ученикам [Матвей Казаков допожарная Москва, 2019].

С начала 1760-х годов, после ухода в отставку Д. В. Ухтомского и перехода руководства командой к Р. Р. Никитину, М. Ф. Казаков в качестве его основного помощника принял участие в восстановлении Твери после пожара 1763 года. Восстановление Твери совпало с важными изменениями в развитии русской культуры XVIII века. На смену яркому и контрастному, пышному и причудливому, патетичному и открытому различным влияниям искусству барокко середины XVIII века эпохи Елизаветы Петровны в 1760-е годы в русское искусство пришел монументальный и величественный, строгий и торжественный просветительский классицизм.

Застройка Твери после пожара 1763 года должна была воплощать представления просветительского классицизма об идеальной организации городского ансамбля, складывающегося из сооружений и пространственных зон, построение которых должно было основываться на использовании правильных геометрических форм. Ансамбль центра Твери и сегодня производит впечатление созданного в XVIII веке самостоятельного мира.

У современников восстановления Твери после пожара 1763 года новые ансамбли центра города вызвали бурные восторги. Но в таком чистом виде, как в Твери, просветительно-классицистические принципы идеальной организации городской структуры не были воплощены более нигде.

Для участников восстановления Твери наибольшее значение имело то, что новая застройка центра города вызвала восхищение императрицы Екатерины II, называвшей Тверь «самым красивым городом империи после Петербурга», «моей игрушкой-красавицей». В 1767 году в Москве проходила работа Комиссии по составлению нового Уложения – высшего законодательного документа Российской империи, которую возглавила сама императрица, совершившая для этого поездку из Петербурга в Москву, проходившую через Тверь.

По замыслу Екатерины Великой, древняя столица России должна была радикально и полностью измениться – весь ее центр, вся система планировки, облик города в целом. Дени Дидро советовал ей: «Было бы естественно иметь Вашему Величеству в Москве большой дворец» [Дидро, 1947, т. 9, с. 194]. С этим она была вполне согласна, но хотела, чтобы этот дворец передавал в своей архитектуре образ новой, «просвещенной» ею России.

Возможно, благоприятное впечатление Екатерины II от проезда через обновленную Тверь

повлияло на перевод М. Ф. Казакова в 1768 году в Москву, в Экспедицию Кремлевского строения, только что основанную гениальным русским архитектором В. И. Баженовым, недавно вернувшимся из заграничной пенсионерской поездки за счет Петербургской академии художеств и прекрасно изучившим классические традиции европейской архитектуры.

ЭКСПЕДИЦИЯ КРЕМЛЕВСКОГО СТРОЕНИЯ

Согласно проекту В. И. Баженова, для осуществления которого была создана Экспедиция Кремлевского строения, вместо разновременного живописно-панорамного кремлевского средневекового ансамбля должен был возникнуть новый колоссальный комплекс в духе архитектуры русского классицизма. М. Ф. Казаков, уже имевший репутацию опытного строителя, стал «архитектором Экспедиции Кремлевского строения» – основным помощником В. И. Баженова, он следил за подготовкой строительных материалов, разборкой ветхих кремлевских строений и одновременно с этим учился у В. И. Баженова техническому мастерству, композиционному артистизму, свободе решения художественных проблем.

Екатерина II поручила архитектору В. И. Баженову начать работу над проектом такого дворца в 1767 году [Золотницкая, 1997]. Тогда в Москве собралась Комиссия для составления нового свода законов (Уложения), члены которого представляли важнейшие учреждения империи и все ее сословия, – выборный орган, напоминавший французские Генеральные штаты [Горохова, 1997].

Это было событие огромного значения. Именно с него, по мысли императрицы, должно было начаться торжество Просвещения в России, и новый дворец был призван вместить систему управления преобразованной страны. Гигантский комплекс, который должен был стать самым большим классицистическим сооружением Европы, заменял собой Кремль. Сохранялись древние соборы и церкви – символы русской истории и православия. Вокруг них возникало грандиозное монументальное «обрамление» из новых зданий, построенных на основе самого современного для той эпохи архитектурного стиля [Белов, 2019]. Экспедицией Кремлевского строения были развернуты проектные и подготовительные работы для строительства нового грандиозного дворца.

Екатерина II, бывшая инициатором реконструкции Московского Кремля, вскоре охладела к этой затее; в начале 1775 года ведение строительных работ по осуществлению проекта В. И. Баженова было прекращено под предлогом сохранения кремлевских

древностей. В 1775 году был принят указ императрицы о прекращении строительства Кремлевского дворца по проекту В. И. Баженова, и вышли именные указы императрицы о восстановлении разрушенного в прежнем виде. К 1778 году стены и башни Кремля были полностью восстановлены.

Василий Баженов остро чувствовал изменившееся к себе отношение. Постепенно волею императрицы на первый план был выдвинут Матвей Казаков, взлет которого как зодчего начался с ходынских строений, где он работал вместе с Василием Баженовым. Разбив творческое содружество зодчих, Екатерина II вольно или невольно перевела двух архитекторов из отношений сотоварищества в отношения соперничества. Недаром Василий Баженов сетовал о «потерянном старшинстве».

1775 год оказался для Москвы знаменательным. Почти весь этот год Екатерина II вместе со своим двором провела в южной столице. За время ее московского правления многое изменилось. В частности, был принят указ о прекращении строительства Кремлевского дворца по проекту В. И. Баженова, начали восстанавливать Тайницкую башню.

Утверждения искусствоведов, что решение прекратить строительство Кремлевского дворца состоялось из-за оскудения казны после окончания войны с Турцией, легко опровергаются: в том же 1775 году было развернуто строительство трех достаточно дорогостоящих сооружений – Петровского и Царицынского дворцов и здания Сената в Москве.

Дело не только в том, что строительство нового дворца потребовало бы огромных средств, – Екатерина II не жалела их на создание пышных хором и «потемкинских деревень». Всё объясняется рядом политических обстоятельств.

Императрице при посредстве «всевидающего глаза» тайной канцелярии могли быть известны антицаристские убеждения друга В. И. Баженова – Ф. В. Каржавина, да и его самого. Ф. В. Каржавин учился с Баженовым в Парижском университете и стал помощником архитектора в Экспедиции кремлевского строения, возглавляемой В. И. Баженовым. Ф. В. Каржавин долгое время жил в доме В. И. Баженова.

Замысел зодчего, который он выразил вместе с Ф. В. Каржавиным в записке «Краткое разсуждение о Кремлевском строении» (написан рукой Ф. В. Каржавина с правкой В. И. Баженова), был исполнен духом Просвещения и воистину грандиозен: «...народы европейские, узрев восставший из недр земных новый Кремль, объаты будут удивлением величавости и огромности онаго» [Долгова, 1984, с. 39].

В. И. Баженова и Ф. В. Каржавина сближали не только их демократическое происхождение и совместная учеба в Париже. Им обоим были присущи прогрессивные общественные взгляды: любовь к России, изнывающей «под скипетром Великия Екатерины», сочувствие к «братьям» – крепостным. Многие теоретико-архитектурные работы В. И. Баженова и Ф. В. Каржавина носят следы их совместного участия.

Екатерина II могла видеть и то, что в статье В. И. Баженова и Ф. В. Каржавина «Краткое разсуждение о Кремлевском строении» критикуются пирамиды за бесплодные затраты на них, говорится о дороговизне строительства огромных дворцов – памятников «тщеславию царей», создаваемых за счет «народов, принужденных покориться».

Наконец, императрица своими очами могла узреть невероятную дерзость – замысел В. И. Баженова и Ф. В. Каржавина о превращении «дома Екатерины» в некий республиканский парламент. Оказывается, в грандиозных проектных работах по перестройке Кремля был включен в планировку императорского дворца огромный амфитеатр...для народных представлений. Явно демократический, а по сути – антимонархический, республиканский замысел [Рабинович, 1989]. Сколько депутатов могли бы реально вместить трибуны нового кремлевского дворца? Задуманная Екатериной II «Комиссия для составления нового уложения» насчитывала всего 564 депутата. Здесь же создавалась архитектурно-пространственная среда для работы многих тысяч депутатов.

В 1817 году вышла рецензия Н. М. Карамзина на первые русские издания «Утопии» Томаса Мора. Автор этой рецензии, непосредственно знакомый и с моделью кремлевского дворца, воскликнул: «созданные В. И. Баженовым планы нового дворца “уподобились Республике Платоновой или Утопии Томаса Моруса”» [Карамзин, 2002, с. 93].

Конечно, осуществление идеалов утопического социализма в царской России было абсолютно нереальным, но реальны были первые попытки к их осуществлению, в том числе и в архитектуре. Вот почему необходимо искать политические причины ответа на вопрос, почему Екатерина II не пожелала завершить строительство именно баженовского кремлевского дворца.

ПРАЗДНОВАНИЕ «МИРНОГО ТОРЖЕСТВА»

В 1775 году Екатерина II задумала «мирное торжество» в честь победы, одержанной генерал-фельдмаршалом графом Румянцевым-Задунайским в русской-турецкой войне. Мир был заключен 10 июля 1774 года в деревне Кючук-Кайнарджи. Празднование «мирного торжества» перенесли

ровно на год, на 10 июля 1775 года, в Москве на Ходынском поле.

На пустынном пространстве в трех верстах от Москвы по повелению императрицы за шесть с небольшим месяцев Экспедицией Кремлевского строения был сооружен фантастический город рассыпанных по всему полю строений, каждое из которых имело название одной из завоеванных русской армией крепостей – Азов, Еникале, Таганрог с гаванью. Были воздвигнуты триумфальные арки, галереи. Поле между строениями изображало Черное море, по нему были разбросаны корабли в полном снаряжении. Построили и ходынский дворец для императрицы со свитой.

Стремление Екатерины II провести торжество, превосходящее все предыдущие (а как оказалось, и последующие), не ограничивало мастеров в средствах. Они возводили строения, забыв об их временности. Архитекторы спешили высказаться. Ничто не сдерживало их свободу, ничто не мешало проявиться их творческой фантазии. М. Ф. Казакову представилась поистине уникальная возможность показать профессиональную эрудицию во всей полноте. Сооружения были воздвигнуты в привычном для России стиле средневекового зодчества: строгий классицизм соседствовал с ажурной готикой, эпоха Возрождения – с Античностью. М. Ф. Казаков с легкостью решал планировочные и строительные задачи. Выстроенные за такой короткий срок павильоны нельзя назвать бутафорией. Эти были общественные сооружения, способные принять множество народа: балы чередовались с маскарадами, в театре итальянская скрипичная музыка сменялась русской рожковой, показывались спектакли.

Начало борьбы России против Турции за выход к Черному морю относится к середине XVII века, наиболее крупные успехи в ней были достигнуты в начале царствования Петра I. Посвященный окончанию этой борьбы Екатерининский праздник должен был демонстрировать преемственность ее царствования по отношению к Петровской эпохе. Оформление Ходынского поля к празднованию годовщины заключения Кючук-Кайнарджийского мирного договора стало одним первых и самых ярких примеров обращения русской архитектуры XVIII века к средневековому наследию, определив возникновение русской неоготики – крупного течения в послепетровской архитектуре, активно развивавшегося в XVIII–XIX веках [Алпатов, 1955]. Императрица устала от подчиняющегося строгим нормам и правилам классицизма во французском духе. «Здесь у нас есть французы, которые слишком много знают и строят дрянные дома...» – сказала она [Сборник Императорского Русского исторического общества, 1878, с. 561].

Это была последняя работа М. Ф. Казакова вместе с В. И. Баженовым, ставшая для него прекрасной школой в изучении классических и неклассических художественных традиций, и достижения их органичного сочетания, особенно важного при ведении строительства в Москве. При ее ведении М. Ф. Казаков выступил в качестве не только помощника В. И. Баженова, но и его соавтора – до наших дней сохранились выполненные М. Ф. Казаковым проекты праздничных павильонов для оформления Ходынского поля. Само оформление Ходынского поля к празднеству в честь годовщины заключения Кючук-Кайнарджийского мирного договора стало одной из первых крупных работ М. Ф. Казакова. Интересным свидетельством в честь победы над Турцией стали выполненные М. Ф. Казаковым рисунки с видами участков Ходынского поля летом 1775 года.

Вслед за окончанием празднования летом 1775 года М. Ф. Казаков был произведен в архитекторы и получил возможность вести самостоятельные архитектурно-строительные работы. В конце 1770-х годов вместе с первыми учениками он был отправлен в Коломну, где в готическом стиле реконструировал древние монастыри – Голутвинский и Бобриневский, разработал проект урегулирования планировки города и выполнил серию рисунков с изображениями его древностей.

Виды Коломны М. Ф. Казакова совпадали с необычайно широким распространением в русской культуре интереса к отечественным памятникам и стали одним из первых в России опытов создания изобразительной интерпретации достопримечательностей средневековой архитектуры. Рисунки М. Ф. Казакова с видами Коломны демонстрируют развитие у архитектора восприятия городского пространства как замкнутой, отчасти театрализованной, просветительско-классицистической среды, воплощавшей стремление к идеальной организации окружающего мира.

Пребывание М. Ф. Казакова в Коломне интересно еще и получением архитектором художественных впечатлений от древнерусского архитектурного наследия, в дальнейшем имевших развитие в его творчестве.

Оформление Ходынского поля произвело на Екатерину II благоприятное впечатление, и в конце 1770-х годов для императрицы под Москвой было начато строительство двух новых усадебных ансамблей в неоготическом стиле. К югу от древней столицы, в бывшем имении Кантемиров Черная грязь В. И. Баженов приступил к возведению Царицынского ансамбля. На бывшей пустоши Высокопетровского монастыря (давшего название новому комплексу) напротив Ходынского

поля М. Ф. Казаков начал сооружение подъездного дворца, в котором члены императорской фамилии производили бы необходимые приготовления перед въездом в Москву.

ПЕТРОВСКИЙ ЗАМОК И ДРУГИЕ ОБЪЕКТЫ

Наружному облику дворцового комплекса М. Ф. Казаков придал характер азиатской крепости – некоторые служебные постройки приобрели вид минаретов, вспомогательные хозяйственные сооружения, флигеля образовали непрерывную структуру вокруг главного корпуса, который благодаря крепостным зубцам, декоративным бойницам стал напоминать военные укрепления. Наиболее популярным названием комплекса стал Петровский замок. Новый ансамбль составлял единую композицию с располагавшимися неподалеку и долго сохранявшимися павильонами праздничного оформления Ходынского поля, вместе с которыми Петровский замок стал памятником победы России над Турцией.

Если в создании общего образа Петровского замка главенствует восточная экзотика (башни-минареты), то в наружном оформлении главного корпуса велика роль элементов древнерусской архитектуры: пузатые бочкообразные колонки крылец, сдвоенные арочки с гирькой посередине, красная черепица на крыше сооружений замка, использование в отделке фасадов кирпича и белого камня. Эти элементы Петровского замка связаны с обращением архитектора к опыту отечественного художественного наследия.

Почти одновременно со строительством Петровского замка М. Ф. Казакову было поручено создание в Московском Кремле комплекса Сената, для которого было выделено место в северо-восточной части московской цитадели. Возвышение купола ротонды Сената за башней Кремля превратило эту группу соседних сооружений в композицию, отмечающую середину Красной площади, в советскую эпоху усиленную А. В. Щусевым, построившим перед Сенатской башней Кремля Мавзолей В. И. Ленина.

При реконструкции Красной площади после французской оккупации древней столицы во время Отечественной войны 1812 года ученик М. Ф. Казакова О. И. Бове возвел с противоположной Кремлю стороны классицистический комплекс Торговых рядов, своеобразно уравновешивавший ансамбль М. Ф. Казакова.

Знаменитый памятник К. Минину и Д. Пожарскому работы И. П. Мартоса закрепил развитие центральной части Красной площади. Последующее поколение сохраняло такое развитие Красной

площади: в конце XIX века комплекс торговых рядов О. И. Бове сменил новый, построенный А. Н. Померанцевым (нынешний ГУМ), в котором было сохранено основное соотношение объемов ансамбля О. И. Бове начала XIX века.

После осуществления строительства Петровского замка и Сената М. Ф. Казаков стал ведущим московским архитектором, популярнейшим среди заказчиков и жителей города. В первой половине 1780-х годов он возглавил возведение на Моховой напротив Кремля двух крупных ансамблей, способствовавших превращению этого района в благоустроенный центр города.

Напротив Арсенала по заказу известного московского мецената П. А. Демидова М. Ф. Казаковым был построен комплекс Московского университета, располагающийся вокруг парадного двора, образованного сильно выступающими вперед боковыми корпусами и замыкаемого в глубине главным корпусом. Первоначально проект здания Московского университета по заказу П. А. Демидова создавал В. И. Баженов, но он не удовлетворил мецената. Возможно, М. Ф. Казаков при создании проекта университета пользовался материалами, полученными П. А. Демидовым от В. И. Баженова, к произведениям которого необычайно близок первый вариант проекта университета М. Ф. Казакова. Из-за нехватки средств строительство Московского университета началось с боковых корпусов и велось медленно, так что М. Ф. Казаков получил возможность совершенствовать проект центральной части комплекса. Развитие этого процесса шло в сторону освобождения от подражательности В. И. Баженову, обретения большей самостоятельности и простоты решения.

Одновременно со строительством комплекса университета М. Ф. Казаков получил заказ на перестройку располагавшегося недалеко на углу Моховой и Дмитровки дома Долгорукого-Крымского для расположения в нем одной из первых в России общественных организаций – Благородного собрания (знаменитый Колонный зал) [Матвей Казаков, 2019].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В 1780–1790-е годы расцвет деятельности М. Ф. Казакова совпадал с динамичным развитием Москвы, превращением ее в крупнейший экономический и культурный центр страны, активизацией в ней интеллектуальной, художественной и филантропической среды.

Если в предшествующие периоды в творчестве мастера преобладало выполнение заказов двора и государства – создание в Москве первых

общественных сооружений, то с середины 1780-х годов в нем постепенно начинает доминировать выполнение заказов по осуществлению частного жилого строительства – наиболее яркое воплощение признания москвичами выдающегося таланта М. Ф. Казакова, всё активнее участвовавшего в развитии застройки древней столицы.

В качестве ведущего московского зодчего в середине 1780-х годов М. Ф. Казаков сменил В. И. Баженова в руководстве строительством усадьбы Екатерины II к югу от Москвы – Царицыно, возведение которой началось в 1776 году почти одновременно с сооружением Петровского замка.

Замысел В. И. Баженова состоял в постройке в Царицыне подобия традиционным русским усадебным комплексам из отдельных самостоятельных строений, живописно разбросанных и причудливо сочетавшихся друг с другом. Первоначально Екатерина II одобрила замысел зодчего, но когда строительство комплекса было уже почти завершено, заказчица внезапно переменила решение. В 1785 году В. И. Баженов был отстранен от руководства строительными работами в усадьбе, и с 1786 года перестроить дворец поручили М. Ф. Казакову, который нашел в себе мужество и сохранил баженовский план, а главное, ворота и стенку. Архитектор на месте двух парных дворцов В. И. Баженова для Екатерины II и ее сына Павла Петровича, будущего императора Павла I, начал возведение нового дворца. Есть мнение, что новый дворец возводился всё же не без участия В. И. Баженова. Слишком дружны были зодчие, слишком долго шли рядом. Императрице исправно доносили о действиях М. Ф. Казакова. Вот почему, наверное, в дальнейшем дворец был недостроен, заброшен и зарос травой [Минеева, 1988].

Работа М. Ф. Казакова в Царицыне осталась незавершенной. Строительство нового дворца совпало с началом новой русско-турецкой войны, субсидии резко сократились, архитектору пришлось несколько раз переделывать проект, сокращать размеры здания, объем декорации. К 1793 году во дворце в Царицыне едва успели возвести крышу, как финансирование строительных работ полностью прекратилось.

Неосуществленным остался последний крупный градостроительный проект М. Ф. Казакова, посвященный реконструкции Московского Кремля. В 1797 году при подготовке к коронации императора Павла I внимание правительства привлекло ветхое состояние Кремля, который необходимо было привести в порядок. Это предопределило разработку М. Ф. Казаковым проекта реконструкции Кремля с возведением нового императорского дворца и упорядочением окружающей застройки.

М. Ф. Казаков стремился к достижению классической идеальности организации Кремля, которая придавала бы древней московской цитадели статичность. Проект реконструкции Московского Кремля стал последней крупной работой М. Ф. Казакова, вскоре после его выполнения архитектор вышел в отставку.

Решение современных архитектурных задач требует от исследователей анализа исторического опыта, в том числе деятельности русских архитекторов в переломные периоды отечественной

истории, необходимости понимания творческих достижений русских архитекторов.

Творческое наследие М. Ф. Казакова необходимо рассматривать вместе со сложившимися сложнейшими историческими процессами, которые до сих пор занимают умы исследователей прошлого. Необходимо обращаться не только к социально-историческим процессам, происходящим в России XVIII столетия, но к определению той культурно-исторической среды, в которой действовал зодчий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Мурзин-Гундоров В. В. Дмитрий Ухтомский. М.: Изд. дом Руденцовых, 2012.
2. Матвей Казаков и допожарная Москва / авторы-состав. Т. В. Иванова, З. В. Золотницкая. М.: Кучково поле, 2019.
3. Дидро Д. Собрание сочинений: в 10 т. / под общ. ред. И. К. Луппола. М. ; Л.: Acadimia, 1947. Т. 9.
4. Золотницкая З. В. Кремлевские строения и зодчество Москвы // Екатерина Великая и Москва. М.: Государственная Третьяковская галерея, 1997. С. 107–109.
5. Горохова Е. Т. Уложенная Комиссия // Екатерина Великая и Москва. М.: Государственная Третьяковская галерея, 1997. С. 79–81.
6. Белов А. В. Реформа города Екатерины II. М.: Институт российской истории РАН, 2019.
7. Долгова С. Р. Творческий путь Ф. В. Каржавина. Л.: Наука, 1984.
8. Рабинович В. Р. Каковы же причины творческой трагедии зодчего Баженова // Архитектура и строительство Москвы. 1989. № 11. С. 18–21.
9. Карамзин Н. М. О древней и новой России. Избранная проза и публицистика. М.: Жизнь и мысль, 2002.
10. Алпатов М. В. Всеобщая история искусства: в 3 т. М.: Искусство, 1955. Т. 3.
11. Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. XXIII. Письма Екатерины II к Гримму. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1878.
12. Минеева К. И. Царицыно. Дворцово-парковый ансамбль. М.: Искусство, 1988.

REFERENCE

1. Murzin-Gundorov, V. V. (2012). Dmitriy Uhtomskij = Dmitry Ukhtomsky. Moscow: Izd. dom Rudencovyh. (In Russ.)
2. Matvej Kazakov i dopozharnaya Moskva (2019) = Matvey Kazakov and pre-fire Moscow. Moscow: Kuchkovo Pole. (In Russ.)
3. Didro, D. (1947). Sbranie sochinenij. T. H. = Collected Works. T. H. Moscow: Acadimia. (In Russ.)
4. Zolotnickaya, Z. V. (1997). Kremlevskie stroeniya i zodchestvo Moskv. Ekaterina Velikaya i Moskv = Kremlin buildings and architecture of Moscow. Catherine the Great and Moscow (pp. 107–109). Moscow: Gosudarstvennaya Tret'yakovskaya galereya. (In Russ.)
5. Gorohova, E. T. (1997). Ulozhennaya Komissiya. Ekaterina Velikaya i Moskva = Legislative Commission // Catherine the Great and Moscow (pp. 79–81). Moscow: Gosudarstvennaya Tret'yakovskaya galereya. (In Russ.)
6. Belov, A. V. (2019). Reforma goroda Ekateriny II = The city reform of Catherine II. Moscow: Institut rossijskoj istorii RAN. (In Russ.)
7. Dolgova, S. R. (1984). Tvorcheskij put' F. V. Karzhavina = The creative path of F. V. Karzhavin. L. Leningrad: Nauka. (In Russ.)
8. Rabinovich, V. R. (1989). Kakovy zhe prichiny tvorcheskoy tragedii zodchego Bazhenova = What are the reasons for the creative tragedy of the architect Bazhenov? Architecture and construction of Moscow, 11, 18–21. (In Russ.)
9. Karamzin, N. M. (2002). O drevnej i novoj Rossii. Izbrannaja proza i publicistika = About ancient and new Russia. Selected prose and journalism. Moscow: Life and Thought. (In Russ.)
10. Aliatov M. V. (1955). Vseobshchaya istoriya iskusstva = General history of art: in 3 vols. Moscow: Iskusstvo. (In Russ.)

11. Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva. (1878). T. XXIII. Pis'ma Ekateriny II k Grimmu = Collection of the Imperial Russian Historical Society. Vol. XXIII. Letters of Catherine II to Grimm. Saint Petersburg: Tip. Imp. Akad. Nauk. (In Russ.)
12. Mineeva, K.I. (1988). Caricino. Dvorcovo-parkovyj ansambl' = Tsaritsyno. Palace and park ensemble. Moscow: Iskusstvo. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Горлов Владимир Николаевич

доктор исторических наук, профессор
профессор кафедры исторических наук и архивоведения
Института гуманитарных и прикладных наук
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gorlov Vladimir Nikolaevich

Doctor of History (Dr. habil.), Professor
Professor of the Department of Historical Sciences and Archival Science
Institute of Humanitarian and Applied Sciences
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

02.06.2025
25.06.2025
08.10.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Акт о гербовом сборе 1765 года: взгляд центральной власти Великобритании на американское сопротивление

Е. П. Макаров

Самарский государственный технический университет, Самара, Россия
egor.makarov.esq@gmail.com

Аннотация. В статье исследуется сложный общественно-политический процесс, связанный с попытками британского правительства использовать регулярные войска для обеспечения выполнения требований Акта о гербовом сборе 1765 года в американских колониях. Основная цель исследования заключается в комплексном анализе стратегий и действий, предпринятых британскими властями для реализации нового налогового законодательства, а также в изучении причин, которые привели к пересмотру политики и последующей отмене этого закона. В работе применяются историко-сравнительный и системный методы исследования, необходимые для комплексного анализа документов и историографии, позволяющие в данном контексте детально изучить действия главнокомандующего британскими войсками Генри Конуэя. Особое внимание уделяется мерам, предпринятым центральным правительством для обеспечения беспрепятственного сбора налога, а также реакции высших британских чиновников, в частности маркиза Рокингема, на сопротивление американских колоний. Результаты свидетельствуют, что внутренние разногласия в правительстве, а также растущее давление со стороны американских колоний сыграли ключевую роль в отмене закона, что действия Генри Конуэя и его подход к управлению военными силами были важным фактором, повлиявшим на изменение политики. Выводы наглядно демонстрируют, как внутренние и внешние факторы взаимодействовали комплексно, формируя решение о пересмотре и отмене Акта о гербовом сборе.

Ключевые слова: восемнадцатый век, североамериканские колонии, Великобритания, колониальная политика, британское правительство, Акт о гербовом сборе, Генри Конуэй, Джордж Гренвилл, маркиз Рокингем

Для цитирования: Макаров Е. П. Акт о гербовом сборе 1765 года: взгляд центральной власти Великобритании на американское сопротивление // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2025. Вып. 3 (860). С. 73–81.

Original article

The Stamp Act 1765: a British Government View of American Resistance

Egor P. Makarov

Samara State Technical University, Russia, Samara
egor.makarov.esq@gmail.com

Abstract. The article examines the complex socio-political process associated with the British government's attempts to use regular troops to enforce the Stamp Act of 1765 in the American colonies. The main objective of the study is to comprehensively analyze the strategies and actions taken by the British authorities to implement the new tax legislation, as well as to study the reasons that led to the revision and subsequent repeal of this law. The study uses historical-comparative and systemic research methods necessary for a comprehensive analysis of documents and historiography, which allows for a detailed study of the actions of the commander-in-chief of the British troops Henry

Conway. Particular attention is paid to the measures taken by the central government to ensure the smooth collection of the tax, as well as the reaction of senior British officials, in particular the Marquis of Rockingham, to the resistance of the American colonies. The analysis includes a study of the reasons that prompted the British government to reconsider its policy and the circumstances that led to the repeal of the Stamp Act. The findings suggest that internal divisions within the government, as well as mounting pressure from the American colonies, played a key role in the repeal of the Act. The study shows that Henry Conway's actions and approach to managing the military were an important factor in influencing the policy change. Ultimately, the findings of the paper illustrate how internal and external factors interacted in a complex manner to shape the decision to revise and repeal the Stamp Act.

Keywords: eighteenth century, North American colonies, Great Britain, colonial policy, British government, Stamp Act, Henry Conway, George Grenville, Marquess of Rockingham

For citation: Makarov, E. P. (2025). The Stamp Act 1765: a British Government View of American Resistance. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences*, 3(860), 73–81. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В современном историческом сообществе до сих пор продолжают дискуссии о намерениях британского правительства прибегнуть к помощи регулярной армии для принуждения жителей американских провинций к уплате гербового сбора в 1765 году. В настоящее время, как и ранее, споры историков разворачиваются вокруг письма государственного секретаря Южного департамента Генри Конуэя к американским колониальным губернаторам, датированного 24 октября 1765 года.

Большинство историков считают письмо Г. Конуэя доказательством крайне серьезного настроя центральной власти в вопросе обеспечения соблюдения британских законов в колониях. Как государственный секретарь Южного департамента Г. Конуэй прямо указывал колониальным губернаторам на то, что для восстановления порядка они могут в любой момент призвать на помощь регулярные войска, но с оговоркой «если все иные средства будут исчерпаны» [Bullion, 1992]. Тон генерала Конуэя был опосредован точкой зрения влиятельного герцога Камберленда, фигура которого объединяла консервативно настроенных членов правительства. К примеру, историк П. Лэнгфорд указывал, что именно герцог Камберленд, а не генерал Конуэй, был главным сторонником подавления инакомыслия силой военных, и если бы он внезапно не скончался от сердечного приступа 31 октября 1765 года, британские военные начали бы силой насаждать волю короля и жестоко карать всех несогласных. Смерть герцога Камберленда стала неожиданным ударом по единству членов правительства, после которого реальная власть оказалась в руках первого лорда казначейства, маркиза Рокингема, более склонного к компромиссу с колониями [Langford, 1976].

Другой известный историк П. Томас также провел анализ письма Г. Конуэя к губернаторам и обращал внимание прежде всего не на его содержание, а на общий тон, в котором был выдержан документ. Самым важным в этом отношении, по мнению П. Томаса, являлся призыв к губернаторам быть осторожными и не провоцировать неконтролируемый рост протестных настроений. Немаловажно, что генерал Конуэй не давал прямого указания губернаторам обеспечить соблюдение требований Акта о гербовом сборе «любой ценой». П. Томас сделал вывод о том, что в силу политико-административных и географических особенностей Северной Америки британские регулярные войска не могли подавить беспорядки, центры которых находились далеко друг от друга [Thomas, 1975]. Среди исследователей также распространено мнение о том, что ситуация с письмом генерала Конуэя представляла собой не указание к действию, а «имитацию деятельности» [Dickerson, 1951].

Главным полем для споров среди исследователей является вопрос о том, действительно ли британское правительство собиралось использовать войска для принуждения жителей колоний к повиновению, пока был жив герцог Камберленд. Однозначного ответа на этот вопрос дать невозможно, ведь герцог Камберленд скончался именно в день заседания кабинета министров. Можно констатировать, что он был сильным лидером, на мнение которого ориентировались министры и лорд-канцлер, граф Нортингтон. Смерть герцога Камберленда изменила ситуацию, и в итоге правительство приняло точку зрения более осторожного маркиза Рокингема, который предложил занять выжидательную позицию и принять решение после 1 ноября, когда новый закон вступит в силу и станет ясна реакция на него со стороны американского сообщества [Bailyn, 1967].

ПЕРВЫЕ ОЦЕНКИ АМЕРИКАНСКОГО НЕДОВОЛЬСТВА

Вопрос о том, насколько глубоко центральная власть изучила обстоятельства колониального сопротивления Акту о гербовом сборе, лежит в исследовании событий, которые выходили за хронологические рамки от октября 1765 года, когда до метрополии дошли подтверждения намерений колоний противодействовать требованиям акта, до декабря 1765 года, когда правительство получило подтверждение того, что в ноябре распространение гербовых знаков в Америке было саботировано местным населением [Макаров, 2024]. Поскольку исторический контекст обозначает две точки зрения на политику метрополии, важно проанализировать и мотивы герцога Камберленда, и мотивы маркиза Рокингема.

Понимая, как правительственная администрация Великобритании относилась к гербовому сбору (а не к налогообложению), и рассматривая реакцию власти на неповиновение колоний, необходимо также уяснить какие правила регламентировали применение регулярной армии против гражданского населения, каким был политический эффект, а также какими были процедурные и логистические сложности переброски воинских контингентов из одной части империи в другую. Оценивая сложный период, когда королевские министры пытались определить оптимальный сценарий реакции метрополии на неповиновение колоний, очень важно учесть все обстоятельства для создания целостной и объективной картины событий [Burg, 2004]. К примеру, из сообщений губернатора провинции Массачусетс-Бэй сэра Френсиса Бернарда члены британского правительства получили тревожный сигнал о насильственном сопротивлении жителей Бостона, которое вылилось в волну погромов и было отмечено нападением на дом вице-губернатора Томаса Хатчинсона. В обращениях губернатора Бернарда подчеркивалось, что восстановить порядок удалось только силами местных жителей, которые предупреждали о том, что беспорядки возобновятся в случае новой попытки властей к принуждению выплат по гербовому сбору [Dowell, 1873].

Ф. Бернард даже обсудил с массачусетским советом возможность обратиться за помощью к главнокомандующему британской армии в Америке генералу Томасу Гейджу или контр-адмиралу лорду Александру Колвиллу, однако члены совета не поддержали этого решения. Все члены совета владели недвижимостью в Бостоне и опасались, что за подобное крайне непопулярное решение она сразу же будет уничтожена протестующими. Губернатор выражал надежду на то, что волнения

утихнут сами собой, что лишь подчеркивало его реальную беспомощность [Koerpel, 1976].

Губернатор возлагал большие надежды на здравый смысл американцев и в своих действиях руководствовался логикой аргументов Джорджа Гренвилла, озвученных им в феврале 1765 года, когда Акт о гербовом сборе обсуждался в Палате общин. Суть аргументов можно было свести к тому, что исполнение требований гербового сбора не нуждалось во внешнем принуждении, поскольку любой человек сам решал, оформлять официальный документ или нет. Если документ имел юридическую силу, обеспеченную государством, он должен был оформляться на гербовой бумаге, в иных вариантах стороны продолжали взаимодействовать, основываясь на устном соглашении, а в случае юридического спора документ без гербовой марки не считался законным доказательством правоты [Sosin, 1958].

Важно также отметить, что для исключения махинаций юрисдикцию нарушений Акта о гербовом сборе осуществлял Адмиралтейский суд в Галифаксе, Новой Шотландии. Местные колониальные суды и магистраты не имели права толковать закон, а обжаловать решения Адмиралтейского суда можно было только в судах Англии. В логике Дж. Гренвилла ни один житель американских колоний не доверял бы документам, не имеющим юридической силы, подтвержденной государством. Уверенность Дж. Гренвилла в том, что американцы будут платить сбор, поначалу разделял и губернатор Ф. Бернард. Было решено забыть скандал с погромами и не принимать радикальных мер наказания. 7 октября 1765 года в Казначействе получили письмо с отчетом массачусетского распространителя гербовых марок Эндрю Оливера, не сумевшего выполнить свою работу. Уже 8 октября Казначейский совет направил губернатору Ф. Бернарду поручение принять нового распространителя гербовых марок и имеющимися средствами позаботиться о том, чтобы налоговые поступления не уменьшились [Ritcheson, 1953].

Подробный анализ данных событий встречается в работе историка Д. Беллиона, который интерпретировал реакцию маркиза Рокингема как отсутствие реального стремления обеспечить действие закона. Перед маркизом Рокингом стояли две важные задачи. Требовалось и собрать гербовый налог, и умиротворить колониальное сообщество. Главной причиной провала новой налоговой политики маркиз Рокингем видел неумелое управление чиновников на местах. Он призвал губернатора Бернарда действовать твердо и собравшись с духом, но о вмешательстве армии в ситуацию речь не шла. Большинство членов правительства,

включая маркиза Рокингема, мыслили в русле логики Дж. Гренвилла о налоге, который будут платить без всякого принуждения [Bullion, 1982].

ВЫБОР МЕР В ОТВЕТ НА НЕПОВИНОВЕНИЕ КОЛОНИЙ

Формируя представление о взглядах центральной власти на ситуацию, большинство исследователей анализируют речь Эдмунда Берка (в 1765 году личного секретаря маркиза Рокингема) «О беспорядках, связанных с Актом о гербовом сборе», зафиксированную в январе 1766 года после выступления в Палате общин. Несмотря на то, что Э. Берк повторил слова Дж. Гренвилла и маркиза Рокингема о том, что никого не придется принуждать платить новый налог, он был осведомлен о главной проблеме, мешавшей использовать войска для подавления волнений [Lawson, 1980]. С точки зрения Э. Берка, поручение губернатору Бернарду, данное Казначейским советом 8 октября 1765 года, наглядно демонстрировало точный расчет на то, что жители колоний никогда не пойдут на открытый конфликт с метрополией и не захотят выйти из имперского правового поля и торговой системы. По его мнению, американцы гарантированно стали бы платить налог либо с 1 ноября, как того требовал закон, либо вскоре после этого, когда возмущение улеглось бы естественным образом. Но 13 октября состоялось внеочередное заседание кабинета министров, за которым последовало обращение за разъяснениями в Тайный совет, что подчеркивает серьезность обсуждавшейся проблемы. Таким образом, уже тогда неповиновение колоний рассматривалось как открытый вызов метрополии и оспаривание права парламента вводить налоги. Совместное решение министров и Тайного совета должно было продемонстрировать реальную власть и силу метрополии [Hecht, 1976].

15 октября 1765 года по распоряжению генерала Конуэя было составлено поручение контр-адмиралу, лорду Колвиллу, по которому тот должен был по первому запросу оказать вооруженную поддержку любому американскому губернатору. Несколькими днями позже, 23 октября, это поручение было подтверждено рекомендациями Тайного совета, который просил короля поручить государственному секретарю Южного департамента и губернаторам совместно поддерживать безопасность правительства и использовать все законные средства для сохранения мира и порядка. Георг III одобрил это решение и распорядился отправить письма к губернаторам и командующим в Америку уже на следующий день, 24 октября [Gipson, 1954].

В рекомендациях Тайного совета обозначались уже находившиеся за границей королевские силы, однако возможность усиления этих войск контингентами из Ирландии и Англии поднималась на заседании кабинета министров 13 октября. В планах лорд-канцлера Нортингтона было обсуждение этого решения на заседании, назначенном на 31 октября, а после смерти герцога Камберленда ходили слухи, что вопрос был практически решен. В свете современных комплексных исследований становится очевидно, что в 1765 году существовали почти непреодолимые препятствия для отправки британского контингента из метрополии за океан [Lamb, 2003]. Любое крупное экспедиционное предприятие было сопряжено с колоссальными расходами, которые были тем выше, чем быстрее требовалось собрать и отправить войска. Таким образом, требовалось быстро выделить крупные средства и снарядить экспедицию в условиях неопределенности осени 1765 года, когда из Америки в любой момент могли прийти новости о том, что жители провинций согласились платить сбор [Kozub, 1983]. От поспешной отправки экспедиционного корпуса из метрополии центральную власть должен был удерживать и реальный опыт, которым обладали многие высшие должностные лица. Герцог Камберленд был ветераном и имел опыт командования войсками в Европе, а маркиз Рокингем служил при герцоге Камберленде и тоже хорошо понимал трудности военной логистики.

Многие историки характеризовали герцога Камберленда как бескомпромиссного командира, который после шотландской кампании 1745 года всегда придерживался курса на прямое и быстрое подавление даже любого намека на мятеж. Действительно, реальный военный опыт герцога Камберленда, генерала Конуэя, контр-адмирала Колвилла и даже маркиза Рокингема должен был удерживать их от поспешных и необдуманных решений. В речи Э. Берка «О беспорядках, связанных с Актом о гербовом сборе», содержится важная мысль о том, что отправлять экспедицию через Атлантический океан в начале ноября было бы неправильно, поскольку флот мог быть подвержен опасностям осенне-зимнего сезона. Но подождя до весны, можно будет точно понять судьбу Акта о гербовом сборе и при необходимости снарядить дополнительные войска и флот [Langford, 1985].

Возвращаясь к анализу общего тона письма генерала Конуэя к колониальным губернаторам, написанного 24 октября 1765 года, стоит отметить, что королевских чиновников информировали о том, что именно их будут считать ответственными за восстановление и поддержание порядка в колониях. В письме указывалось, что губернаторам

следовало разумно сочетать решимость и деликатность и лишь в крайнем случае подавлять бесчинства толпы силой. Исследователи часто повторяют эти аргументы, добавляя, что центральная власть не могла допустить того, чтобы ее авторитет был попоран толпой [Newcomb, 1966].

Королевские министры также ожидали, что некоторым губернаторам не удастся обойтись без запроса войск [Kalpagam, 2000]. В обращении к генералу Гейджу Г. Конуэй отмечал, что король хотел бы разрешить кризис политическими, а не силовыми методами, и если генералу Гейджу удалось бы восстановить порядок без насилия и кровопролития, он оказал бы всем неоценимую услугу. Это обращение больше напоминало наставление, чем перечисление приказов, но его содержание указывало генералу Гейджу на то, что он имеет в своем распоряжении самые широкие полномочия, использование которых служит цели защиты достоинства короля и парламента от насилия толпы [Bullion, 1982].

После обозначенного обращения из колоний в Лондон пришли сведения о том, что радикально настроенные жители американских провинций разработали общий план противодействия требованиям Акта о гербовом сборе. Сообщалось, что сначала они попытаются угрозой насилия заставить распространителей марок отказаться от работы, а затем уничтожат доставленные в Америку гербовые знаки. Информаторы отмечали, что в первой части плана бунтовщики преуспели, и уничтожение гербовых знаков становилось делом времени [Макаров, 2022].

Генерал Гейдж к тому времени уже привел в боеготовность небольшие подразделения в Бостоне, Нью-Йорке и Аннаполисе, однако в случае повсеместных протестов он был бы вынужден концентрировать войска лишь на отдельных направлениях, оставив форты практически пустыми. Главным поводом для беспокойства стало ожидание того, что гербовые знаки действительно могут быть уничтожены, и тем самым произойдет наглядная демонстрация бессилия королевских чиновников. Именно по этим причинам, требовавшим немедленного внимания кабинета министров, на 31 октября было назначено срочное внеочередное заседание. Лорд-канцлер Нортингтон предварительно составил план мероприятий, которые могли бы стабилизировать ситуацию. По его мнению, попытка уничтожения гербовых знаков была равнозначна посягательству на суверенитет британского парламента, поэтому губернаторы должны были тщательно расследовать все подобные преступления и подавлять распространение протестных настроений в обществе [Breen, 1997].

Министры были уверены в том, что губернаторы склонны к робости. Сила находившихся рядом военных придавала бы им решимости, однако по сообщениям генерала Гейджа, расквартированных в Америке войск не хватило бы для подавления повсеместных выступлений. Вопрос об отправке экспедиционного корпуса стал еще более актуальным, а промедление грозило катастрофическими последствиями для репутации центральной власти. Скоропостижная смерть герцога Камберленда от сердечного приступа за несколько минут до заседания 31 октября помешала обсуждению полученных из Америки сведений и предложений лорд-канцлера Нортингтона, однако по тем же причинам, что и ранее, кабинет министров, вероятно, не согласился бы на немедленную отправку экспедиционного корпуса в колонии [Thompson, 1969].

РЕШЕНИЯ АДМИНИСТРАЦИИ МАРКИЗА РОКИНГЕМА

Смерть герцога Камберленда моментально запустила процесс перестановок в британском правительстве, и пока кабинетная политика стабилизировалась, прошло около месяца. К колониальным вопросам правительству удалось вернуться только 1 декабря, когда ситуация в Америке значительно ухудшилась. Маркиз Рокингем являлся сторонником курса герцога Камберленда, но не стал пересматривать рекомендации, данные в ранее отправленном в Америку письме генерала Конуэя. Правительство по-прежнему придерживалось умеренности в вопросах использования армии для подавления мятежных настроений [Pole, 1973].

Отдельно стоит отметить, что на общий взгляд маркиза Рокингема на ситуацию в Америке повлияло обращение политика и финансиста Б. Трекотика, поступившее 7 ноября 1765 года. Б. Трекотик являлся председателем ассоциации торговавших с Северной Америкой лондонских купцов и лоббировал их интересы в Уайтхолле и Вестминстере. В обращении он уверял маркиза Рокингема в том, что гербовый сбор чреват катастрофическими последствиями и для Америки и для Великобритании. Он был уверен, что жители колоний после 1 ноября откажутся участвовать в сделках, требующих гербового документооборота. Он подчеркивал, что если это произойдет, британским сахарным островам будет отказано в поставках провизии, древесины и другой необходимой продукции. В результате плантаторы Вест-Индии могли понести огромные убытки. Кроме того, он сообщал, что финансово-кредитному рынку британской Америки будет нанесен колоссальный ущерб, после чего инвесторы не смогут получить выплаты по всем

уже имеющимся займам. Также купцы перестали закупать британскую продукцию для американских рынков, поскольку не смогут ее продать. Многие историки интерпретировали подобную ситуацию таким образом, что от маркиза Рокингема требовалось предотвратить катастрофу и отменить закон [Henderson, 1990].

Политическая и торговая карьера Б. Трекотика наделила его большим авторитетом в правительстве и в парламенте, и к его мнению прислушивались всякий раз, когда требовалось оценить реальную экономическую обстановку в Северной Америке. Он был критиком Дж. Гренвилла и пользовался поддержкой герцога Ньюкасла. В обращении к маркизу Рокингема Б. Трекотик выражал мнение большого круга влиятельных британцев, имевших интересы в колониях и не желавших усугубления кризиса. Маркиз Рокингем учитывал это обстоятельство, когда тщательно продумывал свой ответ, который дал в письме от 10 ноября, а затем повторил в личной беседе 12 ноября 1765 года [Bullion, 1982].

По мнению маркиза Рокингема, противодействие американского населения требованиям Акта о гербовом сборе в контексте министерской политики представляло собой крайне деликатный вопрос. Он сообщил Б. Трекоту о том, что быстро отменить закон не получится потому, что колонисты своим упорством встали на путь сопротивления власти, и эти мятежные усилия не должны быть вознаграждены. Однако маркиз Рокингем также заверил своего собеседника в том, что правительство и парламент не станут ставить под удар интересы купеческого сообщества. Маркиз Рокингем и его политические сторонники предпочли занять выжидательную позицию и без спешки оценить новости из Америки. В случае прекращения волнений можно было показать себя преданным интересам господства Великобритании и выдать урегулирование за свою личную победу. В случае усугубления кризиса можно было показать себя рассудительным и умеренным сторонником компромисса и пойти навстречу просьбам британского купеческого сообщества [Langford, 1985].

В то время как Б. Трекотик начал заранее согласованную с правительством петиционную кампанию, маркиз Рокингем уже был готов на ближайшей парламентской сессии заявить о завершении американского кризиса и при любом сценарии развития событий заявить о благополучном исходе сложившейся ситуации. Содержание письма генерала Гейджа от 4 ноября было зачитано маркизом Рокингемом лишь 10 декабря. Сообщалось, что требования Акта о гербовом сборе не исполняются и не будут исполняться практически во всех колониях. Генерал Гейдж с тревогой подчеркивал, что, по

его мнению, Нью-Йорк близок к открытому мятежу и ничто, кроме значительного силового принуждения не заставит людей отказаться от дальнейшего противодействия новому закону. Небольшие воинские контингенты игнорировались протестующими, и генерал Гейдж уточнял, можно ли рассчитывать на пополнение из-за океана для планирования более решительных действий. Озвучивая сообщение о том, что разъяренные жители Нью-Йорка были готовы к нападениям и на солдат, если бы те вмешались в конфликт с распространителями гербовых марок, лорд-канцлер Нортингтон сообщил парламенту, что кабинет министров склонялся к отказу от поддержки Акта о гербовом сборе и не желал провоцировать открытый мятеж. После 10 декабря маркиз Рокингем окончательно пришел к выводу, что гербовые марки на коммерческих документах негативно влияют на британскую торговлю и точно должны быть отменены. Мнение маркиза Рокингема по поводу марок на неторговых документах обуславливалось соотношением прибыли от них и расходов на меры по принуждению к уплате сбора. К тому времени уже были подсчитаны примерные расходы на экспедиционное предприятие в Америку, и министры сочли неразумным предпринимать такие жертвы в попытке сохранить уже урезанный Акт о гербовом сборе [Bullion, 1992].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Формулируя выводы по проблеме восприятия центральной властью Акта о гербовом сборе, следует подчеркнуть, что обозначенные события происходили в разгар купеческой петиционной кампании за отмену законодательства Дж. Гренвилла. Поэтому маркиз Рокингем без всяких колебаний приступал к убеждению кабинета министров, короля и парламента в необходимости отмены Акта о гербовом сборе, но подчеркивал, что делает это в интересах имперского торгового сообщества, а не из страха перед разбушевавшейся толпой. Есть все основания полагать, что парламентарии, как и члены правительства, изначально не были намерены решать кризисную ситуацию путем силового принуждения. Представители центральной власти были уверены в том, что реальных причин для неисполнения требований Акта о гербовом сборе не существует, а когда американское сообщество выразило новому налогу решительный протест, долго отказывались верить в происходящее.

Осознание масштабов недовольства и истинных причин народного гнева в некоторой степени «заново открыло Америку» для правительства и парламента. Выбирая между усугублением конфронтации и примирением, центральная власть

метрополии предпочла проявить сдержанность и мудрость, надеясь на встречные шаги от всего американского сообщества. Когда оппозиция гербовому сбору пополнилась влиятельным сообществом британских купцов, стало очевидно, что закон нуждается в серьезных поправках, которые сведут его пользу к минимуму.

Стоит также принимать во внимание недавний выход Великобритании из Семилетней войны, которая хотя и подняла престиж британского оружия, но оставила после себя большие долги. Идти на новый, на этот раз внутриимперский, вооруженный конфликт со своими же согражданами в 1765 году правительство точно не желало. Быстрота принятия решения об отмене Акта о гербовом сборе определялась тем, насколько скрытно и в то же время скоро, лондонские торговцы получают информацию о реальных проблемах в американской торговле. Б. Трекотик обещал маркизу Рокингема предоставить полную информацию по этому вопросу, для чего был избран Комитет купцов из десяти человек, координировавших дальнейшую работу от имени всего британо-американского торгового сообщества.

По плану маркиза Рокингема петиции поступали в Вестминстер и активно обсуждались в частном порядке, однако на рассмотрение парламентариев вопрос должен был выноситься только тогда, когда депутаты получат полное и недвусмысленное представление о больших проблемах в британской торговле в Америке. Сторонники Б. Трекотика выполнили поставленную задачу, и 4 декабря 1765 года на собрании лондонских купцов были озвучены все собранные данные. О роли маркиза Рокингема в данном процессе вообще не было известно, и никто из оппозиционеров не поднял вопроса о том, почему первый лорд казначейства участвует в организации петиционной кампании против недавно введенного налога. Когда начали распространяться первые слухи о том, что центральная власть намерена поддержать петицию, члены правительства не опровергали, но и не подтверждали эту информацию. Начало публичной петиционной кампании Б. Трекотика означало, что маркиз Рокингем завершил все необходимые приготовления, и на открытии парламентской сессии затянувшаяся проблема гербового сбора была решена в очень короткий срок.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Bullion J. L. British Ministers and American Resistance to the Stamp Act, October-December 1765 // William and Mary Quarterly. 1992. Vol. 49. № 1. P. 89–107.
2. Langford P. Review: British Politics and the Stamp Act Crisis: The First Phase of the American Revolution, 1763–1767 // English Historical Review. 1976. Vol. 91. № 359. P. 393–395.
3. Thomas P. D. G. British Politics and the Stamp Act Crisis. Oxford: Clarendon Press, 1975.
4. Dickerson O. M. British Control of American Newspapers on the Eve of the Revolution // New England Quarterly. 1951. Vol. 24. № 4. P. 453–468.
5. Bailyn B. The Ideological Origins of the American Revolution. Cambridge: Harvard University Press, 1967.
6. Макаров Е. П. Формирование виргинской оппозиции закону о гербовом сборе 1765 года // Самарский научный вестник. 2024. Т. 13. № 2. С. 130–132.
7. Burg D. F. A World History of Tax Rebellions. New York and London: Routledge, 2004.
8. Dowell S. A History and Explanation of the Stamp Duties. London: Longmans, Green & Co, 1873.
9. Koeppel A. The Stamps that Caused the American Revolution: The Stamps of the 1765 British Stamp Act for America. New York: American Revolution Bicentennial Commission, 1976.
10. Sosin J. M. A Postscript to the Stamp Act: George Grenville's Revenue Measures: A Drain on Colonial Specie? // American Historical Review. 1958. Vol. 63. № 4. P. 918–923.
11. Ritcheson C. R. The Preparation of the Stamp Act // William and Mary Quarterly. 1953. 3rd Ser. Vol. 10. № 4. P. 543–559.
12. Bullion J. L. This Great and Necessary Measure: George Grenville and the Genesis of the Stamp Act 1763–1765. Columbia: University of Missouri Press, 1982.
13. Lawson P. George Grenville and America: The Years of Opposition 1765–1770 // William and Mary Quarterly. 1980. Vol. 37. № 4. P. 561–576.
14. Hecht J. J. Review: British Politics and the Stamp Act Crisis: The First Phase of the American Revolution, 1763–1767 // New England Quarterly. 1976. Vol. 49. № 1. P. 172–174.
15. Gipson L. H. The Coming of the Revolution. New York: Harper and Row, 1954.
16. Lamb M. Questions of Taxation Research Framed as Accounting Research: A Suggested Approach // Accounting Historians Journal. 2003. Vol. 30. № 2. P. 175–196.

17. Kozub R. M. Antecedents of the Income Tax in Colonial America // *Accounting Historians Journal*. 1983. Vol. 10. № 2. P. 99–116.
18. Langford P. Review: A Great and Necessary Measure. George Grenville and the Genesis of the Stamp Act 1763–1765 // *English Historical Review*. 1985. Vol. 100. № 397. P. 897–898.
19. Newcomb B. H. Effects of the Stamp Act on Colonial Pennsylvania Politics // *William and Mary Quarterly*. 1966. 3-rd Ser. Vol. 23. № 2. P. 257–272.
20. Kalpagam U. Colonial Governmentality and the “Economy” // *Economy and Society*. 2000. Vol. 29. № 3. P. 418–438.
21. Макаров Е. П. Закон о гербовом сборе в восприятии политической нации североамериканских колоний Великобритании // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки*. 2022. № 1 (846). С. 95–102.
22. Breen T. H. Ideology and Nationalism on the Eve of the American Revolution: Revisions Once More in Need of Revising // *Journal of American History*. 1997. Vol. 84. № 1. P. 13–39.
23. Thompson M. Massachusetts and New York Stamp Acts // *William and Mary Quarterly*. 1969. Vol. 26. № 2. P. 253–258.
24. Pole J. R. *Foundations of American Independence 1763–1815*. London: Wm. Collins Sons & Co., Ltd., 1973.
25. Henderson H. J. Taxation and Political Culture: Massachusetts and Virginia, 1760–1800 // *William and Mary Quarterly*. 1990. Vol. 4. № 1. P. 90–114.

REFERENCES

1. Bullion, J. L. (1992). British Ministers and American Resistance to the Stamp Act, October–December 1765. *William and Mary Quarterly*, 49(1), 89–107.
2. Langford, P. (1976). Review: British Politics and the Stamp Act Crisis: The First Phase of the American Revolution, 1763–1767. *English Historical Review*, 91(359), 393–395.
3. Thomas, P. D. G. (1975). *British Politics and the Stamp Act Crisis*. Oxford: Clarendon Press.
4. Dickerson, O. M. (1951). British Control of American Newspapers on the Eve of the Revolution. *New England Quarterly*, 24(4), 453–468.
5. Bailyn, B. (1967). *The Ideological Origins of the American Revolution*. Cambridge: Harvard University Press.
6. Makarov, E. P. (2024). Formation of Virginian opposition to the Stamp Act of 1765. *Samara Journal of Science*, 13(2), 130–132. (In Russ.)
7. Burg, D. F. (2004). *A World History of Tax Rebellions*. New York and London: Routledge.
8. Dowell, S. (1873). *A History and Explanation of the Stamp Duties*. London: Longmans, Green & Co.
9. Koeppe, A. (1976). *The Stamps that Caused the American Revolution: The Stamps of the 1765 British Stamp Act for America*. New York: American Revolution Bicentennial Commission.
10. Sosin, J. M. (1958). A Postscript to the Stamp Act: George Grenville's Revenue Measures: A Drain on Colonial Specie? *American Historical Review*, 63(4), 918–923.
11. Ritcheson, C. R. (1953). The Preparation of the Stamp Act. *William and Mary Quarterly*, 3rd Ser., 10(4), 543–559.
12. Bullion, J. L. (1982). *This Great and Necessary Measure: George Grenville and the Genesis of the Stamp Act 1763–1765*. Columbia: University of Missouri Press.
13. Lawson, P. (1980). George Grenville and America: The Years of Opposition 1765–1770. *William and Mary Quarterly*, 37(4), 561–576.
14. Hecht, J. J. (1976). Review: British Politics and the Stamp Act Crisis: The First Phase of the American Revolution, 1763–1767. *New England Quarterly*, 49(1), 172–174.
15. Gipson, L. H. (1954). *The Coming of the Revolution*. New York: Harper and Row.
16. Lamb, M. (2003). Questions of Taxation Research Framed as Accounting Research: A Suggested Approach. *Accounting Historians Journal*, 30(2), 175–196.
17. Kozub, R. M. (1983). Antecedents of the Income Tax in Colonial America. *Accounting Historians Journal*, 10(2), 99–116.
18. Langford, P. (1985). Review: A Great and Necessary Measure. George Grenville and the Genesis of the Stamp Act 1763–1765. *English Historical Review*, 100(397), 897–898.
19. Newcomb, B. H. (1966). Effects of the Stamp Act on Colonial Pennsylvania Politics. *William and Mary Quarterly*, 3-rd Ser., 23(2), 257–272.
20. Kalpagam, U. (2000). Colonial Governmentality and the “Economy”. *Economy and Society*, 29(3), 418–438.
21. Makarov, E. P. (2022). The Stamp Act of 1765 as a perceived by the political nation of the North American colonies of Great Britain. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Science*, 1(846), 95–102. (In Russ.)

22. Breen, T. H. (1997). Ideology and Nationalism on the Eve of the American Revolution: Revisions Once More in Need of Revising. *Journal of American History*, 84(1), 13–39.
23. Thompson, M. (1969). Massachusetts and New York Stamp Acts. *William and Mary Quarterly*, 26(2), 253–258.
24. Pole, J. R. (1973). *Foundations of American Independence 1763–1815*. London: Wm. Collins Sons & Co., Ltd.
25. Henderson, H. J. (1990). Taxation and Political Culture: Massachusetts and Virginia, 1760–1800. *William and Mary Quarterly*, 1(47), 90–114.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Макаров Егор Павлович

кандидат исторических наук

доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук

Самарского государственного технического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Makarov Egor Pavlovich

PhD (History)

Associate Professor at the Department Philosophy, Social Sciences and Humanities

Samara State Technical University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

01.04.2025
19.05.2025
08.10.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Взаимодействие войск Северо-Западного фронта Русской императорской армии в ходе ведения Варшавско-Ивангородской операции

П. В. Пантелеев

Научно-исследовательский институт (военной истории)
Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации, Москва, Россия
panteleew.p@yandex.ru

Аннотация. Целью статьи является ознакомление с деятельностью руководства Северо-Западным фронтом, 1-й, 2-й, 5-й и 10-й армий, входящих в его состав, а также корпусов и дивизий этих армий по взаимодействию войск в ходе ведения Варшавско-Ивангородской операции. Применение основных методов историко-системного, историко-типологического и метода синтеза информации из опубликованных источников и архивных документов позволило провести исследование достаточно большого количества исторических документов Ставки Верховного главнокомандующего, войск Северо-Западного фронта, действующего на направлении главного удара во втором периоде Варшавско-Ивангородской операции. В исследовании раскрывается алгоритм деятельности полевых управлений и штабов Северо-Западного фронта, войск, входящих в его состав по поддержанию взаимодействия, а также раскрывается зависимость от управленческих действий Ставки Верховного главнокомандующего на всем протяжении ведения операции. Приводятся примеры по поддержанию взаимодействия войск различного уровня управления в ходе ведения боевых действий последовательно по дням операции и направлениям действий войск. Показываются сложности в поддержании взаимодействия по этапам развития операций (при ведении оборонительных действий, переходе в наступление). Раскрываются документы, позволяющие определить действия командующих (командиров, начальников), их штабов на всех этапах ведения операций. На основании рассмотренных исторических и аналитических документов раскрывается структура руководства взаимодействием войск Северо-Западного фронта с началом второго периода Варшавско-Ивангородской операции; делаются выводы о приемах поддержания взаимодействия войск и последовательности достижения устойчивого взаимодействия в ходе операции.

Ключевые слова: взаимодействие войск, организация взаимодействия, руководство взаимодействием, Н. И. Иванов, Великий князь генерал-адъютант Николай

Для цитирования: Пантелеев П. В. Взаимодействие войск Северо-Западного фронта Русской императорской армии в ходе ведения Варшавско-Ивангородской операции // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2025. Вып. 3 (860), С. 82–90.

Original article

Interaction of Troops of the Northwestern Front of the Russian Imperial Army During the Warsaw-Ivangorod Operation

Pyotr V. Panteleev

Scientific Research Institute (Military History)
Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation, Moscow, Russia
panteleew.p@yandex.ru

Abstract. The purpose of the article is to familiarize with the activities of the leadership of the Northwestern Front, the 1st, 2nd, 5th and 10th armies, which are part of it, as well as the corps and divisions of these armies on the interaction of troops during the Warsaw-Ivangorod operation. The use of basic modern research methods such as historical-systemic, historical-typological and synthesis of

information from published sources and archival documents allowed us to study a fairly large number of historical documents of the Headquarters of the Supreme Commander, the Northwestern Front, the armies and corps that make up its composition at each stage of the Warsaw-Ivangorod operation in the First World War. The study reveals the sequence and content of the work of the field offices of the front, army headquarters and field offices of the corps that make up its composition to guide the interaction of troops during the Warsaw-Ivangorod operation. Examples of coordination of efforts between various governing bodies, armies, corps and divisions in the course of combat operations are given sequentially according to the days of the operation and the directions of the troops' actions. The difficulties in maintaining cooperation in the stages of development of operations (during defensive operations, going on the offensive, crossing the Vistula, organizing the pursuit of retreating Austro-German troops) are shown. Documents are disclosed that make it possible to determine the actions of commanders (commanders, chiefs) and their staffs at all stages of operations (combat operations), the components of interaction management and the techniques used in this process. Based on the reviewed historical and analytical documents the structure of the leadership of the interaction of the troops of the Northwestern Front with the beginning of the second period of the Warsaw-Ivangorod operation is revealed and conclusions are drawn about the methods of maintaining the interaction of troops and the sequence of achieving sustainable interaction during the operation. In addition, conclusions are drawn about the impact and role of organized interaction before the start of the operation on its maintenance and recovery during the course of the operation.

Keywords: interaction of troops, organization of interaction, leadership of interaction, N. I. Ivanov, Grand Duke Adjutant General Nikolai

For citation: Panteleev, P.V. (2025). Interaction of troops of the Northwestern Front of the Russian Imperial Army during the Warsaw-Ivangorod operation. *Vestnik of the Moscow State Linguistic University. Social Sciences*, 3(860), 82–90. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Одной из важнейших операций Первой Мировой войны является Варшавско-Ивангородская операция 1914 года [Строков, 1974]. Ее подготовка осуществлялась в сложных условиях еще не завершенных первых операций Первой мировой войны (Восточно-Прусской и Галицийской операций) и проводилась с 15 (28) сентября по 26 октября (8 ноября) 1914 года [Вооруженные силы России в Первой мировой войне (1914–1917), 1938]. Результаты первых операций двух фронтов разнились. Неудачи Северо-Западного фронта, связанные с гибелью 2-й армии, отходом 1-й армии из Восточной Пруссии, и достаточно успешные действия Юго-Западного фронта, заключающиеся в овладении Львовом и Галичем, разгроме противника и продолжением наступления в форме преследования австро-венгерских войск, оказали серьезное влияние на последующий ход событий. Каждый фронт действовал как бы на отдельном, изолированном направлении, самостоятельном театре войны (промежуток между фронтами составлял около 200 км), и каждый считал свой театр главным. На Северо-Западном и Юго-Западном фронтах шли тяжелые и изнурительные бои. В свою очередь влияние на подготовку оказывало состояние и положение французской армии на р. Эн и у Вердена, являющейся союзником России [Варшавско-Ивангородская операция ..., 1938].

В подготовке и ведении Варшавско-Ивангородской операции приняли участие войска Северо-Западного и Юго-Западного фронтов. Причем в первом периоде с 15 (28) сентября по 30 сентября (13 октября) 1914 года основная нагрузка при подготовке и ведении операции легла на Юго-Западный фронт [Корольков, 1923]. Северо-Западному фронту проведением частной наступательной операции в районе г. Августов¹ была отведена роль по недопущению дополнительной переброски германских войск в Польшу для участия против войск Юго-Западного фронта [там же]. Вследствие критического положения дел под Варшавой и пассивных действий 2-й армии 29 сентября (12 октября) 1914 года Ставкой Верховного главнокомандования было проведено четвертое совещание в Холме [Российская империя: победы и поражения на фронтах Первой мировой войны, 2014]. 30 сентября (13 октября) 1914 года результаты совещания были доведены директивой Ставки Верховного главнокомандующего до обоих фронтов [Корольков, 1923]. С этого периода Северо-Западный фронт приступил к полному участию в Варшавско-Ивангородской операции².

¹РГВИА. Ф. 2019. Штаб главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта. Оп. 1. Управление генерал-квартирмейстера. Д. 5. Директивы и распоряжения Верховного главнокомандующего по ведению военных действий.

²РГВИА. Ф. 2019. Штаб главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта. Оп. 1. Управление генерал-квартирмейстера.

Подготовка ко второму периоду Варшавско-Ивангородской операции заняла непродолжительное время (всего 5 дней) и осуществлялась в непростых условиях продолжающихся боев, боевых действий и сражений 2-й армией по обороне Варшавы, 1-й и 10-й армий в Восточной Пруссии, перегруппировкой 5-й армии на новое направление действий совместно с 2-й армией.

Организация взаимодействия являлась важной составной частью подготовки второго периода Варшавско-Ивангородской операции и оказала важнейшее влияние как в ходе операции, так и в достижении определенных Ставкой Верховного главнокомандующего и руководством Северо-Западным фронтом целей операции.

В статье рассматривается влияние организованного взаимодействия до начала операции на последовательность, содержание и роль руководства взаимодействием войск Северо-Западного фронта в ходе ведения Варшавско-Ивангородской операции.

МЕТОДЫ РЕШЕНИЯ РАССМОТРЕННОЙ ЗАДАЧИ

Современные методы исследования, такие как историко-системный [Ковальченко, 2003], историко-типологический [Гаврилов, Прямицын, 2022] и метод синтеза информации из опубликованных источников и архивных документов [Визильтир, 2025], дали возможность осуществить краткий анализ различных боевых документов Ставки Верховного главнокомандующего Северо-Западного и частично Юго-Западного фронтов по управлению и взаимодействию, а также армий, корпусов других войск и родов войск, входящих в их состав, и определить на их основе существовавший в то время порядок функционирования полевых управлений (штабов), их оперативных составов и оказанное влияние на деятельность полевых управлений (штабов) всех уровней по руководству взаимодействием войск в ходе ведения Варшавско-Ивангородской операции.

РУКОВОДСТВО ВЗАИМОДЕЙСТВИЕМ ВОЙСК СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА С ПЕРЕХОДОМ В НАСТУПЛЕНИЕ И ПРИ ВЕДЕНИИ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ

Второй период Варшавско-Ивангородской операции начался 1 (14) октября 1914 года и осуществлялся ведением войсками Северо-Западного фронта (2-й армией и принаревской группой)

Д. 6. Распоряжения Верховного главнокомандующего о переброске частей войск, о расположении противника и др.

оборонительных действий с 1 (14) по 4 (17) октября 1914 года, в ходе которых проводилась подготовка к наступлению [Корольков, 1923].

Наступательная операция началась 5 (18) октября 1914 года на основании двух директив (основной и дополнительной, компромиссной¹) Ставки Верховного главнокомандующего от 4 (17) октября 1914 года и директив главнокомандующих Юго-Западным от 30 сентября (13 октября) и Северо-Западным от 4 (17) октября 1914 года фронтами 2-й, 5-й армиями и принаревской группой [Корольков, 1923; Варшавско-Ивангородская операция ..., 1938].

В связи с трудностями в организации связи, недостатком тяжелой артиллерии для поддержки боевых действий, недостаточной согласованностью в действиях своих войск наступление 1-го и 1-го Сибирского корпусов 2-й армии, перешедших в наступление на левом фланге армии, проходило сложно и при постоянном упорном противодействии противника. Продвижение за первый день операции на левом фланге армии составило около 5 км (рис. 1) [Корольков, 1923; Атлас офицера. Географический атлас, 2021].

В связи с атаками противником правого фланга, 2-я армия 5 (18) и 6 (19) октября вела только тяжелые оборонительные бои. Боевые действия на левом берегу Вислы осуществлялись 4-м и 2-м Сибирским корпусами. Для содействия войскам и недопущения прорыва противником обороны на данном направлении из Новогеоргиевска была направлена 79-я дивизия [Варшавско-Ивангородская операция ..., 1938].

В связи с непродуманностью в организации переправы частей 5-й армии через Вислу, слабой обеспеченностью переправочными средствами к исходу 5 (18) октября была переправлена только одна бригада с двумя орудиями. Принятые меры по ускорению переправы позволили к исходу 6 (19) октября переправить всю пехоту и 12 орудий 19-го корпуса, что всё равно было недостаточно для ведения быстрого наступления против противника, который уже приступил к отводу своих войск в западном направлении и в то же время подготавливал удар от Козенице в направлении на Казимерж во фланг наступающим русским войскам [Корольков, 1923].

¹Основная директива Ставки Верховного главнокомандующего от 4 (17) октября определяла переход в наступление одновременно обоим фронтам (Северо-Западному и Юго-Западному) 5 (18) октября 1914 года. В связи с докладами главнокомандующих фронтами от неготовности войск армий о переходе в наступление в указанную дату, Ставкой Верховного главнокомандующего дополнительной директивой также от 4 (17) октября 1914 года был указан разновременный переход в наступление: 5 (18) октября – 2-я армия при поддержке 5-й армии Северо-Западного фронта, 9 (22) октября – 4-я армия, 10 (23) октября – 9-я армия Юго-Западного фронта.

Рис. 1. Варшавско-Ивангородская операция. 15 (28) сентября – 26 октября (8 ноября) 1914 года

Наступление обеих армий (2-й и 5-й) было продолжено с утра 7 (20) октября 1914 года и осуществлялось при слабом противодействии отходящих войск противника и разрушения им дорог, мостов, устройством различных заграждений на маршрутах передвижения. К исходу 9 (22) октября части Северо-Западного фронта (2-я и 5-я армии) вышли на р. Равка, на которой сопротивление противника уже возросло.

Для наращивания усилий Северо-Западного фронта на правом фланге, прикрытия и обеспечения задуманного Ставкой Верховного главнокомандующего удара в направлении Силезии директивой от 11 (24) октября была создана новая 1-я армия в составе 4-го, 1-го Туркестанских корпусов, 5-го и 6-го Сибирских корпусов (вновь формируемых), 4-й и 6-й казачьих дивизий под командованием генерала Ренненкампа и всего полевого управления старой первой армии, а соединения и части старой 1-й армии были объединены с 10-й армией по руководством генерала Сиверса [там же].

На основании решения Ставки Верховного главнокомандующего разгром противника в районе р. Равка предусматривалось осуществить проведением армейских наступательных операций 5-й армии Северо-Западного и 4-й армии Юго-Западного фронтов, а в последующем наращиванием усилий на стыке двух фронтов вводом в сражение армейских и фронтовых резервов во фланг и тыл обороняющихся войск противника в общем направлении на Радом при взаимных и согласованных действиях всех войск и родов войск завершить его разгром.

Но проводимые согласования между армиями путем обмена различными депешами 11 (24) и 12 (25) октября к положительному результату не привели вследствие разности в понимании задач

и отсутствия общего руководства за их действиями¹. В целях устранения проблем в руководстве взаимодействием Ставка Верховного главнокомандующего директивой от 12 (25) октября определяет задачи, заключающиеся в приостановке наступления 2-й и 5-й армий, оказании содействия 5-й армией разгрому противника и овладении районом Радом 4-й и 9-й армиями Юго-Западного фронта при согласовании совместных усилий в действиях. Но, к сожалению, общее руководство на данном направлении при совместном решении задач войск двух фронтов так определено и не было [Корольков, 1923]. В течение 12 (25)–14 (27) октября различными указаниями и приказами осуществлялось руководство взаимодействием при ведении боевых действий у Ежова, Равы, Ново-Място [там же].

РУКОВОДСТВО ВЗАИМОДЕЙСТВИЕМ ВОЙСК СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА В ХОДЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ОТХОДЯЩИХ ВОЙСК ПРОТИВНИКА

Успешные наступательные операции 4-й и 9-й армий Юго-Западного фронта, отход противника в западном направлении, а также тщательная всесторонняя оценка обстановки полевым управлением Северо-Западного фронта позволили его главнокомандующему принять решение на осуществление преследования с 16 (29) октября 1914 года [Вооруженные силы России ..., 2014]. Но ряд недостатков, допущенных 2-й и 5-й армиями (несвоевременное обнаружение отхода противника, сложности с переправой 19-го корпуса 5-й армии), позволила противнику оторваться от преследуемых войск² [Корольков, 1923]. Кроме того, отрицательную роль сыграли и допущенные ошибки в согласованных действиях по взаимному прикрытию флангов на стыке двух армий (5-й армии Северо-Западного фронта, наступающей на юго-запад и 9-й армии Юго-Западного фронта, всё больше отклонявшейся на юг для поддержки наступательных действий 3-й и 8-й армий Юго-Западного фронта в Галиции)³ [Корольков, 1923].

¹РГВИА. Ф. 2118. Штаб 4-й армии. Оп. 1. Отдел генерал-квартирмейстера штаба 4-й Армии. Д. 6. Ч. 16. Оперативные директивы главнокомандующего фронтом и командующего армией; переписка со штабами фронта, соседних армий и подчиненных соединений армии в связи с развитием общего (второго) наступления армий фронта.

²РГВИА Ф. 2110. Штаб 2-й армии. Оп. 1. Отдел генерал-квартирмейстера штаба 2-й Армии. Д. 4. Приказы главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта по войскам фронта; приказы по войскам 2-й армии и штабу армии по оперативной, строевой и хозяйственной частям.

³РГВИА. Ф. 2067. Штаб главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта. Оп. 1. Управление генерал-квартирмейстера и дежурного генерала. Д. 9. Приказы армиям Юго-Западным фронта.

В целях наращивания усилий по преследованию отходящего противника и ускорения наступления войск фронтов директивой Ставки Верховного главнокомандующего от 18 (31) октября 1914 года была поставлена задача на недопущение потери соприкосновения с противником при его преследовании и выходе на рубеж Кросневице, Уенов, Шадек, Ласки, Пшедбуш. Задача по выходу на указанные рубежи была выполнена к исходу 20 октября (2 ноября) 1914 года. Ширина полос наступления 2-й и 5-й армий Северо-Западного фронта составила свыше 150 км.

В это же время в целях обеспечения отражения ударов в правый фланг наступающей группировки (2-й и 5-й армий) в Восточной Пруссии проводились боевые действия 1-й и 10-й армий, носившие в целом успешный характер и отмеченные главнокомандующим Северо-Западным фронтом как высокометодичные, позволившие последовательно достичь целей операций на данном направлении [там же].

На основном же западном направлении в целях подготовки глубокого вторжения в Германию основной директивой Ставки Верховного главнокомандующего от 20 октября (2 ноября) 1914 года были поставлены задачи:

- по завершению разгрома германских войск в Восточной Пруссии группировками войск 10-й и 1-й армий;
- овладении рубежом на правом фланге фронта 10-й армией линией Мазурских озер, соединениями и частями 1-й армии на Нижней Висле;
- в надежном обеспечении правого фланга основной наступающей группировки (2-й и 5-й армий);
- 2-й и 5-й армиям требовалось закрепить на достигнутых рубежах, в кратчайшие сроки обеспечить подготовку к последующим наступательным действиям (восстановить разрушенные железные дороги, мосты на р. Висле, пополнить запасы людских ресурсов и материальных средств);
- в случае проведения германскими войсками наступления с направления Пшедбуж, Томашев и Калиш, Лодзь отразить удары и перейти в решительное наступление.

В целях понимания замысла действий, предлагаемого Ставкой, единства и согласованного применения войск фронтов, Верховный главнокомандующий предложил главнокомандующим Северо-Западным и Юго-Западным фронтами подготовить свои сообщения о наступлении в Германию [там же].

Предложенные главнокомандующими Северо-Западным и Юго-Западным фронтами сообщения были доложены в Ставку Верховного главнокомандующего и показывали стремление каждого главнокомандующего по нанесению главного удара фронта в своей полосе и попытках переложения

ответственности по вопросам боевого обеспечения, прикрытия взаимодействующих флангов на войска соседнего фронта [там же].

Ставка Верховного главнокомандующего, изучив положение на фронтах и на основании последних сведений о противнике (вероятном характере его действий), директивой от 28 октября (10 ноября) довела окончательный план продолжения наступления. Срок начала наступления зависел от готовности армий фронта и невыясненности положения противника (вследствие оторванности его от преследования, получения им возможности маневрирования и создания контрударных группировок за счет поставок резервов). Предполагаемая дата наступления – 30 октября (12 ноября) или 31 октября (13 ноября) 1914 года [там же].

Задачи были определены ясно и заключались в разгроме противника на рубеже Калиш, Ченстохов силами 1-й, 2-й, 5-й армий, а также 4-й армией, передаваемой из состава Юго-Западного фронта на период разгрома Ченстоховской группировки противника, тесном взаимодействии с 9-й армией этого же фронта и обеспечении успешных действий при прикрытии правого фланга наступающей группировки 10-й армией Северо-Западного фронта в Восточной Пруссии, дальнейшем развитии наступления на запад, овладении рубежом Ярочин, Кемпен, Коттовице, Освецим и создании условий для последующих действий. Сроки наступления было предложено определить главнокомандующим фронтами исходя из готовности войск [там же].

Некоторые новые сведения о вероятном характере действий противника по перегруппировке войск севернее Калиша, перевозок войск из Летцена к Торну привели к необходимости внесения дополнительных изменений в план операции, который считался уже окончательным. Данные изменения были доведены директивой Ставки Верховного главнокомандующего от 30 октября (12 ноября) 1914 года и заключались в создании условий по недопущению перегруппировок войск противника. Задач по нанесению поражения и разгрому войскам противника вообще не ставилось.

Краткий анализ управленческих документов, направленных на согласованное применение всех войск в ходе Варшавско-Ивангородской операции, показывает, что поддержание организованного ранее взаимодействия всех соединений и частей осуществлялось на основании указаний, сводок, обсуждений по телефону, совместных совещаний, директив Ставки Верховного главнокомандующего.

Руководство взаимодействием всех войск Северо-Западного фронта в ходе ведения операции являлось важнейшей составной частью управленческой деятельности фронта, штабов 2-й, 5-й

СТРУКТУРА РУКОВОДСТВА ВЗАИМОДЕЙСТВИЕМ ВОЙСК СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА В ХОДЕ ВАРШАВСКО-ИВАНГОРОДСКОЙ ОПЕРАЦИИ

Составлена по: РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 5. Л. 72–88. Д. 6. Л. 198. Д. 15. Л. 112. Ф. 2067. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 9. Л. 302–312;
 Корольков Г. К. Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч. 2. М.: Воен. Типография Штаба РККА, 1923. С. 40–78;
 Российская империя: победы и поражения на фронтах Первой мировой войны. М.: Олма. Медиа. Групп, 2014. С. 71;
 Государственное и военное управление России и СССР в войнах XVIII–XX веков. Историко-теоретический труд. Ч. 1. М.: ВАГШ, 2003. С. 277–278

армий, действующих на направлении главного удара, 1-й, 10-й армий, осуществляющих прикрытие правого фланга ударной группировки, а также других родов войск, обеспечивающих действия всех войск во всей полосе на протяжении всего второго периода Варшавско-Ивангородской операции (схема 1). Важным являлось постоянное поддержание взаимодействия с частями, соединениями, корпусами и армиями соседнего Юго-Западного фронта, наступающего на направлении другого удара.

Постоянный анализ поступающей информации от войск, находящихся на линии боевого соприкосновения и ведущих активные боевые действия во взаимодействии с другими войсками и родами войск, в целом позволял влиять на складывающуюся обстановку, а в критических ситуациях немедленное реагирование позволяло вносить важные правки в планы действий.

Поддержание взаимодействия между полевым управлением главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта и армиями, корпусами и дивизиями осуществлялось директивами, приказами (приказаниями), сводками и указаниями по линиям управления и взаимодействия между полевыми управлениями (штабами) различных органов управления:

- от начальников дивизий и их полевых управлений командирам корпусов и их полевым управлениям [Мечетный, 2024];

- от командиров корпусов и их управлений командующим армиями и их штабам [Положение о полевом управлении войск в военное время. 1914];

- от командующих армиями и их штабов главнокомандующему армиями Северо-Западного фронта и его полевому управлению [Мечетный, 2024];

- от главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта и его полевого управления Верховному главнокомандующему и его штабу [там же].

Указания (распоряжения, приказы, директивы) по вопросам управления и руководства взаимодействием доводились в общей системе связи, организованной при подготовке и ведении Варшавско-Ивангородской операции. Передача различных данных и сведений между Ставкой Верховного главнокомандующего и штабом Северо-Западного фронта осуществлялась по государственной системе электросвязи (аппараты Бодо и Юза), между штабом Северо-Западного фронта и 2-й, 5-й, 1-й и 10-й армиями телеграфной связью с применением аппаратов Юза и Морзе [История военной

НАРУШЕНИЯ В РУКОВОДСТВЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕМ ВОЙСК СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА В ХОДЕ ВАРШАВСКО-ИВАНГОРОДСКОЙ ОПЕРАЦИИ

Составлена по: РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 5. Л. 72–88. Д. 6. Л. 198. Д. 15. Л. 112. Ф. 2067. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 9. Л. 302–312;
Корольков Г. К. Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч. 2. М.: Воен. Типография Штаба РККА, 1923. С. 40–78;
Российская империя: победы и поражения на фронтах Первой мировой войны. М.: Олма. Медиа. Групп, 2014. С. 71;
Государственное и военное управление России и СССР в войнах XVIII–XX веков. Историко-теоретический труд. Ч. 1. М.: ВАГШ, 2003. С. 277–278

связи, 1983]. По обратным каналам осуществлялся доклад о выполнении поставленных задач, на основании которого при необходимости вносились требуемые изменения по согласованному применению всех войск и родов войск в операции и при ведении боевых действий.

Срочные указания в целях кардинального влияния по согласованию действий войск вносились по результатам совместных совещаний с руководством Ставки ВГК в г. Холм и учета действий взаимодействующих армий Юго-Западного фронта [Государственное и военное управление России и СССР в войнах XVIII–XX веков, 2003].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Приведенный в исследовании краткий анализ боевых документов из архивных источников, а также исторические сведения о ходе ведения Варшавско-Ивангородской операции позволяют сделать ряд выводов.

1. Организованное взаимодействие на этапе подготовки Варшавско-Ивангородской операции в течение четырех суток, заключающееся в тщательном согласовании порядка и последовательности действий всех войск Северо-Западного фронта, а также армий и корпусов, входящих в их состав, привело в целом к успешному решению задач операции при ведении вначале оборонительных, затем и наступательных действий армий фронта, но не позволило качественно организовать преследование отходящего противника.

2. Руководство взаимодействием в ходе операции на всех ее этапах позволило в целом достичь целей операции – разгромить и оттеснить войска противостоящего противника от Вислы, овладеть определенными директивой Ставки Верховного главнокомандующего рубежами (районами), создать условия для последующих действий.

В то же время имевшие место недостатки, связанные с не вполне верной оценкой обстановки (положение и характер действий противника [Людендорф, 1923]), некоторой растерянностью и нерешительностью со стороны руководства фронта (боязни повторения «Танненберга» [Лиддел Харт]), не позволили окружить и разгромить войска противника во взаимодействии с Юго-Западным фронтом и как следствие позволили германским и австрийским войскам оторваться от наших войск [Мозер, 1923], выйти организованно на свои тыловые рубежи и приступить к подготовке последующих операций, несмотря на огромные сложности, связанные с усталостью личного состава, проблемами с руководством войсками в ходе отхода в новые районы (на новые рубежи) [Людендорф, 1923].

3. Имевшие место нарушения в руководстве взаимодействием в ходе операции (схема 2) явились основной причиной недостижения целей операции в полном объеме. Основными же явились неумение использования результатов побед в ходе наступательных действий 2-й и 5-й армий вследствие отсутствия настойчивости при выполнении поставленных задач, несвоевременности доведения срочных указаний по согласованным

действиям войск армий в ходе преследования, немедленным реагированием на изменения обстановки [Государственное и военное управление России ... , 2003].

4. С каждым днем операции всё больше стала проявляться техническая отсталость, связанная с недостатками средств связи, понтонов,

оружия (пушек, пулеметов) и боеприпасов к ним [Олейников, 2019]. Удовлетворение проблемных вопросов по согласованию действий войск, улучшению их обеспечения всем необходимым, а также по устройству тыла осуществлялось крайне сложно и в малых (недостаточных) объемах [Головин, 2001].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Строчков А. А. Вооруженные силы и военное искусство в Первой мировой войне. М.: Военное изд-во, 1974.
2. Вооруженные силы России в Первой мировой войне (1914–1917). Т. 1. М.: Мегapolis, 2014.
3. Варшавско-Ивангородская операция: сборник документов мировой империалистической войны на русском фронте (1914–1917). М., 1938.
4. Корольков Г. К. Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч. 2. М.: Воен. Типография Штаба РККА, 1923.
5. Российская империя: победы и поражения на фронтах Первой мировой войны. М.: Олма. Медиа. Групп. 2014..
6. Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. 2-е изд., доп. М.: Наука, 2003.
7. Гаврилов А. Г., Прямыцын В. Н. Установление многоаспектной и многоуровневой типизации на примере исследования истории метеорологического обеспечения Военно-Воздушных сил Красной армии в годы Великой отечественной войны (1941–1945) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12. № 5. С. 180–185.
8. Визильтир Е. В. Формирование отрицательного мировоззрения к самодержавной власти у населения Российской империи в 1916 году // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15. № 1. С. 207–215.
9. Атлас офицера. Географический атлас. М.: Красная звезда, 2021.
10. Мечетный Т. С. Организация взаимодействия между подразделениями органов военного управления // Актуальные исследования // Международный научный журнал. 2024. № 7 (189). С. 11–15.
11. Положение о полевом управлении войск в военное время. СПб.: Военная Типография Императрицы Екатерины Великой (в здании Главного Штаба), 1914.
12. История военной связи. Т. 1. Становление и развитие военной связи в России. М.: Военное изд-во, 1983.
13. Государственное и военное управление России и СССР в войнах XVIII–XX веков // Историко-теоретический труд. Ч. 1. М.: ВАГШ, 2003.
14. Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. М., 1923–1924. Т. 1. 1923.
15. Лиддел Харт Б. Х. Правда о войне 1914–1918 гг. М.: Государственное военное изд-во, 1935.
16. Мозер О. Краткий стратегический обзор Мировой войны 1914–1918 годов. М., 1923.
17. Головин Н. Н. Военные усилия России в мировой войне. М.: Кучково поле, 2001.
18. Олейников А. В. Русское военное искусство Первой мировой. М.: Яуза, 2019.

REFERENCES

1. Stokov, A. A. (1974). Vooruzhennye sily i voennoe iskusstvo v Pervoj mirovoj vojne. Moscow: Voennoe izdatel'stvo.
2. Vooruzhennye sily Rossii v pervoj mirovoj vojne (1914–1917). T. 1 = The Russian Armed Forces in the First World War (1914–1917). Vol.1. (2014). Moscow: Megapolis. (In Russ.)
3. Varshavsko-Ivangorodskaya operaciya. (1938). Sbornik dokumentov mirovoj imperialisticheskoy vojny na russkom fronte (1914–1917 gg.) = The Warsaw-Ivangorod operation. Collection of documents of the World Imperialist War on the Russian Front (1914–1917). Moscow.
4. Korol'kov, G. K. (1923). Strategicheskij ocherk vojny 1914–1918 gg. chast' 2. = A strategic sketch of the war of 1914–1918. Part 2. Moscow: Voen. Tipografiya Shtaba RKKA. (In Russ.)
5. Rossijskaya imperiya: pobedy i porazheniya na frontah Pervoj mirovoj vojny (2014) = The Russian Empire: victories and defeats on the fronts of the First World War. Moscow: Olma. Media. Grupp.
6. Koval'chenko, I. D. (2003). Metody istoricheskogo issledovaniya. Izdanie vtoree, dopolnennoe = Methods of historical research. Second edition, expanded. Moscow: Nauka. (In Russ.)
7. Gavrilov, A. G., Pryamicyn, V. N. (2022). Establishment of multidimensional and multilevel typification using the example of a study of the history of meteorological support for the Red Army Air Force during the Great Patriotic War (1941–1945). Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo, 12(5), 180–185. (In Russ.)
8. Vizil'tir, E. V. (2025). The formation of a negative worldview towards autocratic power among the population of the Russian Empire in 1916. Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo, 15(1), 207–215. (In Russ.)

9. Atlas oficera. Geograficheskij atlas (2021). = The officer's atlas. Geographical atlas. Moscow: Krasnaya zvezda. (In Russ.)
10. Mechetnyj, T. S. (2024). Organization of interaction between units of military administration bodies. Aktual'nye issledovaniya. Mezhdunarodnyj nauchnyj zhurnal, 7(189), 11–15. (In Russ.)
11. Polozhenie o polevom upravlenii vojsk v voennoe Vremya (1914). = Regulations on the field administration of troops in wartime. St.Petersburg: Voennaya Tipografiya Imperatricy Ekateriny Velikoj (v zdanii Glavnogo Shtaba). (In Russ.)
12. Istoriya voennoj svyazi. (1983). T. 1. Stanovlenie i razvitie voennoj svyazi v Rossii = History of military communications. (Vol. 1). Formation and development of military communications in Russia. Moscow: Voennoe izdatel'stvo. (In Russ.)
13. Gosudarstvennoe i voennoe upravlenie Rossii i SSSR v vojnah XVIII–XX vekov. Istoriko-teoreticheskij trud. Ch. 1. (2003). = The state and military administration of Russia and the USSR in the wars of the XVIII–XX centuries. Historical and theoretical work. Part 1. Moscow: VAGSh. (In Russ.)
14. Lyudendorf, E. (1923–1924). Moi vospominaniya o vojne 1914–1918 gg. = My memories of the war of 1914–1918. (Vol. 1). Moscow. (In Russ.)
15. Liddel Hart, B. H. (1935). Pravda o vojne 1914–1918 gg. = The truth about the war of 1914–1918. Moscow: Gosudarstvennoe voennoe izdatel'stvo. (In Russ.)
16. Mozer, O. (1923). Kratkij strategicheskij obzor Mirovoj vojny 1914–1918 godov = A brief strategic overview of the World War of 1914–1918. Moscow.
17. Golovin, N. N. (2001). Voennye usiliya Rossii v mirovoj vojne = Russia's military efforts in World War II. Moscow: Kuchkovo pole.
18. Olejnikov, A. V. (2019). Russkoe voennoe iskusstvo Pervoj mirovoj = Russian military art of the First World War. Moscow: Yauza. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пантелеев Пётр Валентинович

кандидат военных наук

старший научный сотрудник

Научно-исследовательского института (военной истории)

Военной академии Генерального штаба

Вооруженных Сил Российской Федерации (НИИ (ВИ) ВАГШ ВС РФ)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Panteleev Pyotr Valentinovich

PhD (Military Sciences)

Senior Researcher

Scientific Research Institute (Military History)

Military Academy of the General Staff

Armed Forces of the Russian Federation

Research Institute (VI) VAGSH of the Armed Forces of the Russian Federation

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

17.03.2025
20.04.2025
08.10.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Молодые ученые в современном российском наукограде: коммуникация, вопросы инфраструктуры и научная карьера

К. А. Галкин¹, Е. Н. Рассолова²

^{1,2}Социологический институт РАН

филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Санкт-Петербург, Россия

¹Kgalkin1989@mail.ru

²enrassolova@gmail.com

Аннотация.

В статье рассматриваются особенности и проблемы интеграции молодых исследователей в научное сообщество современного наукограда, а также роль городской инфраструктуры и коммуникационных практик в формировании научной карьеры. Эмпирическую базу исследования составляют полуструктурированные интервью с молодыми учеными, обучающимися и трудоустроенными в наукограде. Всего было собрано 15 интервью. В качестве основного метода анализа использован тематический анализ, в процессе которого были выделены две ключевые темы: значение городской инфраструктуры как среды для научной деятельности и роль коммуникации с научным сообществом, обеспечивающей включенность в научную среду. На основе рассмотрения этих тем сделан вывод о значимости вертикальной интеграции в локальные научные сообщества для молодых ученых. Кроме того, подчеркивается важность развитой инфраструктуры и неформальных каналов общения как факторов, способствующих включению молодых специалистов в профессиональное научное сообщество. Анализируется роль научных коллективов в построении индивидуальных карьерных траекторий, подчеркивая, что как городская среда, так и локальные профессиональные сообщества оказывают существенное влияние на мотивацию молодых исследователей к продолжению академической карьеры. Коммуникация внутри сообщества играет ключевую роль, обеспечивая возможности для эффективной реализации научного потенциала.

Ключевые слова: современные наукограды, молодые кадры в науке, развитие науки, приоритеты научного развития, Иннополис

Для цитирования: Галкин К. А., Рассолова Е. Н. Молодые ученые в современном российском наукограде: коммуникация, вопросы инфраструктуры и научная карьера // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2025. Вып. 3 (860). С. 91–100.

Original article

Young Scientists in the Modern Russian Science City: Communication, Infrastructure Issues and Scientific Career

Konstantin A. Galkin¹, Elena N. Rassolova²

^{1,2}Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences

a branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

¹Kgalkin1989@mail.ru

²enrassolova@gmail.com

Abstract.

The article examines the features and problems of integrating young researchers into the scientific community of a modern science city, as well as analyzes the role of urban infrastructure and communication practices in shaping a scientific career. The empirical basis of the research consists of semi-structured interviews with young scientists studying and employed in the science city. A total of 15 interviews were collected. Thematic analysis was used as the main method of analysis, during

which two key topics were identified: the importance of urban infrastructure as an environment for scientific activity and the role of communication with the scientific community, ensuring inclusion in the scientific environment. Based on the consideration of these topics, it is concluded that vertical integration into local scientific communities is important for young scientists. In addition, the importance of a well-developed infrastructure and informal communication channels is emphasized as factors contributing to the inclusion of young specialists in the professional scientific community. The article also analyzes the role of research teams in building individual career paths, emphasizing that both the urban environment and local professional communities have a significant impact on the motivation of young researchers to pursue an academic career. Communication within the community plays a key role, providing opportunities for the effective realization of scientific potential.

Keywords: modern science cities, young people in science, development of science, priorities of scientific development, Innopolis

For citation: Galkin, K.A., Rassolova, E.N. (2025). Young scientists in the modern Russian science city: communication, infrastructure issues and scientific career. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences*, 3(860), 91 – 100. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Последние двадцать лет характеризуются стремительными изменениями в российской системе управления научными исследованиями и привлечением научных кадров для развития опытно-конструкторских и научно-исследовательских разработок [Варущенко, Владимиров, 2021]. С распадом СССР наука в России, как и опытно-конструкторские и инженерные разработки оказалась на периферии. Стремительно сокращалось финансирование, не развивались новые научные центры, и возникали различные сложности, преимущественно связанные с утечкой высококвалифицированных научных кадров в бизнес-сферу или за границу [Юревич, 2010; Крылова, 2009]. В этот период значительно снизилась престижность научной деятельности, что также способствовало снижению интереса молодежи к научным специальностям и усилило кадровый кризис [Дунаевский и др., 2006]. Существенным фактором кризиса науки стало ухудшение подготовки научных кадров, связанное с сокращением образовательных программ, ориентированных на фундаментальные исследования [Юревич, 2023]. Это отразилось и на наукоградах – специализированных научных центрах, изначально созданных для обеспечения обороноспособности страны и развития научно-технического потенциала. В 1990-е годы их финансирование сократилось, что привело к закрытию многих исследовательских центров и массовому оттоку молодежи [Ревзин, 2020; Глисин, Разин, Хабарова, 2011]. Отсутствие эффективных стратегий по поддержке научных учреждений привело к дисбалансу в отдельных исследовательских направлениях, а также к значительному сокращению количества молодых ученых в стране. Одновременно с этим

происходила деградация инфраструктуры существующих наукоградов, что усложняло их модернизацию и привлечение новых кадров [Акинфеева, Абрамов, 2015; Лескова, 2013].

В 2000-е годы начался процесс реорганизации системы наукоградов, что выразилось в поиске новых форм финансирования, интеграции с рыночной экономикой и создании конкурентоспособных научных проектов. Одним из ключевых шагов стало появление многопрофильных наукоградов, которые стали ориентироваться не только на фундаментальные исследования, но и на коммерциализацию разработок. Важную роль также сыграло развитие социальной инфраструктуры, направленной на привлечение молодых специалистов [Харченко, Щукин, 2022]. Усиление государственной поддержки науки выразилось в запуске программ финансирования исследований, появлении новых грантовых механизмов и создании научных фондов, поддерживающих проекты в сфере высоких технологий [Коростелева, 2023]. Несмотря на эти шаги, вызовы, связанные с развитием наукоградов, оставались значительными. Основные проблемы включали необходимость координации между научными центрами и бизнесом, улучшение условий жизни в наукоградах, а также формирование транспортной и социальной инфраструктуры для комфортной среды [Беляков, Белякова, Проскурнин, 2024; Воропаева, Коростелева, 2023; Sergi, 2019].

Многие исследования показывают, что для успешного функционирования наукоградов необходимы развитые механизмы поддержки стартапов, интеграция университетов с промышленными предприятиями и постоянное привлечение международных партнеров [Dabinett, 2013; Charles, 2015]. Одной из ключевых задач стало

создание новых образовательных стандартов, позволяющих интегрировать научную деятельность в образовательный процесс, тем самым повышая уровень подготовки кадров и стимулируя инновации в самых перспективных направлениях.

Одной из актуальных задач в контексте развития современных наукоградов является привлечение молодежи и содействие формированию у нее устойчивого профессионального самоопределения в научной сфере [Чванова, Киселева, 2021; Тирас, Клименко, Асланиди, 2017]. Решение данной задачи требует не только количественного подхода, направленного на улучшение статистических показателей, открытие новых исследовательских направлений и повышение социальной привлекательности наукоградов, но и внедрения личностно ориентированного подхода. Последний учитывает индивидуальные потребности молодых исследователей и способствует повышению привлекательности работы в наукоградах, а также созданию условий для дальнейшего профессионального роста [Родичев, 2014].

Несмотря на наличие в наукоградах и расположенных в них вузах значительного научного потенциала и возможностей для проведения исследований, уровень привлечения и удержания молодых специалистов в научной сфере остается недостаточным. Одной из причин является фрагментарность информации о карьерных возможностях в таких городах, а также дефицит данных о случаях успешного карьерного развития в рамках работы в наукоградах [Кузнецова, 2022].

Малоизученным аспектом отечественной научной повестки остается исследование карьерных траекторий и личностного развития молодых специалистов в российском наукограде. Современные исследования в области социологии профессий и социологии науки, как правило, рассматривают научную молодежь в широком контексте, без акцентирования внимания на специфике карьерного роста именно в наукоградах [Павлова и др., 2020; Литвинюк, 2020]. Исследователи, изучающие карьерные стратегии в таких городах, подчеркивают необходимость модернизации их социокультурной среды, пересмотра политики в отношении молодых ученых и совершенствования системы профессиональной ориентации начинающих исследователей [Лескова, 2012]. При этом акцент в большинстве работ делается на наукоградах, созданных в советский период, в то время как новые российские наукограды до сих пор остаются недостаточно изученными.

Данное исследование направлено на выявление проблем, с которыми сталкиваются молодые ученые в современных наукоградах, а также на анализ формирования их карьеры через призму

коммуникации с научным сообществом и оценки инфраструктурных особенностей городской среды. Цель исследования заключается в выявлении особенностей и проблем интеграции молодых исследователей в научное сообщество современного наукограда, а также анализе роли городской инфраструктуры и коммуникационных практик в формировании научной карьеры.

В качестве гипотезы выдвигается предположение о том, что в условиях закрытых научных сообществ наиболее эффективной стратегией для молодых исследователей выступает вертикальная интеграция. Эта стратегия предполагает расширение взаимодействия с членами сообщества и формирование представлений о карьерном развитии в рамках существующей структуры наукограда.

МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ

Эмпирическое исследование проводилось в современном наукограде – г. Иннополис. В рамках исследования было собрано 15 полуструктурированных интервью с молодыми учеными, прибывшими в город с целью обучения, развития научной карьеры, а также реализации собственных проектов в сфере информационных технологий. Участниками исследования стали магистранты и аспиранты, проживающие и обучающиеся в Иннополисе на постоянной основе.

Возрастной диапазон информантов составил от 18 до 25 лет. Все информанты являются студентами и аспирантами университета «Иннополис» и проживают в городе на постоянной основе.

Гайд-интервью состояло из пяти тематических блоков. В ходе бесед информантам предлагалось рассказать об особенностях построения собственной научной карьеры, уровне комфорта проживания и работы в Иннополисе, особенностях взаимодействия в рамках местного научного сообщества, а также поделиться планами на будущее.

Для интервью был выбран метод тематического анализа. В процессе работы с текстами использовался секвенциальный подход, согласно которому социальные взаимодействия формируют повседневную жизнь и влияют на систему смыслов, отражаемых индивидами в нарративных конструкциях [Miles, Huberman, 1994; Alhojailan, Ibrahim, 2012].

Анализ осуществлялся поэтапно. На первом этапе были выделены ключевые секвенции – фрагменты интервью, затрагивающие следующие темы: «комфорт и доступность городской среды», «коммуникация внутри локального научного сообщества города Иннополис», «построение карьеры молодого ученого», «удовлетворенность жизнью в наукограде».

На втором этапе устанавливались логические связи между темами, анализировались эмоциональный контекст, а также особенности повествовательных структур и способ подачи информации. На третьем этапе были сформированы ключевые субтемы, через которые респонденты описывали восприятие инфраструктур, особенности коммуникации и степень интеграции в научную среду. К таким субтемам отнесены: «комфорт городской среды», «возможности, предоставляемые наукоградом», «специфика исследовательской деятельности», «особенности интеграции в местные научные сообщества», «коммуникация с внешними научными кругами», «карьерные траектории и их развитие», «трудности, связанные с включением в научное сообщество», «представления о карьере и ее перспективах».

Финальным этапом стала группировка данных согласно смысловой структуре интервью и задачам исследования. Выделенные темы представлены в разделе «Результаты». Несмотря на ограниченность выборки и небольшое число интервью, качественный подход позволил выявить важные характеристики городской среды, коммуникационных практик и карьерных стратегий молодых ученых в городе Иннополис.

Выбор Иннополиса в качестве объекта эмпирического исследования был методологически обусловлен его уникальным статусом. Этот город представляет собой пример современного наукограда, построенного с учетом ключевых принципов развития научных центров и интеграции науки в экономику страны. В процессе его формирования и развития особое внимание уделялось вопросам повышения престижа науки и исследований в России.

Кроме того, Иннополис представляет собой центр, ориентированный на открытое взаимодействие между молодыми исследователями и состоявшимися учеными. В городе активно развиваются формы академического обмена, включая лекции, образовательные курсы и совместные проекты. Особого внимания заслуживает сфера информационных технологий, реализуемая в Иннополисе по уникальному для России сценарию. В данном наукограде ИТ-сектор представлен не только как прикладная отрасль, но и как значимая научная дисциплина. Таким образом, развитие ИТ-направлений в Иннополисе базируется на постоянном диалоге между профессиональными учеными, представителями бизнеса и промышленности. Такой подход способствует формированию устойчивой проектной среды, в рамках которой инновационные разработки находят применение как в академическом, так и в коммерческом секторах.

Иннополис, один из самых быстроразвивающихся наукоградов России, представляет собой пример успешной интеграции науки, образования и бизнеса. Основанный в 2012 году, он был задуман как центр ИТ-индустрии, в котором работают ведущие специалисты в области искусственного интеллекта, машинного обучения, анализа данных и киберфизических систем. Важным элементом экосистемы Иннополиса является одноименный университет, интегрированный в городскую среду и предоставляющий молодым исследователям возможность профессионального развития в тесной связи с научно-прикладными исследованиями.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Значение городской инфраструктуры как среды для научной деятельности

Одной из ключевых особенностей инфраструктуры Иннополиса является интеграция городской среды и научных исследований. В данном наукограде академическая и профессиональная деятельность студентов и молодых ученых неразрывно связана с пространственной организацией города. Инфраструктура Иннополиса спроектирована таким образом, чтобы обеспечивать максимальный комфорт и удобство передвижения для обучающихся в университете студентов, а также для их преподавателей.

Одним из значительных преимуществ города является его доступность: например, студенты могут легко попасть из общежития в аудитории без необходимости выходить на улицу, используя теплые переходы. Такая архитектурная организация способствует созданию условий, минимизирующих бытовые сложности, включая возможные опоздания из-за длинного пути до университета или отсутствие мотивации посещать занятия. Подобные возможности создают благоприятную среду для получения научных результатов. Кроме того, они способствуют формированию доверительных отношений между преподавателями и студентами, что упрощает обсуждение актуальных проблем, обмен идеями и стимулирует научный диалог:

Главное — показывать результат. Еще у нас есть небольшие рекреации, где в течение дня можно отдохнуть. А некоторые аудитории открыты и ночью, поэтому если захочется поработать в это время, то, пожалуйста. Тем более, что ИТ-шники часто работают именно по ночам, а в дневное время превращаются в нечто сонное... (муж, 24 года, магистрант, Иннополис).

Участники исследования воспринимают успешность и значимость наукограда прежде всего через призму его способности предоставлять возможности для развития карьеры, недоступные в традиционных университетах. Важным фактором, по их мнению, является доступ к обширным информационным ресурсам, а также возможность активного взаимодействия с преподавателями для обсуждения научных проектов и идей. Такая коммуникация способствовала быстрой передаче знаний и профессиональному росту:

...работаю в компании и в лаборатории. Получаю настоящее удовольствие. А еще по субботам мы иногда собираемся с руководителем лаборатории и проводим неформальные встречи с готовкой ризотто и шуточными научными дебатами... (муж., 29 лет, н./сотр., Иннополис).

Еще одним отмеченным информантами преимуществом, является доступ к библиотечным ресурсам, включая мировые научные базы данных. Таким образом, Иннополис привлекателен для молодых исследователей благодаря высокой степени инфраструктурного комфорта. Немаловажным фактором является также наличие постоянного взаимодействия с известными учеными, что создает благоприятную среду для профессионального развития. В то же время современная городская инфраструктура, включающая необходимое оборудование и лаборатории для проведения исследований, играет ключевую роль в поддержке научной деятельности резидентов наукограда.

Одним из ключевых аспектов, определяющих успешность профессионального развития молодых ученых, выступает наличие благоприятной городской среды, способствующей как повседневному комфорту, так и продуктивной научной деятельности. По мнению информантов настоящего исследования, важнейшим условием для их интеграции в научную среду стало наличие инфраструктур, обеспечивающих комфортное проживание и проведение исследований. В этом контексте город Иннополис воспринимался как пространство, предлагающее необходимый уровень удобства, а также способствующее концентрации внимания на научной работе.

Город демонстрирует ярко выраженную исследовательскую и проектно-ориентированную стратегию развития, что создает благоприятную социокультурную среду для молодых специалистов. В рамках такой среды стимулируется активное участие в научных и прикладных проектах, развивается командное взаимодействие, а также происходит обмен знаниями и опытом. Эта атмосфера способствует формированию профессиональной

идентичности и укреплению стремления к академическому росту.

Инфраструктура Иннополиса также включает в себя элементы, способствующие формированию единого интеллектуального пространства. Молодые исследователи активно вовлечены в лекционные мероприятия, конференции, семинары и неформальные встречи, которые формируют условия для непрерывного профессионального диалога и обмена идеями. В результате создается ощущение включенности в единое сообщество, где граница между обучением, исследованием и личным развитием становится условной. Это, в свою очередь, побуждает молодых ученых задумываться о долгосрочном построении карьеры именно в рамках данного городского пространства и искать возможности для самореализации внутри этой экосистемы.

Таким образом, исследование показывает, что наличие комплексной научной и социальной инфраструктуры, поддерживающей как формальные, так и неформальные взаимодействия, выступает важным фактором мотивации молодых специалистов к профессиональному развитию и укреплению карьерных стратегий. Городская среда становится не просто фоном, а активным участником процесса формирования научной идентичности.

Роль коммуникации с научным сообществом, обеспечивающей включенность в научную среду

Специфика Иннополиса такова, что он одновременно и «замкнут» и «открыт миру». Такая дихотомия выражена в затрудненном доступе в город для «негорожан», а также встроенности города в международные коммуникационные системы. В некотором смысле здесь превалирует киберпространство, а не физическое. Информанты отмечали, что открытая, но в то же время ограниченная коммуникационная среда Иннополиса имеет как преимущества, так и недостатки. Одним из наиболее значимых недостатков является недостаточная интеграция с исследователями из смежных областей, а также ограниченные возможности для взаимодействия с независимыми разработчиками и энтузиастами, занимающимися схожими проблемами. Замкнутая структура города затрудняет коммуникацию со специалистами из различных сфер, что приводит к дефициту междисциплинарных контактов.

...Чаще всего мы контактируем с коллегами из нашей сферы. А в контактах извне, т.е. из других сфер, ...ну, редко бывает необходимость. Наши задачи сугубо прикладные. Возможно, тут влияете город. Вероятнее всего, в более крупных городах, контакт

с теми же физиками и биологами или химиками более тесный. Знаю, что есть биоинформатики, например... (*инф. 25 лет, аспирант, Иннополис*).

Несмотря на наличие возможностей для формальной и неформальной коммуникации с преподавателями университета, основные сложности возникали в контексте производства научного знания. Ограниченность контактов с независимыми исследователями, не имеющими профессионального образования, способствовала сужению представлений о потенциальных карьерных траекториях у молодых исследователей. В результате жители Иннополиса часто воспринимали свою карьеру исключительно в рамках профессионального научного сообщества города, оставаясь изолированными от более широкого контекста исследований и разработок.

Кроме того, присутствовали сложности в коммуникации с другими отечественными научными центрами, а также с представителями гражданской науки. Отсутствие устойчивого диалога между официальной академической средой и научными энтузиастами лишало местное научное сообщество важного канала обмена мнениями, который мог бы способствовать развитию дискуссий и интеграции молодых исследователей в более широкую научную среду. Одним из структурных ограничений, зафиксированных в ходе исследования, является социальная однородность резидентов Иннополиса: город преимущественно населяют преподаватели, студенты, разработчики, резиденты и их семьи, что усложняет расширение сети профессиональных контактов.

...Сначала я жила в общежитии, пока училась в университете, теперь я аспирантка, разработчик и преподаватель университета и живу в квартире. Дойти можно быстро, всего лишь перейти подземный переход. Город очень спокойный, размеренный. Контакты с другими? Ну, формально мы общаемся с коллегами из-за рубежа, например, у меня научный руководитель – итальянец, сейчас пока в отъезде. Поэтому со многими коллегами мы не видимся физически, чаще через публикации и конференции... (*жен. 28 лет, н./сопр., Иннополис*).

В городе значительное количество иностранцев – студентов, преподавателей, поэтому в коридорах университета можно услышать речь на разных языках: русском, китайском, испанском, английском, немецком. Общая демократичность внутри университетского кампуса и города способствует развитию горизонтальных коммуникаций между исследователями, разработчиками, резидентами. Несмотря

на свою достаточно узкую специализацию, город имеет серьезные отличия от наукоградов советского периода: встроенность в международное пространство, узнаваемость в публикации, авторитетность. В то время как научные города СССР столкнулись с проблемами распространения своих идей и публикационной активности, что снижало их известность за пределами локального академического пространства.

Вместе с тем исследователям и молодым ученым из Иннополиса хотелось бы видеть большее разнообразие в их повседневной жизни, поэтому одним из таких вариантов интеграции с «большим миром» можно считать проведение хактонов и других мероприятий, направленных на расширение коммуникации между представителями различных научных дисциплин. Такие инициативы могут способствовать взаимодействию профессионалов и научных энтузиастов, создавая основу для устойчивого научного диалога:

Привлечение сторонних лиц? Хм, если только ребят из технопарков. Они разработчики, исследованиями особо не занимаются. Ну, школьники иногда могут быть. В целом же, помню один случай, когда нам в решении задачи помог парень без профильного образования... А так, ну, иногда жители помогают, если что-то для города чисто разрабатывается. Камеры там проверить или еще что... (*муж, 25 лет, аспирант, Иннополис*).

Для сферы IT-решений, доминирующей в Иннополисе, крайне важен постоянный обмен мнениями и технологиями. Информанты подчеркивали значимость модели «песочницы», предполагающей регулярное взаимодействие профессиональных исследователей с энтузиастами и независимыми разработчиками.

Однако данный формат также требует расширения и включения новых участников, особенно представителей бизнеса, индустрии и науки из других городов и стран. Развитие программ стажировок, создания совместных исследовательских проектов и привлечения зарубежных специалистов может стать важным шагом для преодоления коммуникационных барьеров в развитии наукограда.

Одной из значимых характеристик, выявленных в процессе анализа интервью, стало развитие вертикальной интеграции молодых исследователей в локальные профессиональные сообщества. Такая форма включения предполагает установление прочных иерархических связей с более опытными учеными, участие в проектах под их руководством и интеграцию в формальные структуры научной деятельности. Это обеспечивает

устойчивость профессионального роста, позволяет осваивать академические нормы и способствует закреплению в научной среде.

Однако подобная модель взаимодействия имеет и ограничения. Вертикальная интеграция, как правило, характерна для проектных структур, особенно в технических и прикладных областях. В таких условиях возникает дефицит горизонтальных связей, т. е. связей между молодыми специалистами одного уровня, которые могли бы выступать платформой для взаимной поддержки, обмена опытом и развития новых междисциплинарных направлений.

Информанты подчеркивали, что идентификация с локальным сообществом наукограда является важным условием для дальнейшего профессионального развития. Сформированные в процессе обучения связи сохраняются и после его завершения, при этом многие молодые ученые стремятся продолжить работу в рамках городских проектов, лабораторий, стартапов и других исследовательских инициатив. Это свидетельствует о наличии устойчивых мотивационных механизмов, связанных с принадлежностью к конкретной территориальной научной экосистеме.

На момент проведения исследования было зафиксировано слабое развитие горизонтальных форм научного взаимодействия. Это указывает на необходимость создания дополнительных условий и платформ для формирования сетевых профессиональных связей, которые могли бы стимулировать академическую мобильность и развитие межинституционального сотрудничества.

Особое значение в этом контексте приобретают цифровые платформы и виртуальные каналы коммуникации. Их потенциал заключается в возможности преодоления географических барьеров, облегчении доступа к научным ресурсам и расширении круга профессиональных контактов. При эффективном использовании таких инструментов можно существенно повысить уровень взаимодействия между исследователями, а также усилить интеграцию молодых ученых в глобальное научное сообщество.

Молодые ученые отмечали, что перспективным направлением является формирование сетей научных сообществ, объединяющих не только резидентов Иннополиса, но и представителей других исследовательских центров. Такие инициативы могут способствовать созданию долговременных профессиональных связей, улучшению координации между различными научными школами и формированию новых исследовательских коллективов. В совокупности результаты исследования демонстрируют, что для построения успешной научной карьеры в молодом наукограде необходима

не только развитая инфраструктура и поддержка локального сообщества, но и осознанная стратегия по развитию сетевого взаимодействия и горизонтальной интеграции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Целью настоящей статьи было исследование особенностей и проблем интеграции молодых исследователей в научное сообщество современного наукограда, а также анализ роли городской инфраструктуры и коммуникационных практик в формировании научной карьеры. В качестве гипотезы предполагалось, что в условиях закрытых научных сообществ приоритетной стратегией интеграции становится вертикальная модель, сопровождающаяся развитием профессиональной траектории в рамках роста самого города.

На основе тематического анализа интервью были выделены две ключевые темы, определяющие логику построения карьеры: значение городской инфраструктуры как среды для научной деятельности и роль коммуникации с академическим сообществом, обеспечивающей включенность в научную среду.

Основные выводы исследования заключаются в следующем: интеграция молодых ученых в научную среду наукограда осуществляется через особые формы взаимодействия с городской инфраструктурой, которая создает благоприятные условия для ведения исследований. При этом локальное сообщество характеризуется закрытостью, что делает вертикальную интеграцию основным механизмом включения в профессиональное пространство. Следует подчеркнуть, что особенности закрытости как инфраструктуры, так и научного сообщества способствуют укреплению неформальных связей и формированию локальной научной идентичности, но одновременно ограничивают возможности взаимодействия с внешними академическими средами и построения карьеры за пределами города.

Результаты исследования также демонстрируют, что для молодых исследователей важно не только формальное участие в академических структурах и принятие культурных норм научного сообщества, но и осознанная идентификация с пространством наукограда. Это включает в себя повседневный комфорт коммуникации, доступ к образовательным и исследовательским событиям, а также возможности неформального взаимодействия с коллегами и преподавателями. Подобная среда способствует формированию чувства принадлежности и поддерживает стремление к развитию академической карьеры.

Выявленные особенности повседневной жизни и карьерных стратегий позволяют глубже понять мотивацию, формы повседневных взаимодействий и механизмы интеграции молодых ученых в научную среду. Это особенно актуально с учетом того, что большинство существующих исследований ориентировано на обобщенный анализ научной молодежи в контексте вузовского образования и научно-исследовательских институтов, без знания уникальной специфики наукоградов.

Одним из значимых выводов настоящей работы является осознание необходимости развития

научных и образовательных кластеров, ориентированных на молодых специалистов. Создание и поддержка таких структур обеспечивают условия для качественной подготовки научных кадров, стимулируют профессиональный рост и устойчивую интеграцию в локальные академические сообщества. В перспективе подобные кластеры могут стать важным элементом образовательной и научной политики ведущих университетов и наукоградов России, служа мостом между академическим обучением, началом исследовательской деятельности и построением полноценной научной карьеры.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Варущенко А. А., Владимиров Н. А. Состояние и перспективы развития инновационной деятельности в Российской Федерации в XXI веке // Статистика и экономика. 2021. № 2. С. 34–44.
2. Юревич А. В. Стратегии развития российской науки // Социология науки и технологий. 2010. Т. 1. № 1. С. 52–66.
3. Крылова И. А. Кризис российской науки в глобальном контексте // Знание. Понимание. Умение. 2009. № 1. С. 59–63.
4. Дунаевский Г. Е. и др. Использовать накопленный потенциал (научная молодежь и инновации) / Г. Е. Дунаевский, В. И. Масловский, В. Н. Воронин, Я. Б. Коверников // Инновации. 2006. № 8. С. 47–51.
5. Юревич А. В. Четыре слагаемых мобилизации российской науки // Управление наукой: теория и практика. 2023. Т. 5. № 2. С. 157–165.
6. Ревзин Г. И. Наукограды в России: вопросы генезиса // Labyrinth. Теории и практики культуры. 2020. № 4. С. 23–42.
7. Глисин Ф. Ф., Разин В. Л., Хабарова Т. В. Наукограды в современной экономике России // Инновации. 2011. № 2. С. 71–76.
8. Акинфеева Е. В., Абрамов В. И. Роль наукоградов в развитии национальной инновационной системы России // Проблемы прогнозирования. 2015. № 1. С. 129–139.
9. Лескова И. В. Молодежь современных наукоградов: штрихи к портрету (Ч. I) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2013. № 4 (116). С. 52–56.
10. Харченко К. В., Шукин Л. А. Социально-экономическое положение, территориальная идентичность и социальная активность жителей наукоградов (по результатам экспертного опроса) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 4 (170). С. 130–149.
11. Коростелева Л. Ю. Развитие наукоградов России: мониторинг проблем // Теория и практика общественного развития. 2023. № 9. С. 61–69.
12. Беляков Г. П., Белякова Г. Я., Проскурнин С. Д. Разработка концепции преобразования наукоградов и ЗАТО Государственной корпорации «Росатом» в наукоград 2.0: Монография; Новосибирск: СибАК, 2024.
13. Воропаева А. В., Коростелева Л. Ю. Наукограды России и проблемы городской среды // Теория и практика общественного развития. 2023. № 12. С. 80–90.
14. Sergi B. S. (Ed.). Tech, smart cities, and regional development in contemporary Russia. Bingley, West Yorkshire: Emerald Publishing Limited, 2019.
15. Dabinett G. A new strategic approach to science cities: towards the achievement of sustainable and balanced spatial development // Technopolis: Best Practices for Science and Technology Cities. London : Springer London, 2013. С. 3–21.
16. Charles, D. R. From technopoles to science cities: characteristics of a new phase of science cities. Making 21st Century Knowledge Complexes. Routledge, 2015.
17. Чванова М. С., Киселева И. А. Моделирование профессионального самоопределения будущих молодых ученых в процессе профессиональной подготовки в вузах наукограда // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2021. Т. 26. № 195. С. 7–20.
18. Тирас Х. П., Клименко С. В., Асланиди К. Б. Новое лицо наукоградов России: от науки к практике через образование и культуру // Наукоград наука производство общество. 2017. № 2. С. 85–96.

19. Родичев Н. Ф. Предпосылки обновления концептуальных подходов к профессиональной ориентации молодежи // Академический вестник Академии социального управления. 2014. № 3. С. 58–93.
20. Кузнецова С. Н. Современные проблемы социализации молодежи в социокультурной среде наукоградов России // Актуальные вопросы развития, социализации и реабилитации личности в современных условиях. 2022. С. 36–39.
21. Павлова С. М. и др. О некоторых итогах проведения социологического исследования карьерных траекторий научно-ориентированной молодежи / С. М. Павлова, А. В. Андриянов, Е. А. Антипов, А. А. Мартынова / Социология. 2020. № 3. С. 280–289.
22. Литвинюк А. А. Совершенствование кадрового потенциала в науке и высшем образовании путем привлечения молодых талантливых специалистов: проблемы и решения // Лидерство и менеджмент. 2020. Т. 7. № 4. С. 629–642.
23. Лескова И. В. Современные наукограды России: от идеи к практике // Социальная политика и социология. 2012. № 11. С. 69–75.
24. Miles M. B., Huberman A. M. Qualitative data analysis: An expanded sourcebook. Sage, 1994.
25. Alhojailan M. I., Ibrahim M. Thematic analysis: A critical review of its process and evaluation // West east journal of social sciences. 2012. Т. 1. № 1. С. 39–47.

REFERENCES

1. Varushchenko, A. A., Vladimirov, N. A. (2024). State and prospects for the development of innovative activities in the Russian Federation in the 21st century. *Statistics and Economics*, 2, 34–44. (In Russ.)
2. Yurevich, A. V. (2010). Strategies for the Development of Russian Science. *Sociology of Science and Technology*, 1(1), 52–66. (In Russ.)
3. Krylova, I. A. (2009). The crisis of Russian science in the global context. *Knowledge. Understanding. Skill*, 1, 59–63. (In Russ.)
4. Dunaevsky, G. E. et al. (2006). Using the accumulated potential (scientific youth and innovations). *Innovations*, 8, 47–51. (In Russ.)
5. Yurevich, A. V. (2023). Four Components of the Mobilization of Russian Science. *Science Management: Theory and Practice*, 5(2), 157–165. (In Russ.)
6. Revzin, G. I. (2020). Science cities in Russia: issues of genesis. *Labyrinth. Theories and practices of culture*, 4, 23–42. (In Russ.)
7. Glisin, F. F., Razin, V. L., Khabarova, T. V. (2006). Science cities in the modern economy of Russia. *Innovations*, 2, 71–76. (In Russ.)
8. Akinfeeva, E. V., Abramov, V. I. (2015). The role of science cities in the development of the national innovation system of Russia. *Problems of Forecasting*, 1, 129–139. (In Russ.)
9. Leskova, I. V. (2013). Youth of modern science cities: strokes to the portrait (part I). *Monitoring public opinion: economic and social changes*, 4(116), 52–56. (In Russ.)
10. Kharchenko, K. V., Shchukin, L. A. (2022). Socio-economic situation, territorial identity and social activity of residents of science cities (based on the results of an expert survey). *Monitoring public opinion: economic and social changes*, 4(170), 130–149. (In Russ.)
11. Korosteleva, L. Yu. (2023). Development of science cities of Russia: monitoring of problems. *Theory and practice of social development*, 9, 61–69. (In Russ.)
12. Belyakov, G. P., Belyakova, G. Ya., Proskurnin, S. D. (2024). *Razrabotka koncepcii preobrazovaniya naukogradov i ZATO Gosudarstvennoj korporacii «Rosatom» v naukograd 2.0»: Monografija = Development of the concept of transforming science cities and closed administrative-territorial entities of the State Corporation Rosatom into a science city 2.0»: Monograph*. Novosibirsk: Publishing House of OOO SibAK. (In Russ.)
13. Voropaeva, A. V., Korosteleva, L. Yu. (2023). Science cities of Russia and problems of the urban environment. *Theory and practice of social development*, 12, 80–90. (In Russ.)
14. Sergi, B. S. (Ed.). (2019). *Tech, smart cities, and regional development in contemporary Russia*. Bingley, West Yorkshire: Emerald Publishing Limited.
15. Dabinett, G. (2013). A new strategic approach to science cities: towards the achievement of sustainable and balanced spatial development. *Technopolis: Best Practices for Science and Technology Cities* (pp. 3–21). London: Springer London.
16. Charles D. R. From technopoles to science cities: characteristics of a new phase of science cities. *Making 21st Century Knowledge Complexes*. Routledge, 2015.

17. Chvanova, M. S., Kiseleva, I. A. (2021). Modeling of professional self-determination of future young scientists in the process of professional training in universities of a science city. Bulletin of Tambov University. Series: Humanities, 26(195), 7–20. (In Russ.)
18. Tiras, H. P., Klimenko, S. V., Aslanidi, K. B. (2017). The new face of Russian science cities: from science to practice through education and culture. Science city science production society, 2, 85–96. (In Russ.)
19. Rodichev, N. F. (2014). Prerequisites for updating conceptual approaches to youth professional orientation. Academic Bulletin of the Academy of Social Management, 3, 58–93. (In Russ.)
20. Kuznetsova, S. N. (2022). Modern problems of youth socialization in the socio-cultural environment of Russian science cities. Current issues of personal development, socialization and rehabilitation in modern conditions (pp. 36–39). (In Russ.)
21. Pavlova, S. M. et al. (2020). Some of the results of a sociological study of the career trajectories of science-oriented youth. Sociology, 3, 280–289. (In Russ.)
22. Litvinyuk, A. A. (2020). Improving human resources in science and higher education by attracting young talented specialists: problems and solutions. Leadership and Management, 7(4), 629–642. (In Russ.)
23. Leskova, I. V. (2012). Modern science cities of Russia: from idea to practice. Social policy and sociology, 11, 69–75. (In Russ.)
24. Miles, M. B., Huberman, A. M. (1994). Qualitative data analysis: An expanded sourcebook. Sage.
25. Alhojailan, M. I., Ibrahim M. (2012). Thematic analysis: A critical review of its process and evaluation West east journal of social sciences, 1(1), 39–47.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Галкин Константин Александрович

кандидат социологических наук
старший научный сотрудник
Социологического института РАН – филиала ФНИСЦ РАН

Рассолова Елена Николаевна

младший научный сотрудник
Социологического института РАН – филиала ФНИСЦ РАН

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Galkin Konstantin Alexandrovich

PhD (Social Sciences)
Senior Researcher
Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences – a branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

Rassolova Elena Nikolaevna

Junior Researcher
Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences
a branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

Статья поступила в редакцию одобрена после рецензирования принята к публикации	07.04.2025	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
	04.07.2025	
	08.10.2025	

К вопросу о социальных функциях иноязычного образовательного неравенства в российских школах

В. Л. Примаков

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
vprim2007@yandex.ru

Аннотация. Цель статьи заключается в обосновании, определении и описании социальных функций такого социального феномена, как иноязычное образовательное неравенство. Целевая ориентация определяется, с одной стороны, недостаточной релевантностью широко распространенного типичного набора социальных функций неравенства в образовании для исследования конкретного анализируемого феномена. С другой стороны, обоснование социальных функций любого социального феномена предопределено той теоретико-методологической конструкцией, на которую опирается исследователь. При этом нельзя отрицать того факта, что осмысление роли социальных функций как внешних проявлений свойств объектов, их назначения в функционировании целостной социальной системы всегда были и остаются актуальной научной задачей. В качестве методологической основы для определения основных социальных функций иноязычного образовательного неравенства автором была использована парадигмальная функциональная сетка AGIL, разработанная Т. Парсонсом. В статье обосновывается использование этой методологической схемы для анализа социальных функций, рассматриваемого с соблюдением базовых принципов структурно-функционального анализа. Реализуя эту методологическую модель и опираясь на дедуктивную логику теоретического анализа, были выявлены основные функции иноязычного образовательного неравенства в современном российском обществе: селективная, регулятивная, стимулирующая и стратифицирующая. В статье описаны и охарактеризованы выявленные функции анализируемого феномена. Выводы и умозаключения подтверждены многочисленными статистическими данными и анализом результатов эмпирических социологических исследований. Проанализированные функции подтверждают вывод об объективном существовании и функциональной заданности иноязычного образовательного неравенства в современном российском обществе. Реализация этих функций способствует сохранению социальной стабильности общества и воспроизводству его социальной структуры.

Ключевые слова: иноязычное образовательное неравенство, социальные функции, парадигма AGIL

Для цитирования: Примаков В. Л. К вопросу о социальных функциях иноязычного образовательного неравенства в российских школах // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2025. Вып. 3 (860). С. 101–108.

Original article

On the Issue of the Social Functions of Foreign-Language Educational Inequality in Russian Schools

Viacheslav L. Primakov

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
vprim2007@yandex.ru

Abstract. The purpose of the article is to substantiate, define and describe the social functions of a social phenomenon as foreign-language educational inequality. On the one hand, the objective orientation of the article is determined by the insufficient relevance of a widespread typical set of social functions of inequality in education in terms of the specific phenomenon research. On the other

hand, the justification of the social functions of any social phenomenon is predetermined by the theoretical and methodological framework on which the researcher relies. At the same time, undeniably, understanding of the social functions role as external manifestations of the objects' properties and their purpose in the entire social system functioning has always been and remains an urgent scientific task. The author used the AGIL paradigmatic functional scheme developed by T. Parsons as a methodological basis for determining the main social functions of foreign-language educational inequality. The article substantiates the usage of this methodological scheme for the observation of social functions, considered in compliance with the basic principles of structural and functional analysis. By implementing this methodological model and relying on the deductive logic of theoretical analysis, the main functions of foreign-language educational inequality in modern Russian society have been identified: selective, regulatory, stimulating and stratifying. The article describes and characterizes the revealed functions of the analyzed phenomenon. The conclusions are confirmed by numerous statistical data and analysis of the results of empirical sociological research. The explored functions verify the inference about the objective existence and functional assignment of the foreign-language educational inequality in modern Russian society. The implementation of these functions contributes to the preservation of the social stability of society and the reproduction of its social structure.

Keywords: foreign-language educational inequality, social functions, the AGIL paradigm

For citation: Primakov, V. L. (2025). On the issue of the social functions of foreign-language educational inequality in Russian schools. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences*, 3(860), 101–108. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Вопрос о функциях конкретного социального феномена, каковым выступает иноязычное образовательное неравенство в российской школе, нельзя отнести к малосущественным, поскольку налицо многочисленные проблемы в их обосновании и понимании. С одной стороны, понятно, что любое социальное явление имеет свои внешние проявления, назначение, роль. Тем более, которое встроено в социальную ткань общества, а значит, системно, массово, типично и т. п. И с этой точки зрения эти функции отражаются в конкретном контексте анализа сложившуюся в обществе структуру, дифференциацию, неравенство. Более того, социальное неравенство «вшито» во все сферы общественной жизни, в том числе и в образовательную среду. В этом отношении образовательное неравенство и его функции в обществе как бы «покрывают» иноязычное образовательное неравенство.

С другой, – угол научного зрения на функции иноязычного образовательного неравенства существенно различен с точки зрения различных наук. Так, например, педагогика, лингвистика, как и социология, не только «по-своему» понимают анализируемый феномен, но видят «свои» различные функции как образования в целом, так и неравенства, а особенно, иноязычного и лингвистического.

Завершает комплекс проблем отсутствие даже не принятой, а хотя бы апробированной, методологической платформы обоснования, выделения и описания этих социальных функций.

Методологических схем как будто немало, но все они так или иначе, но построены на теоретических выводах либо реализуют определенную теоретическую концепцию. В конечном итоге каждая из социальных функций должна иметь не только теоретико-методологическое, но и эмпирическое обоснование и подтверждение. Что также актуализирует проблему описания социальных функций рассматриваемого социального феномена.

ПРОБЛЕМА ИНОЯЗЫЧНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА И ЕГО СОЦИАЛЬНЫХ ФУНКЦИЙ В ОБЩЕСТВОВЕДЧЕСКОМ НАУЧНОМ АНАЛИЗЕ

Иноязычное образовательное неравенство выступает как сложный и многогранный объект научного анализа. Это касается обоснования и определения его функций в современном обществе.

С одной стороны, анализ научной библиографии показывает, что отдельные проблемы иноязычного образовательного неравенства имеют достаточно широкую и глубокую проработку. Речь идет о понимании содержания социального неравенства вообще и образовательного неравенства, в частности. Об этом писали не только известные философы (от Платона до Ж.-Ж. Руссо, И. Канта и др.), но и классики социологии (от М. Вебера, Т. Веблена, В. Парето до П. Бурдьё, М. Вебера, П. А. Сорокина и др.). Отдельно и весьма продуктивно исследовалось неравенство в образовании [Фурсова, Ханнанова, 2013; Шолохов,

2010; Константиновский, 2008; Высоцкая, Филипова, 2018]. Однако предметное (иностранное) сужение общей проблемы образовательного неравенства не отразилось на глубине ее изучения. Анализ степени изученности феномена иностранного и лингвистического образовательного неравенства показал, что проблема рассматривалась весьма фрагментарно и очень эпизодически [Карнаухов, 2020; Микерова, 2015; Олейникова, 2003; Примаков, 2021; Свердлов, Барышников, 2022]. Не всегда, к сожалению, или правильнее сказать, крайне редко, научный интерес доходил до анализа социальных функций иностранного образовательного неравенства. Проблема, с нашей точки зрения, заключается в том, что основной упор делался не на анализе социальных последствий, роли данного феномена в общественном системном понимании как формы социальной дифференциации в обществе, являющихся предметом социологического изучения. Научный интерес «уходил» в анализ личностных, гуманитарных, образовательных функций, либо функционального неравенства при изучении и использовании иностранных и / или неродных языков.

Последнее умозаключение очень хорошо иллюстрируется базовым определением «функционального неравенства языков», под которым «понимают различную степень функциональной нагрузки, обусловленную уровнем использования языков в обществе в пределах той или иной социально-коммуникативной системы»¹.

В этой же логике, только в фокусе анализа владения и использования иностранного языка в коммуникативном процессе, определяет типы лингвистического неравенства Р. Хадсон («субъективное неравенство», «языковое неравенство», «коммуникативное неравенство») [Hudson, 1996].

Осуществленный анализ позволил сформулировать определение *иностранного образовательного неравенства* в российской школе, под которым понимается форма социальной дифференциации, основанной на неравном доступе к получению качественной иностранной подготовки в системе российского среднего общего образования и ее использованию, что порождает неравные возможности и шансы в выборе и реализации траектории дальнейшего социально-культурного развития. Такое неравенство выступает особым подвидом образовательного неравенства.

Есть смысл добавить, что, во-первых, мы сосредоточиваем свое внимание исключительно на среднем общем образовании, поскольку оно является обязательным, а значит гарантированным государством по организации, методикам,

обеспечению, уровню и качеству. Но не только. В школе закладывается базовый иностранный и социокультурный потенциал, который развивается на следующих уровнях образования и деятельности. Во-вторых, этим мы определяем профильное различие иностранного и лингвистического образовательного неравенства, которое не только дополняет, развивает школьную иностранную подготовку, но и может выступать основанием для углубления социальной дифференциации. В-третьих, мы сознательно исключаем из анализа обучение неродным языкам, например русскому как неродному языку. Это отдельная проблема.

Однако более существенной проблемой являются социальные функции иностранного образовательного неравенства в российской школе. В их понимании также далеко не все однозначно. В самом общем философском понимании под *функцией* (лат. function – исполнение, совершение) понимают внешнее проявление свойств объектов, назначение. В контексте социальном имеется в виду выполняемая роль в целостной социальной системе, в общественной структуре. При этом весьма распространено и устойчиво оценочное мнение о негативном характере, роли и назначении социального неравенства, а тем более иностранного образовательного неравенства в российской школе. Остаются проблемными и методологические вопросы определения социальных функций того или иного объекта, социального явления, в том числе иностранного образовательного неравенства.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ AGIL ДЛЯ ОБОСНОВАНИЯ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ФУНКЦИЙ ИНОЯЗЫЧНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА

Поиск методологического фундамента, обосновывающего и определяющего функции социального феномена иностранного образовательного неравенства, – вопрос не только философский. Социология имеет в своем научном арсенале богатые методологические возможности для анализа этих функций. Отметим, что формат статьи не позволяет проанализировать и сравнить все или большинство методологических подходов к анализу социальных функций. Например, сугубо функциональную теорию Р. Мертон, концепцию «идеальных типов» М. Вебера и их функциональных последствий, теоретические конструкции социальной мобильности, структуры, стратификации П. Сорокина и др.

Сосредоточим внимание и определим основания использования структурно-функционального методологического подхода, разработанного

¹Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. URL: https://linguistics_dictionary.academic.ru/4749/ (дата обращения: 07.05.2025).

Т. Парсонсом и изложенного в его базовых работах «О структуре социального действия» и «Социальная система» [Парсонс, 2000 Парсонс, 2019]. Во-первых, позволим себе напомнить, что рассматриваемая методология сосредоточена на «элементарном» социальном действии. Содержательно иноязычное образование определяется целеориентированной деятельностью различных социальных субъектов (школьники, их родители, учителя, управленцы образования, иные акторы) в конкретных условиях, а кроме того, нормативно ориентировано (требования нормативных документов, законов, ГОСТов, социально принятых и одобряемых норм). Во-вторых, эта совокупность действий функционально ориентирована. Анализируемые действия, направленные на получение иноязычных компетенций, функционально обеспечивают (должны обеспечивать) социальное равновесие (гомеостаз) в системах различного уровня: «школьники (семьи)» – «учителя (школа)»; «школьники (семьи)» – «вузы (ссузы, другие образовательные организации)»; «школьники (семьи)» – «профессиональные (культурные) организации (субъекты)»; «школа» – «общество» и пр. В-третьих, многообразие социальных действий и порождаемых ими явлений в анализируемой методологии сводятся к четырем основным функциям, определяемых функциональной сеткой AGIL, аббревиатурой, образованной начальными буквами каждой из четырех социальных потребностей (Adaptation, Goal Attainment, Integration, Latency; или адаптация (A), целедостижение (G), интеграция (I) и латентность (L), поддержание ценностного образца). Причем данная сетка универсальна для различных уровней анализа, любой социальной системы: общества, культуры, личности, социальных явлений и процессов.

Для иллюстрации анализируемых системных функций используют пространственно-временную

ориентацию. Мы представили ее в логике функционального анализа неравных возможностей к получению, усвоению и реализации иноязычной подготовки в системе российского среднего общего образования (см. табл. 1).

Разделяя методологический подход Т. Парсонса, можно увидеть, что любая система имеет две оси ориентации: внешнюю – внутреннюю и инструментальное – консуматорную. Внешнее функциональное предназначение ориентирует систему на внешнюю среду (проблемы), внутреннее – на внутреннюю среду (проблемы). Инструментальное предназначение ориентировано на ситуативные цели и средства, консуматорные – на стратегические, долговременные цели и средства. Из крестообразного наложения этих осей в образованных квадрантах определяется набор четырех «функциональных императивов», системных функциональных предписаний.

Здесь же мы только добавим, что на этой констатации эвристические возможности представленного методологического подхода не заканчиваются. Во-первых, в логике рассматриваемой методологии можно определять не одну, а несколько функций, объединенных единым функциональным императивом. Например, «адаптация» как функциональный императив предопределяет функцию «стратификации», которая обеспечивает «стабилизацию общественной структуры». Или, «целедостижение» как функциональное предписание определяет не только стимулирующую функцию, но и мотивирующую. Во-вторых, с кибернетической точки зрения представленная система имеет обратную последовательность: L–I–G–A. Или, другими словами, предыдущий функциональный императив определяет последующий. Это мы и постарались реализовать в содержательном анализе проявлений установленных функций.

Таблица 1

ИНОЯЗЫЧНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО В СИСТЕМЕ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ИМПЕРАТИВОВ AGIL

	Инструментальные средства и цели	Консуматорные цели и средства
Внешняя среда (проблемы)	Функциональный императив – «адаптация» (A): Функции – стратифицирующая, стабилизирующая	Функциональный императив – «целедостижение» (G): Функции – стимулирующая, мотивирующая
Внутренняя среда (проблемы)	Функциональный императив – «поддержание образца» (L): Функция – селективная	Функциональный императив – «интеграция» (I): Функция – регулятивная

ОСНОВНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ ИНОЯЗЫЧНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА В РОССИЙСКИХ ШКОЛАХ

Прежде всего есть смысл обозначить базовый общесоциологический методологический подход к пониманию функций иноязычного образовательного неравенства в российских школах. Логическим основанием его является умозаключение о том, что, поскольку этот подвид неравенства является формой существования социальной дифференциации, стратификации общества, то логично осмысливать это неравенство как объективное социальное явление. Добавим: в конкретных условиях современного российского общества (экономических, социокультурных, духовных, ценностно-ориентационных и пр.) существующей системы образования, в том числе иноязычного и лингвистического. Поскольку социальное неравенство в целом объективно, социокультурно задано, то оправданно и даже востребовано иноязычное образовательное неравенство (выполняет определенные функции), которое и воспроизводится в средней общеобразовательной школе. Проиллюстрируем сказанное классической фразой П. А. Сорокина: «общества без расслоения, с реальным равенством их членов – миф, так и никогда не ставший реальностью за всю историю человечества» [Сорокин, 1992, с. 302].

Первой по логическому порядку функциональных императивов (L–I–G–A) выступает функция *селективная*. Уровень освоения иностранных языков формирует систему социального отбора наиболее способных и активных для дальнейшей социальной реализации и развития. По сути, школьное иноязычное неравенство предопределяет неравные возможности, шансы, социальные траектории, в том числе образовательные, только для тех, кто в состоянии хорошо освоить иностранные языки в школе. Без соответствующего уровня знания иностранного языка невозможно поступление в престижный и элитный вуз, получение престижного образования, получение более высокого дохода и пр. Без определенного знания языка невозможно заниматься соответствующей педагогической, переводческой или дипломатической деятельностью. Знание иностранного языка создает и реализует условия для формирования элитарного образования для детей из престижных семей.

Механизм селекции проявляется в отношении к ЕГЭ по иностранному языку. В среднем за последние годы ЕГЭ по иностранному языку сдают около 10 % выпускников школ. При этом с каждым годом их количество увеличивается. Это мотивированные выпускники, ориентированные, главным

образом, на поступление в вузы по соответствующим специальностям. При этом в 2020 году Минпросвещения РФ приняло решение отказаться на неопределенный срок от обязательности этого предмета на государственной итоговой аттестации в школе¹. Более того, в стране с 2022 года приостановлено введение второго обязательного иностранного языка в школе.

Социальные результаты селекции объективно требуют их регуляции, обеспечивающей интеграцию отношений по поводу приобретения и использования иноязычных компетенций. В этом проявляется регулятивная функция. Рассматриваемый подвид неравенства предписывает соответствующим субъектам, социальному управлению определенные нормы внутреннего структурного баланса в обществе и образовательной системе, а также ориентиры в социальном управлении.

Сложившееся иноязычное образовательное неравенство в школе, отражаясь в современных потребностях в знании языка, стимулирует субъекты социального управления к корректуре качества массовой иноязычной подготовки. В своих последствиях необходимость такой регуляции ведет (должна вести) к смягчению неравенства. Это обуславливает соответствующие управленческие решения непосредственно в среднем общем образовании, воздействующие на школьное иноязычное неравенство (языковая структура, обеспечение учителями, материальное и методическое обеспечение, образовательные стандарты, количество учебных часов, отношение к ЕГЭ и пр.). Не сложно понять, что необязательность ЕГЭ по иностранному языку в школе не волюнтаристское решение министерства, а вынужденная реакция на невозможность обеспечить необходимый уровень иноязычной подготовки во всех школах страны, особенно в сельских округах. Как приговор в данном контексте звучат слова главы Рособнадзора Анзора Музаева: «Если в больших городах есть не только хороший уровень преподавания, но и практика применения, то в сельских отдаленных школах, которых у нас очень много, практика применения языка нулевая»².

Наконец, важно подчеркнуть еще одну составляющую регулятивной функции школьного иноязычного образовательного неравенства. Дефицит востребованного уровня иноязычной подготовки, по

¹Иностранный язык исключен из числа обязательных предметов, по которым проводится государственная итоговая аттестация. URL: <https://edu.gov.ru/press/2884/inostranny-yazyk-isklyuchen-iz-chisla-obyazatelnyh-predmetov-po-kotorym-provoditsya-gosudarstvennaya-itogovaya-attestaciya/> (дата обращения: 07.07.2025).

²Минпросвещения отказалось вводить обязательный ЕГЭ по иностранному языку. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5ff262e09a7947e74edf13f8> (дата обращения: 07.05.2025).

сути, создает и регулирует рынок дополнительных образовательных услуг. Поскольку общеобразовательная система не в состоянии (по разным причинам) обеспечить востребованный уровень и качество иноязычной подготовки, спрос на эти услуги удовлетворяют репетиторы (нередко это те же или иные учителя, преподаватели, выпускники и студенты профильных вузов), преподаватели частных языковых школ, носители языка и другие субъекты коммерческого образования. И популярность коммерческого образования и репетиторства только растет.

Еще одна важная функция иноязычного образовательного неравенства связывает «знание языка» и «социальные лифты», которые *стимулируют и мотивируют* школьников и их родителей. (Здесь мы решили содержательно сблизить эти функции, хотя различие существенно, но целесообразно для анализа в другом исследовании.) Иноязычное неравенство как фактор социальной (образовательной, профессиональной и иной) мобильности выступает своеобразным социальным «лифтом возможностей», стимулируя школьников и их родителей к углублению знания иностранных языков. С одной стороны, осознание иноязычного неравенства мотивирует школьников на осмысление и принятие скорректированных, более положительных ценностно-ориентационных схем отношения к изучению иностранных языков в школе. С другой – констатируемое неравенство, вариативность его разрешения, существующие образовательные подсистемы его исправления создают инструменты и шансы на изменение своего социального положения в системе сложившихся социокультурных отношений. Лучшее свидетельство тому институт репетиторства, который стал самой распространенной среди других школьных предметов внеурочной практикой. А репетиторство существенно детерминировано материальным положением семей школьников. Так, в ходе опроса школьников старших классов¹ выявлено, что если занятия с репетитором могут себе позволить 37 % московских школьников (семей), то среди жителей подмосковных малых городов и пгт (численностью до 50 тыс. чел.) таких не более 21 %. И если для 21 % москвичей подобная статья расходов занимает «незначительную часть семейного бюджета», то в Подмосковье таковых не более 15 %. В малых муниципальных образованиях до 47 % семей вообще не имеют возможности для

оплаты дополнительной иноязычной подготовки своих детей.

Важнейшая функция школьного иноязычного образовательного неравенства может быть определена и интерпретирована как *стратификационная*. Такое объективно существующее неравенство способствует воссозданию неравной социальной структуры, обеспечивая и поддерживая каналы мобильности определенных групп и слоев на высокоранговые позиции. Можно в данном контексте говорить о иноязычной подготовке, как об одном из механизмов воссоздания стратификационной структуры общества, в частности, формирования общественной элиты. Например, Лаборатория исследований рынка труда НИУ ВШЭ констатировала, что владение иностранным языком увеличивает доходы работников. В разных группах населения этот показатель варьирует, но в среднем по России он составляет 11 %. Для сотрудников, владеющих языком свободно, зарплатная премия возрастает до 27 %. Отдача существует не для всех категорий сотрудников и убывает от высоких профессиональных групп к низким: максимум (22 %) – у руководителей высшего и среднего звена, 15 % у специалистов высшего уровня, 8 % – среднего. А в целом среди специалистов высшего уровня квалификации владеют хотя бы одним иностранным языком почти 41 %. Среди жителей Москвы и Санкт-Петербурга таких почти 39 %, что существенно больше, чем среди жителей других городов. Такая же статистически значимая дифференция между имеющими высшее образование (42 %) и без диплома о высшем образовании (13 %); работниками финансовой сферы (41 %) и работниками ЖКХ (12 %), сельского хозяйства (6 %)².

В контексте анализа воспроизводства социальной стратификации можно добавить, что общеобразовательная система поддерживает дифференциацию отношения к иностранному языку, способствуя, как это ни странно, социальной *стабильности* российского общества больше, чем если бы попытались ввести лингвистическое образовательное равенство директивно и декларативно. Для сомневающихся в этом советуем провести мысленный эксперимент о возможных последствиях введения в стране обязательного ЕГЭ по иностранному языку и / или обязательном приеме его результатов в качестве обязательных при поступлении в вузы. Для многих школьников после такого решения «двери вузов были бы закрыты».

¹Опрос выполнен социологической лабораторией и кафедрой социологии МГЛУ в 2020 г.; в опросе участвовали 1098 учащихся 8–11 классов г. Москвы и 1112 школьников Московской области, изучающих иностранные языки в общеобразовательных учреждениях московского региона; статистическая погрешность в пределах 5%.

²Надбавка за английский: как знание языка влияет на зарплату. URL: <https://iq.hse.ru/news/266876813.html> (дата обращения: 07.05.2025).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение отметим, что проблема социальных функций иноязычного образовательного неравенства осмысливается нами как весьма важная, актуальная и вместе с тем недостаточно освещенная и осмысленная в обществоведческом научном дискурсе, как в теоретическом, так и в методологическом плане. Наш анализ дает возможность осмыслить социальные функции рассматриваемого подвида неравенства с точки зрения выполняемой ею роли в целостной социальной системе, в дифференцированной общественной структуре.

Осуществленное функциональное моделирование на основе методологии AGIL позволило обосновать и определить конкретные социальные функции рассматриваемого феномена. Используемая

методологическая схема Т. Парсонса, как показал анализ, имеет хорошие эвристические возможности в осмыслении социальных функций иноязычного образовательного неравенства в российских школах как системного социального явления.

Основные социальные функции выражают важные императивы рассматриваемого феномена. К ним относятся селективная, регулятивная, стимулирующая и стратифицирующая функции. Их анализ позволяет заключить, что школьное иноязычное образовательное неравенство объективно задано и функционально востребовано в современном российском обществе. В целом общество стремится к сохранению неравенства, без которого невозможно воспроизводство существующей социальной структуры. Рассмотренные социальные функции подтверждают этот вывод. Главный вопрос – в мере этого неравенства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Фурсова В. В., Ханнанова Д. Х. Социальное неравенство в системе образования: российские и зарубежные теории и исследования. М.: ДиректМедиа, 2013.
2. Шолохов А. В. Неравенство в системе современного образования: основания и механизмы воспроизводства: автореф. дис. ... д-ра философ. наук. Ростов-на-Дону, 2010.
3. Константиновский Д. Л. Неравенство и образование. Опыт социологических исследований жизненного старта российской молодежи (1960 – начало 2000 гг.). М.: ЦСП, 2008
4. Высоцкая А. В., Филипова А. Г. Образовательное неравенство в школе: от интерпретации понятия к детерминирующим факторам // Социальные исследования. 2018. № 2. С. 1–17.
5. Карнаухов И. А. Языковой код как фактор образовательного неравенства (на примере детей из семей рабочего класса) // Общество: социология, психология, педагогика. 2020. № 12 (80). С. 225–228.
6. Микерова Г. Г. Языковое развитие младших школьников как проблема социального неравенства // Концепт. 2015. Т. 37. С. 6–10.
7. Олейникова О. Б. Иностранный язык как индикатор дифференциации студентов российских технических вузов: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Новочеркасск, 2003.
8. Примаков В. Л. Лингвистическое образовательное неравенство: постановка проблемы и оценка последствий // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2021. Вып. 2 (843). С. 326–345.
9. Свердлова Н. А., Барышникова У. Н. К вопросу о лингвистическом неравенстве в полилингвальном образовательном пространстве // Русский лингвистический бюллетень. 2022. № 1 (29). С. 19–22.
10. Hudson R. A. Sociolinguistics. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
11. Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический Проект, 2000.
12. Парсонс Т. Социальная система. М.: Академический Проект, 2019.
13. Сорокин П. А. Социальная стратификация и мобильность // П. А. Сорокин. Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов ; пер. с англ. М.: Политиздат, 1992.

REFERENCES

1. Fursova, V.V., Khannanova, D. Kh. (2013). Social`noe neravenstvo v sisteme obrazovaniya: rossijskie i zarubezhny`e teorii i issledovaniya = Social inequality in the education system: domestic and foreign theories and research. Moscow: DirectMedia. (In Russ.)

2. Sholokhov, A. V. (2010). Neravenstvo v sisteme sovremennogo obrazovaniya: osnovaniya i mexanizmy` vosproizvodstva = Inequality in the modern education system: foundations and mechanisms of reproduction: abstract of Doctor of Philosophy. Rostov-on-Don. (In Russ.)
3. Konstantinovskiy, D. L. (2008). Neravenstvo i obrazovanie. Opyt sociologicheskikh issledovaniy zhiznennogo starta rossijskoj molodezhi (1960 – nachalo 2000 gg.) = Inequality and Education: A Sociological Study of the Life Start of Russian Youth (1960s – Early 2000s). Moscow: TSSP. (In Russ.)
4. Vysotskaya, A. V., Filipova, A. G. (2018). Educational inequality in school: from the interpretation of the concept to determinative factors. Social Research Journal, 2, 1–17.
5. Karnaukhov, I. A., Shirshova, V. V. (2020). Language code as a factor in educational inequality of children from working class families. Society: Sociology, Psychology, Pedagogics, 12(80), 225–228. (In Russ.)
6. Mikerova, G. G. (2015). Yazykovoe razvitie mladshix shkol'nikov kak problema social'nogo neravenstva = Language development of primary school students as a problem of social inequality. Kontsept, 37, 6–10. (In Russ.)
7. Oleinikova, O. B. (2003). Inostrannyj yazyk kak indikator differenciacii studentov rossijskix texnicheskix vuzov = Foreign language as an indicator of differentiation among students at Russian technical universities: abstracto of PhD in Sociology. Novocherkassk. (In Russ.)
8. Primakov, V. L. (2021). Linguistic Educational Inequality: Problem Statement and Analysis of Consequences. Vestnik of Moscow State Linguistic University, 2(843), 326–345. (In Russ.)
9. Sverdlova, N. A., Baryshnikova, U. N. (2022). On the issue of linguistic inequality in a multilingual educational environment. Russian Linguistic Bulletin, 1(29), 19–22. (In Russ.)
10. Hudson, R. A. (1996). Sociolinguistics. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press.
11. Parsons, T. (2000). O strukture socialnogo dejstviya = The Structure of Social Action. Moscow: Akademicheskij Proekt. (In Russ.)
12. Parsons, T. (2019). Socialnaya sistema = The Social System. Moscow: Akademicheskij Proekt. (In Russ.)
13. Sorokin, P. A. (1992). Socialnaya stratifikaciya i mobilnost = Social stratification and mobility. In A. Y. Sogomonov (ed.), Chelovek. Civilizaciya. Obshchestvo. Moscow: Politizdat. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Примаков Вячеслав Леонидович

доктор социологических наук, профессор

профессор кафедры социологии

Института международных отношений и социально-политических наук

Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Primakov Vyacheslav Leonidovich

Doctor of Sociology (Dr. habil.), Professor

Professor at the Department of Sociology

Institute for International Relations and Social and Political Sciences

Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

05.05.2025
06.06.2025
08.10.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Пространственная изменчивость субъективных самооценок состояния здоровья населения Республики Башкортостан

С. Р. Хазипова

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия
KHazipovaSR@uust.ru

Аннотация. В данном исследовании рассматриваются субъективные самооценки здоровья населения в Республике Башкортостан. Самооценка состояния здоровья проявляется в оценках респондентов из разных социально-экономических зон республики. Анализ исследования основан на результатах социологического опроса, проведенного в Республике Башкортостан в период с мая 2023 по июль 2023 года. В результате исследования выявлена взаимосвязь между самооценкой состояния здоровья респондентов и социально-экономической зоной. По мере продвижения от Центра к отдаленным зонам наблюдается постепенный переход от улучшения к ухудшению самооценки состояния здоровья. Процент людей, сообщающих о положительном самочувствии, уменьшается, в то время как число тех, кто сообщает о тревожном ухудшении состояния здоровья, увеличивается по мере удаления от административного центра (Уфы) в сторону периферийных социально-экономических зон. В исследовании также подчеркивается значительное влияние хронических заболеваний на общественное здоровье. В нем утверждается необходимость целенаправленных профилактических мер, учитывающих как территориальные, так и социальные факторы.

Ключевые слова: здоровье населения, заболеваемость, социально-экономические зоны, самочувствие, Республика Башкортостан

Для цитирования: Хазипова С. Р. Пространственная изменчивость субъективных самооценок состояния здоровья населения Республики Башкортостан // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2025. Вып. 3 (860). С. 109–118.

Original article

Spatial Variability of Subjective Self-Assessments of the Health Status of the Population of the Republic of Bashkortostan

Syuembika R. Khazipova

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia
KHazipovaSR@uust.ru

Abstract. This study examines the subjective self-assessments of health among the population in the Republic of Bashkortostan. The self-assessment of health is reflected in the responses of respondents from different socioeconomic zones within the republic. The analysis was based on a sociological survey conducted among residents of Bashkortostan between May and July 2023. The study revealed a correlation between respondents' self-reported health status and their socioeconomic location. As one moves away from the central area towards more remote parts of the region, there is an increasing trend towards lower self-perceived health levels. The proportion of people reporting good health decreases, while those reporting poor health increases as one moves further from Ufa, the administrative center. The study also highlights the significant impact of chronic diseases on

public health, and the need for targeted preventive measures that take into account both territorial and social factors.

Keywords: public health, morbidity, socio-economic zones, well-being, the Republic of Bashkortostan

For citation: Khazipova, S. R. (2025). Spatial variability of subjective self-assessments of the health status of the population of the Republic of Bashkortostan. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 3(860), 109–118. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Здоровье населения – это характеристика трудового и человеческого потенциала, которое зависит от множества факторов [Шабунова, 2022]. Сложное взаимодействие различных факторов способствует разнообразию показателей здоровья как на индивидуальном, так и на общественном уровнях.

Субъективное состояние здоровья – это личностная оценка человеком своего физического и психического благополучия. Следует понимать, что субъективные оценки здоровья бывают часто неполными и менее приближенным к жизни, чем объективные оценки, например, такие как уровень физиологического состояния. Но именно субъективные оценки являются результатом восприятия населения собственного благополучия [Косенкова, Макарова, 2007].

Важным аспектом понимания субъективного состояния здоровья является учет влияния территориального фактора, начиная от Центральных социально-экономических зон и заканчивая Северными зонами [Исянбаев, 2016]. В последнее время в области социологии здравоохранения всё больше внимания уделяется многогранным детерминантам здоровья, но изучению того, как эти факторы изменяются в зависимости от географического контекста, уделяется недостаточно внимания.

В связи с этим цель исследования состоит в проведении анализа территориальной дифференциации субъективных оценок состояния здоровья населения в зависимости от принадлежности к социально-экономической зоне Республики Башкортостан. Углубленный анализ территориальной дифференциации субъективных самооценок здоровья подразумевает использование стратифицированных данных (по географическим различиям), существенно влияющих на восприятие и качество здоровья в различных типах поселений и социальных группах.

Объектом исследования выступает субъективное состояние здоровья в Республике Башкортостан. Предмет исследования – пространственная изменчивость субъективных самооценок состояния здоровья населения Республики Башкортостан.

Российскими авторами уже исследовался эффект влияния территориального фактора на самооценку здоровья населения [Мельникова, Шевчук, 2021; Суховеева, 2024; Семенова, Тянь, 2024; Погорелов, 2018; Каргаполова, Арясова, Миронова, 2017]. В отличие от других работ, наше исследование фокусируется на данных социологического опроса 2023 года и рассматривает социально-экономические зоны Республики Башкортостан (РБ), выявляя территориальные различия в оценках здоровья населения. В исследовании выдвигается гипотеза о том, что люди, проживающие в Центральных зонах, имеют более высокие положительные оценки здоровья по сравнению с теми, кто живет на периферии.

ДАННЫЕ И МЕТОДЫ

Исследование основано на репрезентативном социологическом опросе «Здоровье и образ жизни населения Республики Башкортостан», охватывающем семь социально-экономических зон региона. Применен статистический анализ распределения и корреляций данных.

Объект исследования: население Республики Башкортостан (далее РБ) в возрасте от 18 до 69 лет. Выборка: стратифицированная по социально-экономическим зонам Республики Башкортостан и типу населенного пункта, квотированная по полу, возрасту и уровню образования. Квотирование обеспечивает валидность, а также репрезентативность выборки. Метод сбора данных: интервью по месту жительства с использованием бумажных анкет и онлайн-анкетирования, размещенного на платформе Simple Forms для проведения опросов. Это позволяет контролировать сбор анкет и обеспечивать высокое качество данных. Объем выборки составлял 960 человек. Сроки проведения: май – июль 2023 года.

Самооценка состояния здоровья как зависимая переменная измеряется на основании вопросов анкеты социологического опроса, таких как: «Как в целом вы оцениваете состояние своего здоровья в настоящее время?»; «Как вы считаете, состояние вашего здоровья в течение последних

двух лет улучшилось или ухудшилось?»; «Испытываете ли вы сейчас какие-либо ограничения в повседневной жизни, связанные со здоровьем?»; «Оцените, пожалуйста, насколько вы удовлетворены своим здоровьем»; «Врач когда-либо говорил вам, что у вас имеются какие-либо из следующих заболеваний?». В качестве независимой переменной выступала переменная, отражающая место проживания, дифференцированная в зависимости от принадлежности к той или иной социально-экономической зоне. Для обнаружения статистической значимости между показателями использовался тест Краскала-Уоллиса.

Деление на социально-экономические зоны в РБ базируется на подходах и критериях, отраженных в исследованиях М. Н. Исянбаева, где учитываются параметры экономического развития, инфраструктуры, демографических и социальных условий региона [Исянбаев, 2008; Исянбаев, 2016].

В РБ городские и сельские районы можно разделить на семь основных социально-экономических зон [Исянбаев, 2008]. Центральная зона, на долю которой приходится около 90 % экономического потенциала региона, включает в себя такие отрасли, как обрабатывающая промышленность, сельское хозяйство, малый бизнес и развитие инфраструктуры.

Южная зона характеризуется распространённостью химической, нефтехимической промышленности, а также производством строительных материалов и продуктов питания.

В Западной зоне распространены машиностроение, добыча нерудных полезных ископаемых, текстильное производство и пищевая промышленность. В Северо-Западной зоне региона сосредоточено производство транспортных средств, текстиля и продуктов питания. Северная зона имеет ресурсоориентированную экономику с акцентом на природные ресурсы и сельское хозяйство.

Северо-Восточная зона переживает период развития и, несмотря на относительно низкий уровень промышленного производства, обладает значительным потенциалом для инноваций и будущего роста. В отличие от нее, Уральская зона сильно ориентирована на сырье и поэтому нуждается в развитии инфраструктуры и социальных услуг зон [там же].

Уфа – столица Башкортостана – выделена в нашем анализе отдельно, так как в ней сосредоточена значительная часть экономических активов.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

В последние годы в связи с изменениями социально-экономических условий, возросло понимание влияния различных факторов на

субъективное восприятие здоровья. Однако исследований, в которых рассматриваются оценки влияния территориального фактора на показатели здоровья населения, на данный момент недостаточно. Большинство исследований фокусируется на объективных показателях здоровья, таких как уровень заболеваемости и смертности [Щур, Тимонин, 2020; Валеева, Шеховцова, 2025], но исследования субъективных оценок здоровья могли бы дать нам большее представление о восприятии людьми своего здоровья и качества жизни.

Рассматривая субъективные показатели здоровья, можно выделить несколько уровней оценки, но они все опираются на личностное отношение человека к своему заболеванию, его возможности рефлексии и оценки ситуации, приведшей к болезни. На этот процесс может влиять как социокультурный контекст (религиозные и культурные нормы), личностно-мотивационный (жизненные стратегии и жизненные миры человека, личный опыт социализации и другие социальные практики, в которых могут быть по-разному вписаны стратегии реагирования и проживания ситуации болезни) [Полюшкевич, 2021].

Согласно исследованиям, существуют географические различия в доступе к медицинским услугам и социально-экономическим ресурсам, которые существенно влияют на восприятие людьми своего здоровья. Например, многие исследования выявили, что жители городских районов более позитивно относятся к своему здоровью благодаря более легкому доступу к медицинским учреждениям и более широкому спектру здорового образа жизни. И напротив, люди, живущие в отдаленных или периферийных районах, часто сталкиваются с ограниченностью ресурсов, что может негативно сказаться на их субъективной оценке своего здоровья [Галкин, 2023; Игнатенко и др., 2023; Фадеева, Курышова, Калачина, 2019].

Пространственная изменчивость в состоянии здоровья и смертности представляет собой отдельную область исследований. Исследования различий в показателях здоровья в разных регионах и субрегионах подчеркивают решающую роль таких факторов, как доступ к медицинским услугам, экономическое развитие и инфраструктура, в формировании показателей общественного здравоохранения и смертности [Diez Roux, Mair, 2010; McKinnon et al., 2009].

В современных научных исследованиях субъективная оценка общественного здоровья рассматривается как сложное понятие, зависящее от различных личностных, социальных и экономических факторов. Одни работы демонстрируют, что социальные обстоятельства и эмоциональное

состояние существенно влияют на то, как люди воспринимают свое здоровье [Мельникова, Шевчук, 2021; Каргаполова, Арясова, Миронова 2017].

Другие исследования демонстрируют влияние экономических и социальных факторов на физиологическое и эмоциональное благополучие населения, подчеркивая важность понимания того, как восприятие здоровья различается в зависимости от уровня жизни и доступа к медицинским услугам [Семенова, Тянь, 2024; Погорелов, 2018].

В исследовании А. Б. Суховеевой показано, как культура и общество влияют на восприятие здоровья, что необходимо учитывать в региональной политике здравоохранения [Суховеева, 2024].

Таким образом, конвергенция этих исследований подтверждает идею о том, что субъективные оценки здоровья являются результатом сложного взаимодействия социальных, экономических, культурных и экологических факторов.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Субъективные оценки состояния здоровья населения РБ

Статистический анализ, проведенный с использованием U-критерия Манна-Уитни, выявил наличие / отсутствие статистически значимых различий между зонами республики, что определяется исследуемым показателем. Результаты анализа указывают на наличие статистически значимых различий между большинством рассматриваемых социально-экономических зон. Исключением являются Центр, Запад, Юг и Северо-Запад, в которых не наблюдаются значимые различия. В свою очередь, Уфа, Урал и Север / Северо-Восток демонстрируют более выраженные отличия от других зон.

Опрошенное население Урала, Севера и Северо-Востока оценивают состояние здоровья в настоящее время более негативно, чем респонденты из других социально-экономических зон Башкортостана (табл. 1). В Уфе и в Центральной зоне респонденты имеют наибольшую положительную оценку состояния здоровья в РБ.

Контрастирующие группы территорий были выделены на основе доли респондентов, которые оценили свое здоровье как «хорошее», «удовлетворительное» и «плохое». Четкая поляризованность территорий прослеживается с точки зрения доли людей с положительной самооценкой. Если в Уфе более половины (65,5 %) респондентов оценили свое здоровье как хорошее, то в Северной / Северо-Восточной зоне так оценили только 36,6 % – почти в два раза меньше. Такой субрегиональный контраст указывает на значительные различия в состоянии общественного здоровья между этими территориями. Кроме того, была выявлена асимметрия в распределении людей с негативной самооценкой своего здоровья.

Доля респондентов, сообщающих о «плохом» состоянии здоровья, в целом по РБ составляет 3,8 %, в некоторых социально-экономических зонах, таких как Юг и Урал, этот показатель примерно в 1,5 раза выше – 5 % и 5,5 % соответственно. С точки зрения субъективного восприятия, это указывает на повышенную уязвимость этих социально-экономических зон, и по мере продвижения от центра к периферии наблюдается постепенный переход к ухудшению самооценки состояния здоровья. Такая пространственная поляризация отражает влияние социально-экономических различий между центром и периферией на субъективное восприятие здоровья населением (см. табл. 1).

Таблица 1

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС «КАК В ЦЕЛОМ ВЫ ОЦЕНИВАЕТЕ СОСТОЯНИЕ СВОЕГО ЗДОРОВЬЯ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ?» В СООТВЕТСТВИИ С СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМИ ЗОНАМИ РБ (% ОТ ВСЕХ ОТВЕТИВШИХ ПО РЕСПУБЛИКЕ)

Состояние здоровья	Социально-экономическая зона							Всего
	Уфа	Центр	Запад	Юг	Северо-Запад	Урал	Север + Северо-Восток	
Хорошее	65,5	56,6	45,9	54,4	57,7	45,1	36,6	55,4
Удовлетворительное	30,7	40,6	50,7	40,6	40,8	49,5	61,0	40,8
Плохое	3,8	2,8	3,4	5,0	1,4	5,5	2,4	3,8

Примечание: Хи-квадрат Пирсона =31,839 (р-значение < 0,01).

Таблица 2

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС:
«КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, СОСТОЯНИЕ ВАШЕГО ЗДОРОВЬЯ В ТЕЧЕНИЕ ПОСЛЕДНИХ ДВУХ ЛЕТ
УЛУЧШИЛОСЬ ИЛИ УХУДИЛОСЬ?» В СООТВЕТСТВИИ С СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМИ ЗОНАМИ РБ
(В % ОТ ВСЕХ ОТВЕТИВШИХ ПО РЕСПУБЛИКЕ)

остояние здоровья	Социально-экономическая зона							Итого
	Уфа	Центр	Запад	Юг	Северо-Запад	Урал	Север + Северо-Восток	
улучшилось	10,0	17,6	6,8	7,4	24,3	5,7	4,8	10,3
осталось таким же	66,4	58,8	64,4	63,4	51,4	54,0	42,9	61,3
ухудшилось	23,5	23,5	28,8	29,1	24,3	40,2	52,4	28,4

Примечание: Хи-квадрат Пирсона =47,103 (р-значение < 0,01).

Таблица 3

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС:
«ОЦЕНИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, НАСКОЛЬКО ВЫ УДОВЛЕТВОРЕННЫ СВОИМ ЗДОРОВЬЕМ» В СООТВЕТСТВИИ
С СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМИ ЗОНАМИ РБ
(% ОТ ВСЕХ ОТВЕТИВШИХ ПО РЕСПУБЛИКЕ)

Состояние здоровья	Социально-экономическая зона							Итого
	Уфа	Центр	Запад	Юг	Северо-Запад	Урал	Север + Северо-Восток	
Не удовлетворен	6,8	8,3	3,9	7,8	7,0	6,5	12,2	6,9
Удовлетворен частично	43,1	39,4	52,6	56,8	36,6	43,5	56,1	47,1
Удовлетворен полностью		52,3	43,5	35,4	56,3	50,0	31,7	46,0

Примечание: Хи-квадрат Пирсона =24,747 (р-значение < 0,01).

Результаты статистического анализа с использованием U-критерия Манна-Уитни выявили статистически значимые различия в большинстве изученных социально-экономических зон по исследуемому показателю. Однако между социально-экономическими зонами, такими как Центр, Запад, Юг и Северо-Запад статистически значимых различий выявлено не было, в то время как Уфа, Урал и Север / Северо-Восток демонстрировали более выраженные различия.

Результаты опроса выявили статистически значимые различия в распределении ответов относительно изменений в состоянии здоровья респондентов в зависимости от места их проживания. В частности, были выявлены субрегиональные различия в самооценке состояния здоровья. На основе доли респондентов, указавших на улучшение, застой или ухудшение состояния своего здоровья,

были выделены две отдельные группы территорий. Северо-Запад и Центр – это зоны с самым высоким процентом положительных тенденций – 24,3 и 17,6, соответственно, в то время как Север / Северо-Восток и Урал демонстрируют преимущественно негативные оценки – от 52,4 % до 40,2 % (см. табл. 2).

Анализ ответов на вопросы опроса об удовлетворенности состоянием здоровья в Республике Башкортостан, представленный в таблице 3, выявляет существенные различия. В частности, в Север / Северо-Восточной зоне была отмечена самая высокая доля респондентов, выражающих неудовлетворенность своим здоровьем, – 12,2%.

Большинство респондентов частично удовлетворены состоянием своего здоровья. В Западной зоне этот показатель – 52,6 %, а в Южной зоне он был несколько выше и составил 56,8 %. Это указывает на наличие сложных взаимодействий между

позитивными и негативными факторами, влияющими на общее восприятие благополучия.

Однако проблемы, с которыми сталкиваются эти группы населения, могут заставить их усомниться в своей оценке общей удовлетворенности, несмотря на некоторые положительные аспекты. Полная удовлетворенность состоянием здоровья была наиболее распространена в Северо-Западной зоне (56,3 %) и в Центре (52,3 %). И наоборот, зона Север / Северо-Восток показала более низкий уровень удовлетворенности – 31,7 %.

ОГРАНИЧЕНИЯ И ЗАБОЛЕВАЕМОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ РБ

Были выявлены различия в субъективных самооценках состояния здоровья среди групп населения разных социально-экономических зон Башкортостана. Сосредоточив внимание на девяти конкретных заболеваниях, исследование выявило статистически значимые различия в их распространенности, подтвержденные с помощью теста Хи-квадрат при уровне значимости $p < 0,01$. Среди девяти проанализированных заболеваний гипертоническая болезнь, характеризующаяся высоким

кровяным давлением, имеет наиболее выраженную тенденцию к распространению в Северо-Восточной зоне, распространенность которой составляет 56,6 %, что значительно выше, чем в других рассматриваемых территориях. Напротив, самая низкая распространенность наблюдается в Западной зоне – 33,6 %.

Распространенность других хронических сердечно-сосудистых заболеваний широко варьируется, при этом самый высокий уровень субъективной оценки заболеваемости респондентами в зоне Север / Северо-Восток составляет 30,7 %, а самый низкий – в Центральной зоне (8,1 %).

Самые высокие показатели оценки респондентами уровня холестерина в крови были зафиксированы в зоне Северо-Запад (28,6 %), а самые низкие – в Центре (7,1 %).

Распространенность диабета по мнению респондентов была самой высокой в Северо-Западной зоне (19,8 %), в то время как самая низкая распространенность наблюдалась в Южной зоне (7,9 %).

Субъективные оценки респондентов по наличию эндокринных расстройств, включая заболевания, связанные с щитовидной железой,

Таблица 4

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС: «ВРАЧ КОГДА-ЛИБО ГОВОРИЛ ВАМ, ЧТО У ВАС ИМЕЮТСЯ КАКИЕ-ЛИБО ИЗ СЛЕДУЮЩИХ ЗАБОЛЕВАНИЙ?» В СООТВЕТСТВИИ С СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМИ ЗОНАМИ РБ (% ОТ ВСЕХ ОТВЕТИВШИХ ПО РЕСПУБЛИКЕ)

№	Заболевания	Социально-экономические зоны							Значимость
		Уфа	Центр	Запад	Юг	Северо-Запад	Урал	Север / Северо-Восток	
1	Высокое кровяное давление (гипертензия)	38,9	35,5	33,6	42,5	49,0	34,9	56,6	Хи-квадрат = 10,052 (р-значение < 0,01)
2	Другие хронические сердечно-сосудистые заболевания	8,1	7,1	19,3	13,1	15,7	10,7	30,7	Хи-квадрат = 19,987 (р-значение < 0,01)
3	Высокий уровень холестерина в крови	24,7	24,4	26,4	22,8	28,6	13,5	21,3	Хи-квадрат = 5,525 (р-значение < 0,01)
4	Диабет	15,8	11,9	9,9	7,9	19,8	12,5	19,4	Хи-квадрат = 10,588 (р-значение < 0,01).
5	Др. заболевания эндокринной системы, в том числе щитовидной железы	9,8	10,0	10,0	16,5	16,2	7,1	22,6	Хи-квадрат = 6,566 (р-значение < 0,01)
6	Хроническое заболевание органов дыхания	13,3	32,0	8,9	9,7	12,3	12,7	7,4	Хи-квадрат = 10,074 (р-значение < 0,01)
7	Хронические заболевания мочеполовой системы	13,9	11,7	14,6	10,5	10,6	19,9	7,3	Хи-квадрат = 9,055 (р-значение < 0,01)
8	Хронические заболевания желудочно-кишечного тракта	29,8	16,5	37,4	25,0	7,4	44,2	13,5	Хи-квадрат = 35,476 (р-значение < 0,01)
9	Заболевания опорно-двигательного аппарата	17,8	9,2	28,8	24,4	16,4	17,5	42,4	Хи-квадрат = 19,037 (р-значение < 0,01)

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС:
«ИСПЫТЫВАЕТЕ ЛИ ВЫ СЕЙЧАС КАКИЕ-ЛИБО ОГРАНИЧЕНИЯ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ,
СВЯЗАННЫЕ СО ЗДОРОВЬЕМ?» В СООТВЕТСТВИИ С СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМИ ЗОНАМИ РБ
(% ОТ ВСЕХ ОТВЕТИВШИХ ПО РЕСПУБЛИКЕ)

Состояние здоровья	Социально-экономическая зона							Итого
	Уфа	Центр	Запад	Юг	Северо-Запад	Урал	Север + Северо-Восток	
Никаких ограничений не испытываю	63,5	74,5	60,0	68,6	76,1	64,0	53,7	65,9
Испытываю незначительные ограничения	33,	24,5	35,4	25,1	23,9	33,7	41,5	30,6
Испытываю сильные ограничения	3,5	1,0	4,1	6,3	0,0	2,2	4,9	3,6

Примечание: Хи-квадрат Пирсона = 21,143 (р-значение < 0,01).

также широко распространены в зона Север / Северо-Восток, на их долю приходится 22,6 % случаев. И наоборот, самые низкие в зоне Урала (7,1 %).

Хронические заболевания органов дыхания по самооощущениям опрашиваемых достигают своего пика в Центре, составляя 32 % всех случаев.

Расстройства пищеварительного тракта среди опрошенных характеризуются заметными колебаниями, причем самые высокие показатели отмечены в зоне Урала (44,2 %), а самые низкие – в Северо-Западной зоне (7,4 %).

Отметим, что наличие ответов относительно заболеваний опорно-двигательного аппарата более распространены в зоне Север / Северо-Восток – 42,4 % случаев, по сравнению с 9,2 % в Центральной зоне (см. табл. 4).

Статистические различия в распространенности хронических заболеваний в социально-экономических районах города ($p < 0,01$) указывают на существование специфических географических закономерностей, которые могут быть объяснены сложным взаимодействием социально-экономических факторов, факторами окружающей среды и образом жизни. Выявление и анализ этих факторов имеет важное значение для разработки целенаправленных мероприятий по снижению заболеваемости среди населения.

Наибольшая доля респондентов, сообщивших об отсутствии ограничений, отмечена в Северо-Западной зоне: 76,1 % респондентов указали на отсутствие ограничений. За ними следуют Уфа (63,5 %) и Юг (68,6 %). Эти данные свидетельствуют о том, что значительная часть населения в этих зонах поддерживает уровень жизни без

негативных последствий для здоровья. И наоборот, самые высокие уровни незначительных ограничений были зарегистрированы в Север / Северо-Восточной зоне (41,5 %). Эти данные могут указывать на факторы, препятствующие полноценному функционированию, но не оказывающие существенного влияния на повседневную деятельность. Более того, на Юге (6,3 %) и Западе (4,1 %) имеются случаи серьезных ограничений. Эти цифры указывают на основные проблемы, способствующие ухудшению состояния здоровья в этих районах (см. табл. 5).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании полученных результатов можно выделить несколько ключевых аспектов:

1. Гипотеза о более высоких субъективных оценках здоровья у жителей центральных зон по сравнению с периферийными находит подтверждение на основании сравнения средних баллов самооценки.
2. Наблюдаемое увеличение числа людей, отмечающих ухудшение своего самочувствия за последние два года, свидетельствует о необходимости более тщательного мониторинга и анализа факторов, влияющих на состояние здоровья в определенных зонах.
3. В Центральной зоне и в городе Уфа по оценкам респондентов распространены заболевания органов дыхания, в Северных зонах (Северо-Запад и Север / Северо-Восток) – заболевания сердца и эндокринной системы.

4. В Северо-Западной зоне, в Уфе и Южной зоне преобладает позитивная самооценка здоровья. Напротив, в Северной и Северо-Восточной зонах значительная часть жителей испытывает незначительные ограничения, указывая на присутствие факторов, снижающих качество жизни, но не затрудняющих повседневную деятельность. Более серьезные проблемы с состоянием здоровья выявлены в Западной и Южной зонах.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шабунова А. А. Здоровье населения в России: состояние и динамика. Litres, 2022.
2. Косенкова О. И., Макарова В. И. Проблема качества жизни в современной медицине // Экология человека. 2007. № 11. С. 29–34.
3. Исянбаев М. Н. Региональные социально-экономические кластеры Республики Башкортостан: структуризация экономического пространства, производственная специализация хозяйства // Вестник ВЭГУ. 2016. № 3 (83). С. 52–59.
4. Мельникова Т. Б., Шевчук И. А. Влияние субъективных факторов на самооценку здоровья населения региона // Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. 2021. Т. 18 № 5 (119). С. 112–121.
5. Суховеева А. Б. Субъективные оценки уровня здоровья коренного населения Хабаровского края // III-й международный демографический форум «Демография и глобальные вызовы»: материалы форума. Воронеж, 23–25 мая 2024 года. Воронеж: Цифровая полиграфия, 2024. С. 285–292.
6. Семенова И. И., Тян А. Ю. Исследование влияния объективных показателей благополучия на самооценки здоровья в российских регионах // Экономика труда. 2024. Т. 11. № 4. С. 505–524.
7. Погорелов А. Р. Общественное здоровье населения Камчатского края: пространственные различия и региональные вызовы // Географические и геоэкологические исследования на Дальнем Востоке: сборник научных статей молодых ученых, Владивосток, 11–12 октября 2018 года. Владивосток: Тихоокеанский институт географии ДВО РАН, 2018. Т. 13. С. 96–103.
8. Каргаполова Е. В., Арясова А. Ю., Миронова Ю. Г. Здоровье в субъективных оценках населения (по результатам мониторингового социологического исследования) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2017. № 5 (50). С. 119–125.
9. Исянбаев М. Н. Экономические подрайоны Республики Башкортостан. Уфа: Гилем, 2008.
10. Щур А. Е., Тимонин С. А. Центр-периферийные различия продолжительности жизни в России: региональный анализ // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7. № 3. С. 108–133.
11. Валеева О. В., Шеховцова Т. Н. Медико-демографические процессы в Байкальском регионе // Географический вестник. 2025. № 1 (72). С. 40–49.
12. Полюшкевич О. А. Особенности сознания: субъективное восприятие здоровья // Философия здоровья: интегральный подход: сборник научных трудов. 2021. С. 60–64.
13. Галкин К. А. Активность и стратегии заботы о здоровье пожилых людей: городской и сельский контекст // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29. № 1. С. 130–142.
14. Игнатенко А. Н. [и др.]. Показатели качества жизни, связанного со здоровьем, сельского и городского населения региона Западной Сибири / А. Н. Игнатенко, В. Л. Стасенко, Д. В. Турчанинов, Е. А. Вильмс // Тихоокеанский медицинский журнал. 2023. № 3 (93). С. 68–72.
15. Фадеева И. М., Курышова Л. Н., Калачина О. С. Демографический вызов сельской школе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2020. № 4 (837). С. 184–201.
16. Diez Roux A. V., Mair C. Neighborhoods and health // Annals of the New York academy of sciences. 2010. Т. 1186. № 1. С. 125–145.
17. McKinnon R. A. et al. Measuring the food and physical activity environments: shaping the research agenda / R. A. McKinnon, J. Reedy, S. L. Handy, A. B. Rodgers // American Journal of Preventive Medicine. 2009. Т. 36. № 4. С. S81–S85.

REFERENCES

1. Shabunova, A. A. (2022). Zdorov'e naseleniya v Rossii: sostoyanie i dinamika = Public health in Russia: status and dynamics. Litres. (In Russ.)

2. Kosenkova, O. I., Makarova, V. I. (2007). Problema kachestva zhizni v sovremennoj medicine = Problem of quality of life in present-day medicine. *Ekologiya cheloveka*, 11, 29–34. (In Russ.)
3. Isyanbaev, M. N. (2016). Regional Socio-Economic Clusters of the Republic of Bashkortostan: Structuring of Economic Space, Production Specialization of Economy. *Vestnik VEGU*, 3, 52–59. (In Russ.)
4. Melnikova, T. B., Shevchuk, I. A. (2021). The impact of subjective factors on self-assessment of health by the region population. *Vestnik Rossijskogo jekonomicheskogo universiteta imeni G. V. Plehanova*, 18, 5(119), 112–121. (In Russ.)
5. Sukhoveeva, A. B. (2024) Subjective assessments of the health level of the indigenous population of the Khabarovsk Territory. III mezhdunarodnyj demograficheskij forum "Demografija i global'nye vyzovy" = III International Demographic Forum "Demography and Global Challenges": Materials of the Forum, Voronezh, May 23–25. (pp. 285–292). Voronezh: Cifrovaja poligrafija. (In Russ.)
6. Semenova, I. I., Tyan, A. Yu. (2024). Influence of objective indicators of well-being on self-assessment of health in Russian regions. *Russian Journal of Labour Economics*, 11(4), 505–524. (In Russ.)
7. Pogorelov, A. R. (2018). Public health of the Kamchatka Territory population: spatial differences and regional challenges. *Geograficheskie i geojekologicheskie issledovaniya na Dal'nem Vostoke* = Geographical and geoecological research in the Far East: a collection of scientific articles by young scientists, Vladivostok, October 11–12. (Vol. 13) (pp. 96–103). Vladivostok: Tihoookeanskij institut geografii DVO RAN. (In Russ.)
8. Kargapolova, E. V., Aryasova, A. Yu., Mironova, Yu. G. (2017). Health in subjective population assessments (on the results of the monitoring sociological research). *Bulletin of the Surgut State Pedagogical University*, 5(50), 119–125. (In Russ.)
9. Isyanbaev M. N. (2008). *Jekonomicheskie podrajony Respubliki Bashkortostan* = *Jekonomicheskie podrajony Respubliki Bashkortostan* = Economic sub-areas of the Republic of Bashkortostan. Ufa: Gilem. (In Russ.)
10. Shchur, A. E., Timonin S. A. (2021). Center-peripheral differences in life expectancy in Russia: regional analysis. *Demograficheskoe obozrenie*, 7(3), 108–133. EDN: CCZDJ. (In Russ.)
11. Valeeva, O. B., Shekhovtsova, T. H. (2025). Medical and demographic processes in the Baikal region. *Geographical Bulletin*, 1(72), 40–49. (In Russ.)
12. Polyushkevich, O. A. (2021). Features of consciousness: subjective perception of health. *Filosofiya zdorov'ya: integral'nyj podhod* (pp. 60–64): collection of proceedings. (In Russ.)
13. Galkin, K. A. (2023). Activity and strategies for caring for the health of the elderly: urban and rural context. *Science. Culture. Society*, 29(1), 130–142. (In Russ.)
14. Ignatenko, A. N. et al. (2023). Health-related quality of life of the rural and urban population in Western Siberia: a descriptive study / A. N. Ignatenko, V. L. Stasenko, Turchaninov D. V., Vilms E. A. *Pacific Medical Journal*, 3(93), 68–72. (In Russ.)
15. Fadeeva, I. M., Kuryshova, L. N., Kalachina, O. S. (2019). Demographic challenge to rural schools. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences*, 4(837), 184–201. (In Russ.)
16. Diez Roux, A. V., & Mair, C. (2010). Neighborhoods and health. *Annals of the New York Academy of Sciences*, 1186(1), 125–145.
17. McKinnon, R. A. et al. (2009). Measuring the Food and Physical Activity Environments / R. A. McKinnon, J. Reedy, S. L. Handy, A. B. Rodgers. *American Journal of Preventive Medicine*, 36(4), 81–85.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Хазипова Сюембика Рашидовна

аспирант

старший преподаватель

кафедры социологии и работы с молодежью

ведущий специалист и младший научный сотрудник

Научной лаборатории социальных и демографических исследований

Уфимского университета науки технологий

ABOUT THE AUTHOR

Khazipova Syuembika Rashidovna

Postgraduate Student

Senior Lecturer at the Department of Sociology and Youth Work

Leading Specialist and Junior Researcher

of the Scientific Laboratory of Social and Demographic Research

Ufa University of Science and Technology

Статья поступила в редакцию одобрена после рецензирования принята к публикации	08.04.2025	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
	16.09.2025	
	08.10.2025	

Сетевое электронное научное издание

ВЕСТНИК	VESTNIK
Московского государственного	of Moscow State Linguistic
лингвистического университета	University
Общественные науки	Social Sciences
Выпуск 3 (860)	Issue 3(860)

Ответственный редактор выпуска
кандидат политических наук М. В. Пупышева

Редакторы: *Н. Г. Павлова, М. М. Сингал,*
Компьютерная верстка: *Г. П. Лопатина*
Дизайн макета: *А. В. Алымов*

ФГБОУ ВО МГЛУ

Подписано в печать 05.12.2025
Усл. печ. л. 14,9. Формат 60х90/8
Заказ № 99/25

Адрес редакции:
119034, Москва, ул. Остоженка, 38, стр. 1
Тел.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

В «Вестнике Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки» публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим группам научных специальностей:

- 5.4. Социология
- 5.5. Политические науки
- 5.6. Исторические науки

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Исторические науки», «Политические науки», «Исторические науки. Политические науки», «Общественные науки».

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2025

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. Эл № ФС77-66050 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Доменное имя сайта: mslu-soc.ru

Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном согласовании с редакцией издания.

Ссылка на издание обязательна.